

Содержание

История

<i>Марасанова В. М.</i> Профсоюзная периодика 1905–1907 годов о регионах России: верхневолжские губернии	5
<i>Мойсинович А. М.</i> Журнал «Фотографические новости» и выставка 1912 г. в Санкт-Петербурге	10
<i>Лебедев А. В.</i> Железнодорожный транспорт Верхнего Поволжья во время «большого террора» ...	17
<i>Гавристова Т. М.</i> «Исправление ошибок»: об увековечении памяти Леопольда Сенгора	23
<i>Спиридонова Е. В., Пушкарева Е. С.</i> Лес и его обитатели в мифологии йоруба	28
<i>Захарова Н. А.</i> Мировая женская мода и культура йоруба	35
<i>Следников А. Г.</i> Периодика на латинском языке конца XIX–первой половины XX вв.	39

Право

<i>Иванчин А. В., Павлова Л. О.</i> К вопросу о критериях категоризации преступлений по Уголовному кодексу РФ	45
<i>Тарусина Н. Н.</i> Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности»	50
<i>Миролюбова О. Г.</i> О новом правовом режиме некоторых объектов в жилищном праве	54
<i>Исаева Е. А., Соколов А. В.</i> Управление гражданской активностью: опыт Ярославской области	59
<i>Симонова С. В.</i> Организация и проведение публичных мероприятий в рамках стратегии национальной безопасности	66
<i>Климова А. С.</i> Соотношение прав и обязанностей личности в международном публичном праве: проблемы и пути их решения	70
<i>Кукушкина М. В.</i> Уголовно-правовая характеристика и значение рецидива преступлений	74

Психология

<i>Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В.</i> Проблемы и перспективы разработки теории групповых решений	79
<i>Емельянова С. С., Коровкин С. Ю.</i> Эмоциональное состояние фрустрации в решении инсайтных задач	89
<i>Чистопольская А. В., Владимиров И. Ю., Секурцева Ю. Г.</i> Изменение репрезентации в процессе решения визуальных инсайтных задач	95
<i>Клюева Н. В., Армашова А. Б.</i> Исследование восприятия ситуации этической дилеммы психолога-консультанта методом фокус-группы	102
<i>Волкова М. Г., Рыбникова Е. В.</i> О способностях и познавательных стилях студентов и школьников, обучающихся физике	108
<i>Власов Н. А.</i> Социальная изолированность как социально-психологическая детерминанта внушаемости в большой группе	113
<i>Донцов А. В.</i> Психологические исследования теорий религиозности как качества личности	117
<i>Шпитонков С. В., Палт Е. А.</i> Условия среды коммерческой компании в детерминации стилей делового общения менеджеров	123
Дополнительные сведения об авторах	138

Contents

History

<i>Marasanova V. M.</i> Trade Union Periodicals of Russian Regions (1905–1907): the Upper Volga Provinces	5
<i>Moysinovich A. M.</i> The Magazine «Photographic News» and the Exhibition 1912 (St. Petersburg)	10
<i>Lebedev A. V.</i> Railway Transport of the Upper Volga Region During the «Great Terror»	17
<i>Gavristova T. M.</i> «Rectification of Mistakes»: in Commemoration of Leopold Senghor	23
<i>Spiridonova E. V., Pushkareva E. S.</i> Forest and its Inhabitants in the Mythology of the Yoruba	28
<i>Zakharova N. A.</i> World Women's Fashion and Yoruba Culture	35
<i>Slednikov A. G.</i> Latin Periodicals from the Late 19th to the Early 20th Centuries	39

Law

<i>Ivanchin A. V., Pavlova L. O.</i> Notes on the Criteria of Crimes Categorization as to the Criminal Code of the Russian Federation	45
<i>Tarusina N. N.</i> Family Legislation: «50 Shades of Uncertainty»	50
<i>Miroljubova O. G.</i> On New Juridical Norms of the Housing Law for Certain Objects	54
<i>Isaeva E. A., Sokolov A. V.</i> Civil Activity Management: the Experience of the Yaroslavl Region	59
<i>Simonova S. V.</i> Organization and Implementation of Public Events from the Perspective of the National Security Strategy	66
<i>Klimova A. S.</i> Balance of Human Rights and Responsibilities in International Public Law: Problems and Ways of their Resolution	70
<i>Kukushkina M. V.</i> Characteristic in Criminal-Legal Terms and Meaning of Recidivism	74

Psychology

<i>Karpov A. V., Karpov A. A., Markova E. V.</i> Problems and Prospects for Development of the Theory of Group Decisions	79
<i>Emelyanova S. S., Korovkin S. Y.</i> Emotional Frustration During Impasse in Insight Problem Solving	89
<i>Chistopolskaya A. V., Vladimirov I. Yu., Securtseva J. G.</i> Change of Representation in the Process of Visual Insight Problem-Solving	95
<i>Klueva N. V., Armashova A. B.</i> Focus Group Method Research on Perception of Ethical Dilemmas Experienced by Psychological Counsellor	102
<i>Volkova M. G., Rybnikova E. V.</i> Personal Abilities and Cognitive Styles of Students of Physics	108
<i>Vlasov N. A.</i> Social Exclusion as a Socio-Psychological Determinant of Suggestability in a Large Group	113
<i>Dontsov A. V.</i> Psychological Researches of Theories of Religiosity as a Personal Quality	117
<i>Shpionkov S. V., Palt E. A.</i> Conditions Wednesday commercial company business communication styles determination managers	123
Contributors	139

ИСТОРИЯ

УДК 331.105.44 [(051)(054)]''1905–1907'':94(47)

В статье рассматривается начальный этап становления и развития профсоюзной периодической печати в России. В результате комплексного исследования материалов печати по Верхневолжскому региону России (в границах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний) охарактеризованы особенности подачи материала в профсоюзной печати по сравнению с печатью левых партий. Установлено, что по Верхневолжскому региону большая часть публикаций касалась Владимирской губернии, а из отраслевых союзов чаще всего освещались союзы текстильщиков. Профсоюзная периодика охарактеризована как средство фиксации и распространения актуальной информации, как канал коммуникации внутри конкретной отрасли или региона, как эффективный способ привлечения новых участников в профессиональные союзы.

Ключевые слова: периодическая печать; профсоюзы; первая российская революция 1905–1907 гг.; политические партии; Верхнее Поволжье.

The article considers the initial stage in the development of trade union periodicals in Russia. Comprehensive study of periodical press within the boundaries of Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces in the Upper Volga Region has resulted s in comparative characteristics of information presentation by trade unions' and left-wing parties' press. The author states that the majority of publications in the Upper Volga Region are concerned with Vladimir province, and that the theme of textile workers' unions was the most popular one. Trade union periodicals are described as a means of recording and disseminating of topical information, as a communication channel within a particular industry or a region, as an effective way of attracting new members to trade unions.

Keywords: periodicals; trade unions; First Russian Revolution of 1905–1907; political parties; Upper Volga Region.

В. М. Марасанова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: vmt@uniyar.ac.ru

Профсоюзная периодика 1905–1907 годов о регионах России: верхневолжские губернии

Научная статья

V. M. Marasanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Trade Union Periodicals of Russian Regions (1905–1907): the Upper Volga Provinces

Scientific article

Возникновение профсоюзной периодики в России последовало за созданием профессиональных союзов в период высшего подъема российской революции 1905–1907 гг. После первого подробного очерка организатора профсоюзов Владимира Владимировича Святловского 1925 г. [1] о них довольно много писали в советский период [2–4]. Обсуждение вопросов о создании, развитии и роли профсоюзов продолжает интересовать историков [5; 6], социологов [7], практиков. Профсоюзная пресса и через сто лет с момента появле-

ния остается распространенным типом специализированных СМИ [8], включающим профсоюзные и отраслевые издания.

Перечень дореволюционных профсоюзных периодических изданий представлен в указателе Я. С. Рогинского, вышедшем в 1957 г. [9], однако источниковый потенциал данной группы периодики еще не в полной мере раскрыт в исторических исследованиях. Согласно приведенным в указателе данным, в период революции в России издавалось 111 профсоюзных газет и журналов,

© Марасанова В. М., 2017

в том числе почти половина из них (58) выходила в Санкт-Петербурге и Москве. Среди столичных изданий было десять газет, а остальные 48 изданий представляли собой журналы с периодичностью выхода один раз в неделю или две недели.

Профсоюзная периодика 1905–1907 гг. представляет интерес для исследования в нескольких направлениях. Во-первых, она важна как часть отечественной журналистики, средство фиксации и распространения актуальной информации, канал коммуникации внутри конкретной профессии, отрасли или региона, эффективный способ привлечения новых участников в профессиональные союзы и решения иных задач. Во-вторых, периодика раскрывает начальный этап создания и текущую деятельность профессиональных союзов в революционную эпоху. И, в-третьих, пресса рассказывает о положении и формах протестной активности рабочих и служащих в разных отраслях и регионах страны.

Целью проводимого исследования стало изучение профсоюзной периодической печати в период первой российской революции, а также ее анализ с точки зрения наличия информации о событиях в российских регионах. Для выяснения значения профсоюзной периодики как источника было проведено сплошное комплексное исследование материалов печати по Верхневолжскому региону России в границах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. Данные губернии имели сходные черты с точки зрения географического положения, близости к обеим столицам, структуры органов управления, состава населения, промышленного производства и транспортной инфраструктуры. Неслучайно в рамках ведомственного деления данные губернии, как правило, объединялись.

«Временные правила о профессиональных обществах» от 4 марта 1906 г. легализовали деятельность профессиональных союзов в Российской империи, но начавшийся период отступления революции и бюрократические сложности с регистрацией уставов не позволили им закрепить показатели по количеству и численности на уровне осени 1905 года. Общественно-политическая обстановка в стране влияла и на профессиональные союзы, и на их периодику. Все профсоюзные периодические издания выходили легально, но две трети из них возникли в «думские» периоды – весной 1906 и в первой половине 1907 г. Отклик рабочих на профессиональное движение не всегда при-

водил к партийному самоопределению и политической активности. В то же время снижение амплитуды политических выступлений усиливало интерес к профсоюзам со стороны левых партий. Несмотря на внепартийность профсоюзов, в период революции можно проследить достаточно широкий партийный «спектр» их изданий. Политическая программа у профсоюзов отсутствовала, но они постоянно находились под угрозой закрытия, проявляя настойчивость в сохранении и возобновлении своих печатных органов.

Так, первый номер петербургского журнала «Ткач» увидел свет 10 июня 1906 г. До октября успело выйти восемь номеров, а затем он продолжил выходить как «Голос ткача». После выхода третьего номера 10 января 1907 г. этот журнал вновь был запрещен, однако уже через месяц возобновился как «Вестник работниц и рабочих волокнистых производств» (6 номеров). Журнал выходил и после революции, сменив еще девять названий. Журнал «Рабочий по металлу» выходил в Петербурге с 30 августа 1906 г. С февраля 1907 г. он назывался «Кузнец», и после окончания революции также менял названия. Петербургский «Листок союза рабочих портных, портних и скорняков» выходил с 3 декабря 1905 г. по 16 декабря 1906 г. В 1907 г. он продолжил выходить под названием «Портной». Вообще, 8 из 30 изученных изданий перестали выходить после первого же номера. Своеобразный рекорд по продолжительности выхода установил «Листок союза рабочих портных, портних и скорняков» – 27 номеров; дольше других продержались журнал «Профессиональный союз» (15 номеров) и отдельные издания приказчиков. Профсоюзные газеты и журналы помогали сохранению и укреплению организаций и иногда некоторое время выходили после закрытия профсоюзов.

Многие столичные общепрофессиональные и отраслевые издания по характеру публикуемых материалов являлись не просто городскими или губернскими, но и региональными. Они публиковали обстоятельные статьи и материалы по политическим и экономическим вопросам, истории профессиональных союзов за рубежом и в России, текущим проблемам профсоюзного движения в разных губерниях. В таких изданиях велись рубрики «Провинция», «В союзах», «Корреспонденция», «Письма в редакцию», «Письма по провинции» и т. п.

Важную роль в профсоюзном движении сыграли нелегальные межсоюзные объединения – Центральные Бюро профессиональных союзов (ЦБПС) в Петербурге и Москве. В частности, Московское ЦБПС руководило союзами губерний Центральной России [10]. В этой части страны некоторые профсоюзы открывались как отделения московских союзов на основе их уставов. Неслучайно именно московские издания часто обращали внимание на губернии Верхнего Поволжья.

Из выходивших в столицах профсоюзных газет и журналов более половины, а именно 30 изданий, фактически были общероссийскими или региональными, уделяли внимание близлежащим губерниям, имели в них своих корреспондентов. Такими являлись печатные органы профессиональных союзов текстильщиков, металлистов, железнодорожников, портных и приказчиков (см. Алфавитный перечень к статье). Остальные 28 столичных периодических изданий носили локальный характер: их содержание касалось конкретного городского союза. В их числе издания булочников, кондитеров, «деревобделочников», кожевников, строителей, извозчиков и представителей некоторых других профессий.

Первая общепрофессиональная газета «Рабочий голос» была организована группой меньшевиков в Петербурге 26 ноября 1905 г. Однако уже 6 декабря третий номер газеты был конфискован за опубликование «Финансового Манифеста» Петербургского Совета рабочих депутатов, а газета закрыта. Такая же участь постигла единственный номер продолжившей её «Рабочей жизни» от 29 января 1906 г. Одновременно в столице стал выходить журнал Петербургского ЦБПС «Профессиональный союз» (27 ноября 1905 – 1 апреля 1906 г.) В 1907 г. он возобновился под названием «Профессиональный вестник». Журнал публиковал общие статьи по вопросам профсоюзного движения, которые отразили его меньшевистскую ориентацию. Наряду с этим, журнал зафиксировал хронику рабочего и профсоюзного движения по всей России. Вышедший 1 мая 1907 г. в Петербурге первый номер журнала «Профессиональное движение» стал единственной попыткой создания общепрофессионального органа партией эсеров.

В Москве общепрофессиональная периодика появилась годом позднее, уже после появления «Временных правил» о легализации профессиональных союзов. В октябре – декабре 1906 г. было

издано десять номеров журнала «Рабочий союз». Он придерживался меньшевистского направления. В апреле 1907 г. вышли четыре номера журнала «Профессионал», в котором сотрудничали большевики М. Г. Лунц, А. В. Шестаков, В. П. Ногин. Таким образом, в годы революции выходило 7 изданий общепрофессионального характера – 2 газеты и 5 журналов. Все они находились под влиянием оппозиционных партий, преимущественно меньшевиков.

Большая часть столичных отраслевых изданий ориентировалась на левые партии с явным преобладанием социал-демократии. Это могло быть общее социал-демократическое направление без учета фракционных разногласий (6 изданий), большевистское (7), меньшевистское (4) или эсеровское (4); и только у двух изданий не удалось определить политические «симпатии» ни по характеру публикуемых материалов, ни по составу редакции. В частности, влияние эсеров было сильным во Всероссийском железнодорожном союзе (ВЖС) и соответственно в его журналах «Семафор» (4 июля 1906 г.) в Петербурге, «Железнодорожная жизнь» (1 октября 1906 г.) и «Железнодорожный союз» (февраль – апрель 1907 г.) в Москве. В то же время журналы Петербургского и Московского узловых бюро ВЖС «Локомотив» и «Голос железнодорожника» придерживались большевистского направления. Параллельно с журналом «Локомотив» Петербургское узловое бюро издало в апреле 1907 г. единственный номер газеты «Чугунка», ориентировавшейся на эсеров.

В профсоюзной печати партийные взгляды пропагандировались не столь явно, как в органах ЦК и прочих партийных комитетов. Характер публикаций о профсоюзной жизни различался. Партийные органы обычно лишь упоминали о создании союзов в публикациях, связанных с протестными выступлениями рабочих и социал-демократической работой, и практически не давали информации о повседневной профсоюзной работе. Например, в 1907 г., сообщая о I областной конференции профсоюзов текстильщиков Центрального района России в Москве, меньшевистская газета «Дело жизни» [11] и большевистская – «Наше эхо» [12] приводили только их резолюции о заработной плате, премиях, об оплате мастеров и подмастерьев, увольнении и найме рабочих, о необходимости привлечения в профессиональные союзы женщин, об агитации за празднова-

ние 1 Мая. Профсоюзные издания, помимо этого, публиковали представленные делегатами отчеты о положении рабочих и состоянии союзов на местах [13; 14]. «Мрачная картина жизни» текстильщиков, по образному выражению профсоюзной прессы, складывалась из 11-часового рабочего дня, низкой платы, «губительной» санитарной обстановки.

Профсоюзная печать отразила участие делегатов от верхневолжских губерний в конференции рабочих по металлу (февраль 1907 г., Москва) и конференции рабочих по изготовлению одежды (апрель 1907 г., Москва). Конференция металлистов, следуя за меньшевистским большинством делегатов, признала, что профсоюзы представляют собой «внепартийные рабочие организации, не связанные ни с какой партией. В профессиональных союзах не место полемике между партиями и фракциями» [11]. Было решено, что «стачки в отделениях начинаются с согласия областного правления, либо не будет поддержки общей кассы» [15]. Главным решением конференции портных был отказ от открытия самостоятельных союзов, и они по-прежнему действовали как отделения московского союза [16].

Остальные выявленные публикации касались деятельности профессиональных союзов в конкретных губерниях. Большая часть материалов была связана с Владимирской губернией, что соответствовало количеству и численности профессиональных союзов. По данным И. С. Розенталя, во Владимирской губернии было создано 36 союзов, в Костромской – 25, Ярославской – 12 (всего 73 союза с численностью более 30 тыс. человек) [17, с. 64–73, 136–143, 340–342]. В дополнение к этим данным социал-демократическая печать позволила выявить 4 рабочих союза, действовавших в ноябре-декабре 1905 г.: союзы столяров, кондитеров, часовщиков в Ярославле и союз рабочих по обработке металла в Костроме [18; 19]. Эти союзы просуществовали недолго. Их деятельность пришлась на период, когда профсоюзы еще не были официально разрешены, и, соответственно, не появилась легальная профсоюзная пресса. Наибольшее количество публикаций было посвящено текстильщикам, так как именно они составляли большинство рабочих региона.

Поскольку легализация профессиональных союзов пришлась на период отступления революции, понятны частые сообщения об отказах в регистрации союзов [20; 21]. Публикации проф-

союзной печати раскрывали основные направления профсоюзной работы: укрепление союзов, распространение литературы, культурно-просветительная работа, юридическая и медицинская помощь, поддержка стачечников и пострадавших от локаута рабочих и т. д. В корреспонденции из Иваново-Вознесенска за апрель 1907 г. сообщалось: «Управляющий Гарелинской фабрикой обратился к секретарю союза с вопросом: выработал ли союз свои расценки на все сорта ткани и пряжи? За две недели перед Пасхой должны быть вывешены новые расценки, и он сумел бы заранее просить хозяина об изменениях, желательных союзу» [22]. В том же номере было отмечено, что рабочие ткацкой фабрики Михина в Костроме обратились в союз с просьбой о посредничестве в конфликте с администрацией. Союз признал, что начинать стачку преждевременно, и рабочие «оставили на союз» дальнейшее ведение переговоров: в условиях спада движения профсоюзы могли легально содействовать улучшению положения рабочих и защите их прав.

Всего в 30 изученных общепрофессиональных и столичных профсоюзных изданиях (203 номера) удалось выявить 48 публикаций, посвященных профессиональным союзам Верхнего Поволжья. Эти материалы важны и для анализа периодической печати и ее связей с разными регионами, и для представления более полной картины социальной активности и профсоюзной работы в промышленных центрах.

Таким образом, профсоюзная печать появилась вслед за созданием профессиональных союзов, сначала в Петербурге, затем в Москве и других городах страны. Первые столичные профессиональные издания выходили еще до официального разрешения деятельности союзов. Часть профсоюзных изданий просуществовала до лета 1907 г., меняя названия, а некоторые продолжали выходить и после окончания революции. Наибольшую активность в профсоюзной печати демонстрировали социал-демократы и в меньшей степени эсеры. Другие партии практически не имели влияния на профессиональные союзы и их печать. Общепрофессиональные издания и ряд столичных отраслевых органов печати выполняли роль общероссийских и региональных, что делает их ценным источником для изучения истории отечественной журналистики, деятельности рабочих организаций и протестной активности в годы революции.

Ссылки

1. Святловский В. В. История профессионального движения в России. От возникновения рабочего класса до конца 1917 г. Л.: Изд. Лен. губ. Совета профсоюзов, 1925. 344 с.
2. Саргсян Г. В. Школа классово-революционной борьбы. Профсоюзы российского пролетариата в революции 1905–1907 гг. М.: Профиздат, 1985. 280 с.
3. Розенталь И. С. Большевики и профсоюзы (из истории идейной борьбы с оппортунизмом) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 5. С. 84–96.
4. Розенталь И. С. О количестве, численности и составе профсоюзов в царской России // История СССР. 1984. № 1. С. 55–71.
5. Иерусалимский Ю. Ю., Марасанова В. М. Первая российская революция 1905–1907 годов. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 128 с.
6. Носач В. И. Профессиональные союзы в России (1905–1930). СПб.: СПбГУП, 2001. 400 с.
7. Скворцов С. С. Профсоюзы как институт интеграции рабочего класса (на материалах становления профсоюзного движения России) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение. 2009. № 2. С. 61–69.
8. Панина Ю. Н. Медиадискурс российских профсоюзов: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. 1. С. 141–143.
9. Рогинский Я. С. Русская профсоюзная периодическая печать 1905–1917 гг.: библиографический указатель / под ред. Б. И. Козловского. М., 1957. 71 с.
10. Горелов О. И. Московское Центральное Бюро профессиональных союзов в 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 178–182.
11. Дело жизни. 1907. 14 февр., № 4.
12. Наше эхо. 1907. 31 марта, № 6.
13. Вестник работниц и рабочих волокнистых производств. 1907. 28 февр., № 2.
14. Профессиональный вестник. 1907. 10 марта, № 4–5.
15. Рабочий по металлу. 1907. 17 февр., № 9.
16. Портной. 1907. 12 мая, № 2.
17. Профессиональные союзы рабочих России, 1905 – февраль 1917 гг.: Перечень организаций / сост. И. С. Розенталь. М., 1985. 421 с.
18. Борьба. 1905. 6 дек., № 8.

19. Вперед. 1905. 2 дек., № 1.
20. Листок союза рабочих портных, портних и скорняков. 1906. 2 дек., № 9.
21. Рабочий союз. 1906. 24 окт., № 4.
22. Профессионал. 1907. 4 апр., № 1.

**Алфавитный перечень
изученных профсоюзных изданий
1905–1907 гг.**

- Вестник золотосеребренников и бронзовщиков (СПб.). 1907. 9 номеров.
- Вестник работниц и рабочих волокнистых производств (СПб.). 1907. 7 номеров.
- Голос железнодорожника (М.). 1906. 1 номер.
- Голос приказчика (СПб.). 1906. 14 номеров.
- Голос ткача (СПб.). 1906–1907. 3 номера.
- Железнодорожная газета (СПб.). 1906. 1 номер.
- Железнодорожная жизнь (М.). 1906. 2 номера.
- Железнодорожный союз (М.). 1907. 3 номера.
- Жизнь приказчика (М.). 1906–1907. 19 номеров.
- Жизнь приказчика (СПб.). 1907. 4 номера.
- Красильщик (СПб.). 1907. 2 номера.
- Кузнец (СПб.). 1907. 8 номеров.
- Листок союза рабочих портных, портних и скорняков (СПб.). 1905–1907. 27 номеров.
- Локомотив (СПб.). 1907. 5 номеров.
- Портной (СПб.). 1907. 4 номера.
- Приказчик (М.). 1906–1907. 19 номеров.
- Приказчик (СПб.). 1906. 2 номера.
- Профессионал (М.). 1907. 4 номера.
- Профессиональное движение (СПб.). 1907. 1 номер.
- Профессиональный вестник (СПб.). 1907. 8 номеров.
- Профессиональный союз (СПб.). 1905–1906. 15 номеров.
- Рабочая жизнь (СПб.). 1905–1906. 2 номера.
- Рабочая жизнь (СПб.). 1906. 1 номер.
- Рабочий по металлу (СПб.). 1906–1907. 14 номеров.
- Рабочий союз (М.). 1906. 10 номеров.
- Семафор (СПб.). 1906. 1 номер.
- Ткач (СПб.). 1906. 8 номеров.
- Фабричный (М.). 1907. 1 номер.
- Часовщик (СПб.). 1907. 1 номер.
- Чугунка (СПб.). 1907. 1 номер.

УДК 77 (47)(091)

Статья посвящена журналу «Фотографические новости», содействовавшему распространению знаний о фотографии, инновациях в технике и технологиях. В центре внимания – его эволюция, становление как полноценного информационно-насыщенного издания. Особое внимание уделено роли журнала в развитии фотографического дела в России, организации в Санкт-Петербурге международной фотографической выставки 1912 г.

Ключевые слова: журнал; фотография; фотографическая выставка; общества; комиссия.

The article specifically regards the magazine «Photographic News» which contributed to the dissemination of knowledge about photography, innovations in engineering and technology. The author focuses on its evolution and formation as a fully-fledged informative edition. In particular the author stresses importance of the magazine in the development of the photographic business in Russia and highlights the international photographic exhibition held in 1912 in St. Petersburg.

Keywords: magazine, photography, photographic exhibition, society, commission.

А. М. Мойсинович

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: devero2000@mail.ru*

Журнал «Фотографические новости» и выставка 1912 г. в Санкт-Петербурге

Научная статья

А. М. Moysinovich

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Magazine «Photographic News» and the Exhibition 1912 (St. Petersburg)

Scientific article

Искусство фотографии получило всемирное развитие благодаря открытиям французских ученых Ж. Н. Ньепса и Л. Ж. М. Дагера в 1839 г. Разрабатываемая усилиями специалистов техника получения снимков, обеспечивающая сравнительную быстроту их изготовления, способствовала популярности фотографического дела, в том числе в России. Бурное развитие фотоиндустрии сделало доступными широким слоям населения легкие съемочные камеры, «быстрые» затворы, готовые светочувствительные пластины, бумаги и пленки, магниевые осветительные приборы и т. д. Все это позволяло делать снимки почти каждому желающему, давало возможность запечатлеть ежедневные события, вести хронику частной и общественной жизни.

Для пополнения знаний стали печататься специализированные журналы: в 1880–1899 гг. их было 6, в 1902–1918 гг. – 18 [1]. Русскую фотографическую периодику можно разделить на три

условные группы: 1) журналы, принадлежащие одному конкретному издателю; 2) издания фотографических обществ; 3) печатные органы торговых фирм. Журналы первых двух групп были тесно связаны между собой. Их редакторы активно сотрудничали и обменивались информацией: данными о выставках, конкурсах, появившихся новинках. Они ставили своей задачей популяризацию фотографии в России, знакомство с работами иностранных и русских фотографов, пропаганду отечественных изобретений, обсуждение новых течений и тенденций в мире искусства.

К ним можно отнести такие журналы, как «Фотограф-любитель», «Фотографическое обозрение», «Светопись», «Вестник фотографии», «Вестник Одесского фотографического общества», «Известия Русского общества любителей фотографии» и другие.

Торговыми фирмами издавались: «Вся Россия» (фабрика «Вся Россия» К. И. Фреланда), «Фото-

графический листок» (торговый дом Ф. Иохима), «Фотографические новости» (торговый дом И. Стеффена), «Любитель-кодакист» (акционерная компания «Кодак»). В этих журналах размещались сведения о приборах и фотопринадлежностях, давались полезные советы по использованию фотохимических препаратов и их рецептов. Основное направление изданий заключалось в рекламировании продукции коммерческих фирм, популяризации технических и промышленных усовершенствований.

Особый интерес представляет журнал «Фотографические новости», издаваемый Торговым домом И. И. Стеффена. Это коммерческое предприятие появилось в 1882 г. в Санкт-Петербурге. Любительская фотография еще только зарождалась, возможных конкурентов было крайне мало, и предприимчивый молодой человек И. Стеффен¹ (на тот момент ему было 25 лет), рассчитав все «за» и «против», решил основать небольшой магазин по продаже фотопринадлежностей. Понимая, что для организации предприятия ему не хватает знаний в области фотографического дела, он изучает основы фотографии, знакомится со специальной литературой, ведет оживленную переписку с иностранными фирмами. Установив нужные знакомства и связи, получив необходимые рецепты и способы изготовления фотографических материалов, И. И. Стеффен начинает свою предпринимательскую деятельность. Его продукция пользовалась большой популярностью у фотографов, фирма начинает активно развиваться.

С самого начала своей торговой деятельности И. И. Стеффен придерживался следующего принципа: «соблюдая интересы покупателей, отпускать товар лишь лучшего качества по возможно меньшим ценам» [2, с.75]. Благодаря качеству товаров и умеренным ценам, растет количество клиентов, многие из них становятся постоянными.

Для рекламы продукции выпускались специальные прейскуранты многочисленных фотографических и фотомеханических аппаратов и принадлежностей. Они включали в себя подробное описание изделий, инструкции по их использованию, а также рецепты и советы по фотографии. Выпускались брошюры, касавшиеся отдельных

принадлежностей фотографической практики («Пигментная бумага», «Микрофотография», «Матовая альбуминная бумага», «Камера Модель Стеффен» и другие). Для удобства покупателей они выдавались и высылались им по требованию – бесплатно.

Дела шли настолько хорошо, что в 1902 г. И. И. Стеффен открыл второе отделение своего предприятия – в Москве. Оба филиала давали большую прибыль. Постепенно фотографическое дело развивалось. Каталогов и брошюр стало недостаточно. Они выходили с большими перерывами во времени, и в 1907 г. было решено основать фотографический журнал. И. И. Стеффен отмечал, что, идя навстречу нуждам покупателей и не жалея крупных затрат, он приступает к выпуску один раз в месяц особых торговых циркуляров под названием «Фотографические новости», где будет сообщать подробные сведения об инновациях в области фотографического дела и товарах, поступивших на его склады [3, с. 2].

На страницах журнала печатались не только данные о новых технических новинках и продукции Торгового дома, ценах на них и распродажах, но и различные рецепты, полезные советы, сведения о фотографических обществах, проводимых выставках и конкурсах. Со временем журнал стал полноценным информационно насыщенным изданием. В нем публиковались сведения о происходящих событиях в фотографическом мире.

Редакция журнала устроила в Петербурге международную фотографическую выставку. Она проходила 12 апреля – 4 мая 1912 г. в залах Императорского Общества поощрения художеств под покровительством вел. кн. Михаила Александровича. Положение о выставке было утверждено министром торговли и промышленности С. И. Тимашевым. Целью выставки было представить на публичное обозрение достижения фотографического дела в науке, искусстве, технике, частной и общественной жизни.

Выставка включала семь составляющих: 1) фотография в науке (в астрономии, биологии, медицине, судебной практике и т. д.); 2) работы фотографов и фотографических обществ (фотографические снимки, всевозможных размеров и способов воспроизведения); 3) цветная фотография; 4) кинематография; 5) фотомеханические процессы (гелиографюра, фототипия, автотипия

¹ Стеффен Иоахим Иванович (6 октября 1857, Любек – 27 октября 1910, Санкт-Петербург) в 1879 г. переселился из Германии в Санкт-Петербург.

и т. п. процессы); б) фотографическая промышленность (фотографические аппараты, принадлежности, материалы и т. п.) и 7) фотографическая литература [4, с. 2].

О масштабности данного предприятия свидетельствует тот факт, что Положение о выставке, программа, правила для экспонентов и бланки для заявлений были отпечатаны на русском, английском, немецком и французском языках. Для рекламы выставки были выпущены цветные плакаты и марки; плакаты вывешивались на видных местах в помещениях фотографических обществ, магазинах, гостиницах, в местах наибольшего скопления людей; марки распространялись в России и за границей, их наклеивали на корреспонденцию крупных торговых фирм, обществ, различных учреждений и частных лиц [5, с. 33].

Руководить организацией выставки и ее проведением должен был Распорядительный комитет, в который вошли редакторы журнала «Фотографические новости» Н. Е. Ермилов, И. А. Фелиш, деятели науки и культуры. Главой комитета был назначен В. И. Срезневский, большой любитель фотографии, один из основателей Российского фотографического общества (г. Москва). Распорядительным комитетом к участию на выставке были привлечены выдающиеся экспоненты по всем отделам – более 200 человек. Сочувственно отнеслись к выставке не только русские, но и заграничные специалисты. Представители Англии, Франции, Австрии и Германии вынесли на суд зрителей свои работы. Однако преобладали на выставке снимки русских мастеров из разных уголков империи: Санкт-Петербурга, Москвы, Риги, Харькова, Тифлиса, Иркутска, Севастополя, Харбина, Одессы. Были выставлены произведения фотографов К. К. Булла (СПб), С. М. Прокудина-Горского (СПб), Ф. Г. Шрадера (СПб), К. А. Фишера (Москва), Н. Першейда (Берлин), П. С. Творогова (СПб), А. М. Шейна (Вена), Р. Паулюса (Прага), фотографии Санкт-Петербургского, Харьковского и Латышского фотографических обществ, снимки офицерской воздухоплавательной школы, Департамента полиции, сыскной полиции Санкт-Петербурга. Всего экспонатов насчитывалось несколько тысяч. В выставке приняли участие и крупные мировые фотографические фирмы: Цейс, Герц, Буш, Фохтлендер, Кодак, Люмьер-Жугла, Геверт, «Ика», «Агфа»

и другие.

Для отбора экспонатов была создана экспертная комиссия во главе с К. А. Фишером², состоявшая из представителей 22 организаций: от Императорского Общества поощрения художеств выступали Н. К. Рерих и В. И. Зарубин; от Императорского Русского Технического Общества – Ю. В. Руммель и С. В. Вяхирев; от Санкт-Петербургского фотографического общества – Р. К. Бенковский и т. д.

Подготовка к выставке и участие в ней многих известных деятелей науки и культуры не могли не вызвать интереса со стороны публики, и главным образом представителей фотографического мира. Готовящееся открытие выставки вызвало дискуссии на страницах фотографической периодической печати. Были положительные, восторженные отзывы и крайне негативные. Наиболее ярким примером может служить статья Н. Петрова³ «Фотографические выставки и художественная светопись» [6]. В ней автор акцентирует внимание на нескольких вопросах, касающихся программы выставки, платы с экспонентов и игнорирования художественной фотографии. Однако главным и важным для Н. Петрова было выступление против всеобъемлющего характера выставки, экспонатов, дающих представление зрителям исключительно о развитии фотографии, ее возможностях, появлении технических новинок. Для него основа выставки – художественная фотография, которой не было выделено отдельного места в экспозиции. По мнению автора, фотографам-художникам нужно участвовать в выставках-салонах, в которых цель – показать лучшие произведения мастеров фотографического искусства. В ответ на это замечание редакция журнала «Фотографические новости» ответила, что «фотогра-

² Фишер Карл Андреевич – фотограф Императорского Московского Университета и Императорских Театров, один из основателей Русского фотографического общества г. Москвы. На выставке, в научном отделе, поместил свои снимки солнечного затмения, проходившего 3 апреля 1912 г., сделанные им в Москве. Представленный экспонат свидетельствовал о том, что фотографы-профессионалы занимались не только портретной фотографией, но и научной.

³ Петров Николай Александрович – почетный член Русского фотографического общества в Москве, заведующий художественным отделом журнала «Фотографический вестник».

фия теперь подразделилась на столь громадное количество отраслей, она приобрела такое существенное значение в науке, промышленности и жизни, что художественная фотография является одним из очень маленьких ее отделов, каплей в море фотографического дела. И отрицать значение выставки, охватывающей фотографическое дело, по возможности, во всей его полноте, глумиться над ней <...>, еще не увидав ее, вряд ли достойно серьезного деятеля, преданного фотографическому делу» [7, с. 43]. Тем более во втором отделе – «работы фотографов и фотографических обществ», – безусловно, будет присутствовать художественная фотография.

Выставка, несомненно, представляла собой важное событие в фотографическом мире, а ее экспонаты вызывали живой интерес у публики. Например, на выставке экспонировались рентгеновские аппараты германского Акционерного общества «Рейнигер, Гебберт и Шалл» (г. Эрланген, Германия); на одном из них ежедневно производились просвечивания всех желающих, что привлекало большое внимание к продукции этой фирмы. За приборы для рентгенографии акционерное общество было награждено Министерством торговли и промышленности золотой медалью [8, с. 38].

Особое внимание посетителей привлек отдел Департамента полиции, который поместил на выставке коллекцию снимков, альбомов и таблиц по применению фотографии в области уголовного розыска и расследованию преступлений, образцы технического оборудования. При экспонатах на время выставки было установлено дежурство сотрудников Департамента. Они давали подробные и обстоятельные объяснения публике по поводу выставленных экспонатов, способов и приемов фотографирования преступников и мест преступления, опознания преступников на основании полученных при помощи фотографии данных. Экспонаты Департамента полиции и объяснения были настолько интересны, что около витрины Департамента все время толпилась публика, с большим вниманием слушающая объяснения и задававшая массу вопросов, особенно по дактилоскопии [8, с. 46].

Общество Московско-Казанской железной дороги предложило вниманию публики макет вагона-фотографии – единственного в своем роде, который представлял передвижную фотографию с павильоном и темной комнатой. Прототип

был создан в 1909 г., когда принималось решение снабдить всех железнодорожных служащих и членов их семей удостоверениями личности с фотографией. Для этих целей приспособили товарный вагон. За 1909 г., благодаря ему, сделали 50 тыс. снимков. Постройка вагона обошлась их заказчикам в 2 тыс. руб. [9, с. 55].

Большой стенд на выставке занимала акционерная компания Кодак. В двух витринах она экспонировала свои фотоаппараты, пленки, приспособления для их хранения и проявления. Во время выставки представитель фирмы демонстрировал публике съемку аппаратами Кодак, проявление пленок на дневном свете и копирование с негативов на светочувствительной бумаге.

В некоторые дни количество посетителей составляло более двух тысяч человек [10, с. 65]. Огромная по размаху экспозиция, в отделах которой демонстрировались все имевшиеся на тот момент в мире достижения в области научной и художественной фотографии, ее применение в науке и промышленности, имела успех. Как объясняли сами организаторы выставки, назрела насущная необходимость в ее проведении [11, с. 85]: прошло десять лет с организации последней подобной выставки. Фотографическое дело в России активно развивалось. Фотографическая промышленность, как заграничная, так и русская, представила на выставку свои лучшие достижения: оптические приборы, камеры, альбуминную бумагу, светочувствительные пластины, пленки. Художественная фотография показала высокий уровень как профессионалов, так и любителей. Научный отдел выставки и участие в нем Департамента полиции, офицерской воздухоплавательной школы, Департамента земледелия главного управления землеустройства и земледелия, обществ железных дорог обнаружили широкие возможности развития фотографии за пределами искусства, ее практическое значение для развития науки, воздухоплавания, сельского хозяйства, важность в поимке преступников, экспертизе документов.

В начале XX в. технический процесс шел вперед семимильными шагами. Люди в основном черпали информацию из периодической печати и были в восторге от зарождающегося кинематографа, с интересом наблюдая документальную хронику. Активно развивающееся фотодело способствовало появлению и развитию кинематографа, давало возможность увидеть мир глазами

фотографа, заглянуть в фотообъектив и увидеть дальние страны, военные действия и события современной жизни. Международная выставка, проходившая в Санкт-Петербурге, вызвала повышенное внимание со стороны публики, которой были открыты широкие возможности изведать то, что раньше было доступно узкому кругу избранных. Снимки медицинских операций, душевнобольных, чумы в Маньчжурии соседствовали с лиричными жанровыми и видовыми фотографиями, заставляя задумываться о бренности и мимолетности жизни, красоте и изнанке этого мира.

Итак, рассматривая историю развития «Фотографических новостей», изучая публикации журнала, можно увидеть его эволюцию от чисто рекламного издания до серьезного общественно-просветительского печатного органа. К моменту проведения международной выставки это был журнал, дававший читателю представление о современной культуре и науке, способствовавший повышению уровня теоретических и практических знаний.

Ссылки

1. Курский Л. Д. Фотографическая периодика России на рубеже веков // ФотоМагазин. 1996. № 2. URL: <http://www.photoweb.ru/prophoto/biblioteka/History/periodika.htm> (дата обращения: 13.12.2016).

2. Н. Е. Из прошлого фирмы И. Стеффен // Фотографические новости. 1907. № 5. С. 74–75.

3. Стеффен И. К покупателям // Фотографические новости. 1907. № 1. С. 1–2.

4. Фотографическая выставка 1912 г. в Санкт-Петербурге // Фотографические новости. 1912. № 1. С. 1–3.

5. Известия о фотографической выставке нашего журнала // Фотографические новости. 1912. № 2. С. 33.

6. Петров Н. Фотографические выставки и художественная светопись // Вестник фотографии. 1912. № 2. С. 80–85.

7. Ермилов Н. Под знаменем художественной выставки // Фотографические новости. 1912. № 3. С. 41–46.

8. Описание Санкт-Петербургской фотографической выставки 1912 г. // Фотографические новости. 1912. № 10. С. 37–52.

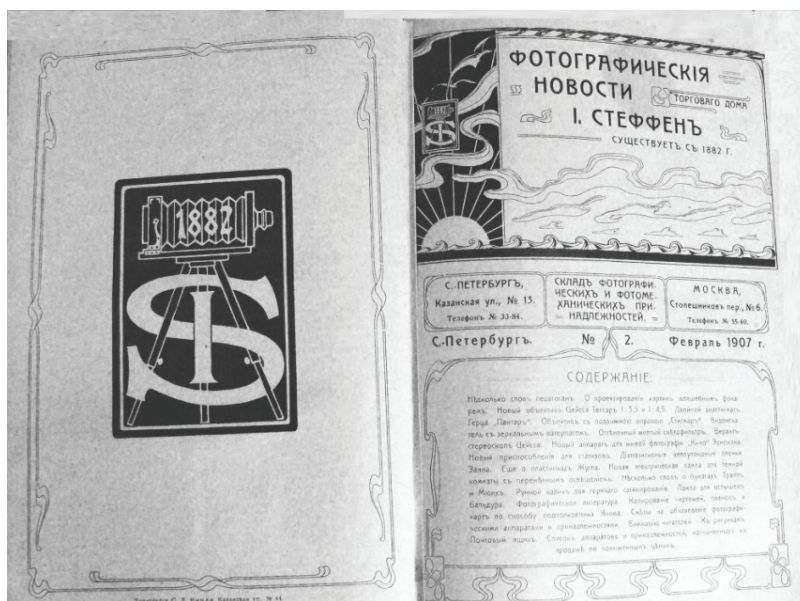
9. Описание Санкт-Петербургской фотографической выставки 1912 г. // Фотографические новости. 1912. № 11. С. 53–68.

10. Известия о фотографической выставке нашего журнала // Фотографические новости. 1912. № 4. С. 63–65.

11. Описание Санкт-Петербургской фотографической выставки 1912 г. // Фотографические новости. 1912. № 12. С. 69–87.

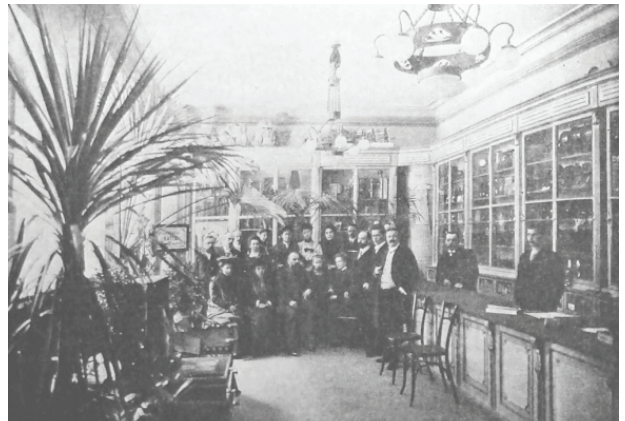
Иоахим Иванович Стеффен

Журнал «Фотографические новости»

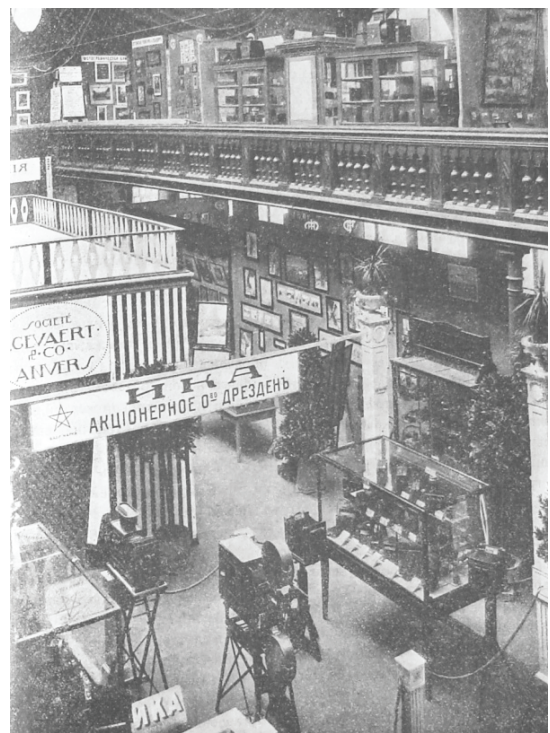
Внешний вид магазина в Санкт-Петербурге

Внутренний вид магазина

Плакат фотографической выставки

Общий вид выставки

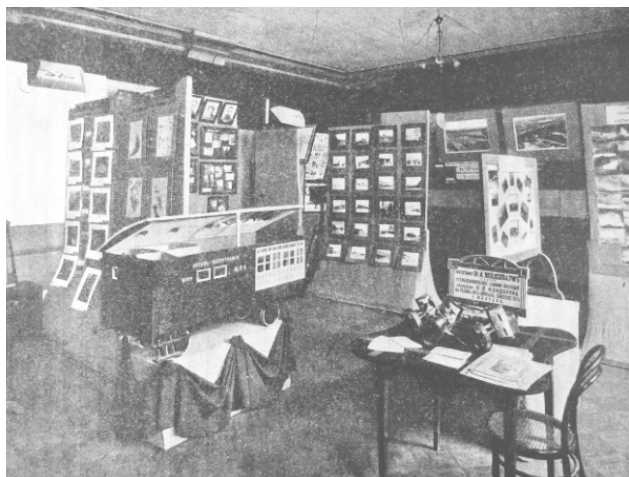
Группа, снятая при посещении выставки.
В центре: вел. кн. Михаил Александрович;
справа от него: Е. О. Стеффен, К. А. Фишер,
В. А. Виноградов; слева от него:
В. И. Срезневский, Н. Е. Ермилов

Общий вид выставки

Группа присутствовавших
на открытии выставки

Научный отдел

Стенд фирмы «Кодак»

Витрина А. М. Штейна (Вена)

Витрина фотоателье
«Боассон и Эгглер»
(Санкт-Петербург)

УДК 94(47)/470.314/317

В статье, на основании широкого круга неопубликованных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, изучается время массовых политических репрессий 1937–1938 гг. на железнодорожном транспорте Верхнего Поволжья СССР.

Ключевые слова: Народный комиссариат путей сообщения (НКПС); железнодорожный транспорт; Л. М. Каганович; массовые политические репрессии.

The article considers the time of mass political repression 1937–1938 regarding the railway transport working staff in the Upper Volga region of the USSR. The study is based on a wide range of unpublished sources, many of which are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: People's Commissariat of Railways (NKPS); railway transport; L. M. Kaganovich; mass political repressions.

А. В. Лебедев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: lebedevAV1984@mail.ru

Железнодорожный транспорт Верхнего Поволжья во время «большого террора»

Научная статья

A. V. Lebedev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Railway Transport of the Upper Volga Region During the «Great Terror»

Scientific article

Политические чистки, развёрнутые руководством Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) в среде железнодорожников в 1937–1938 гг., не имели себе равных по масштабам, жестокости и влиянию на последующий ход развития железных дорог СССР. Восемь десятилетий кануло в лету, но события тех далеких лет и сегодня вызывают живой, а нередко и болезненный интерес. Массовые политические репрессии 1930-х гг. на многие годы были отнесены к ряду запретных и неприкасаемых тем, о которых было не принято говорить.

По мере развития советской историографии, даже после признания факта репрессий и начавшейся реабилитации жертв политического террора, которая носила крайне выборочный и непоследовательный характер, события политических чисток зачастую искажались.

Несмотря на массовую реабилитацию жертв политических репрессий и обилие публикаций,

многие вопросы, связанные с политическим террором против советских граждан, остаются закрытыми для основной части общества. Наши современники имеют смутное представление о событиях тех лет. В общественном сознании происходят сложные и противоречивые процессы, которые только искажают историческую память.

В ситуации, когда значительная часть архивных документов по рассматриваемой проблематике продолжает оставаться засекреченной, а основная масса вышедшей в свет литературы носит не научный, а публицистический характер, на смену старым мифам, связанным с репрессиями, нередко приходят новые легенды. Публикаций по теме, которые носят сугубо научный характер, немного – это статьи С. В. Кудрявцева [1] и Н. П. Рязанцева [2]. Но их небольшой объём не позволяет претендовать на полноту изложения материала.

© Лебедев А. В., 2017

Работы, научная значимость которых заключается в формировании методологических и теоретических основ изучения тоталитарного режима и ключевых механизмов проведения массовых политических репрессий на региональном материале, только начинают появляться. Среди них необходимо выделить диссертационные исследования С. В. Кудрявцева [3] и К. А. Юдина [4], в которых даётся периодизация репрессий, изучается влияние идеологического вектора на экономический облик региона и анализируется следственная практика органов госбезопасности, что способствует расширению возможностей изучения массовых политических репрессий 1937–1938 гг. на железнодорожном транспорте Верхнего Поволжья.

Противоречия в области форсированного развития транспортного сектора экономики СССР привели к тому, что железнодорожные коммуникации перестали справляться с возложенными на них обязанностями по перевозкам в полном объёме. Под давлением непомерных нагрузок активно начала разрушаться материально-техническая база железнодорожного транспорта. Перевозочный процесс был полностью дезорганизован. Стальные артерии государства превратились в очаг непрерывных аварий и заторов, что крайне болезненно отражалось на экономике страны, сдерживая её дальнейшее развитие.

Железнодорожный транспорт Верхнего Поволжья в рассматриваемый период времени был представлен Ярославской железной дорогой, которая была образована в середине 1936 г. в соответствии с распоряжением НКПС. На 1720 км протянулась лента путей нового транспортного коридора, охватившего территорию 6 областей центральной, наиболее развитой и густонаселённой части страны: Московской, Ярославской, Калининской, Костромской, Ивановской, Владимирской. Магистраль располагалась на пересечении основных торговых и миграционных потоков внутри государства, связывая в единое целое крупные индустриальные центры и регионы, специализировавшиеся на добыче полезных ископаемых. Она по праву считалась одной из наиболее важных транспортных артерий СССР как по объёмам пассажирского движения, так и по густоте грузопотоков [5].

Несмотря на то что выделение Ярославской железной дороги в качестве самостоятельной структурной единицы в целом прошло неплохо

(первоначально она даже функционировала с перевыполнением некоторых плановых показателей, заданных НКПС), уже в августе 1936 г. её работа заметно ухудшилась, а к октябрю «дела совсем покачнулись» и дорога «быстрыми шагами покатила вниз» [6]. В конечном результате по итогам года был сорван государственный план погрузки и выгрузки, а также задание по передаче порожняка соседним магистралям.

«С приходом на работу в Управление Ярославской дороги первое время <...> присматривался и проверял связанных со мной по службе работников. Сравнивая работу Ярославской дороги с дорогой им. Ф. Э. Дзержинского, я убедился в том, что Ярославская дорога работает настолько плохо, что каждому бросалось в глаза <...>, – констатировал заместитель начальника дороги Г. П. Горячих, оправдывая своё бессилие в вопросе исправления сложившегося положения. – Особенно это было заметно в службе тяги, пассажирской службе, службе пути, в отделе найма и увольнения. В связи с этим я не раз пробовал говорить с <...> Егоровым <...>. Егоров на это мне однажды ответил: “Мы здесь сработались давно, и видишь, как дружно идёт работа, а от тебя требуется, чтобы ты меньше поднимал крика и шума”» [7].

Вся вина за провал работы Ярославской железной дороги была возложена на начальника её политотдела, который фактически отработал в своей должности всего месяц и по понятным причинам никак не мог повлиять на истинное положение вещей. Не выдержав травли, старый партийный работник застрелился у себя в кабинете, не дожидаясь ареста и того позора, который бы непременно стал следствием публичных разбирательств. Комментируя ситуацию с самоубийством главы дорожного политотдела, начальник дороги в доверительной беседе с одним из своих приближённых отметил, что первоначально того «считали хорошим человеком и работником, наградили орденом, а потом стали <...> трепать и придираются к нему за то, что он якобы в 1923 г. был троцкистом, этим самым довели его до того, что он стал пить, потерял равновесие и застрелился. У нас всегда так бывает <...>. Это потому, что дело вовсе не в качестве человека, а в связях, имей их с большими людьми и сам будешь большим человеком» [8].

Приведённые выше факты наглядно свидетельствуют о том, что положение требовало

решительного вмешательства НКПС и принятия давно назревших организационных мер по оздоровлению перевозочного процесса. Однако вместо этого правительство решило кардинальным образом пересмотреть свою политику в области развития транспортного комплекса страны в сторону её решительного ужесточения. В плохой работе железнодорожного транспорта были обвинены троцкисты, сторонники теории предела, а также замаскировавшиеся германские и японские шпионы, которые, по мнению руководства транспортного ведомства, проникли «во все норы» транспортного комплекса страны.

Не вдаваясь в особенности экономического положения транспортной отрасли, Л. М. Каганович для поддержания высоких темпов её развития стал активно использовать аресты и увольнения. В начале 1937 г., ещё до развёртывания «большого террора», он организовал массовые чистки, в результате которых в центральном аппарате НКПС было арестовано более 3 тыс. человек, т. е. весь высший руководящий состав железнодорожного транспорта СССР. Фактически руководство транспортного ведомства добивалось нужного результата за счёт усиления эксплуатации, грубого нарушения технических норм, влекущего рост аварийности и травматизма, введения чрезмерно жёсткой дисциплины и использования арестов, породивших гнетущую атмосферу страха, доноительства и недоверия в среде железнодорожников.

В своём выступлении на печально известном февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Л. М. Каганович подчеркнул, что на этот раз речь шла уже не о единичных примерах недовольства советским строем, а о целом ряде «организованных групп вредителей» в промышленности и на транспорте, озлобленных «растущей мощью социализма <...> и применяющих поэтому все средства изуверской борьбы с Советской властью, с Советским Союзом, какие имеются в арсенале шпионов, диверсантов и разведчиков» [9, с. 435]. При этом глава транспортного ведомства подчеркнул, что «тут вредны слёзы по поводу того, что могут арестовать невиновных». Таким образом, было дано теоретическое обоснование массовых репрессий на железных дорогах СССР. Данное выступление послужило программой к действию центральных следственных органов и дорожно-транспортных отделов

НКВД, которые уже в конце марта начали осуществлять координированную работу по выявлению «врагов народа» на железнодорожном транспорте. С этой целью начался сбор материалов, компрометирующих отдельных железнодорожников.

Едва закончился февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б), на котором была озвучена программа борьбы против шпионов, диверсантов и вредителей на Ярославской железной дороге, начались первые аресты. Под стражу были взяты начальник службы движения С. И. Москалёв, руководитель сектора финансового планирования дороги М. И. Маначкин, заместитель главы отдела охраны С. М. Желеховский, инструктор агитации и пропаганды дорожного политотдела К. А. Прокофьев, заместитель начальника транспортно-экспедиционной конторы И. А. Отодрак, ревизор паровозной службы Л. К. Коробейников, заместитель начальника службы движения по труду и зарплате В. А. Князев и многие другие [10].

Под воздействием начавшихся арестов началось настоящее «бегство» высшего командного состава с Ярославской железной дороги. 25 марта 1937 г. В. В. Винокуров спешно сдал дела своему заместителю М. М. Егорову, который, по мнению бывшего начальника дороги, «как политическая фигура авторитетом не пользовался, но вполне подходил для руководства практической <...> работой» [11]. Вслед за В. В. Винокуровым, опасаясь за свою судьбу, Управление Ярославской железной дороги в срочном порядке покинули заместитель начальника дороги И. О. Комиссаров, руководитель вагонной службы И. П. Кондаков, глава службы сигнализации и связи А. Н. Каминский, заместитель начальника грузовой службы М. В. Дриго и многие другие. Всего подобным образом с дороги «сбежало» 150 хозяйственных и партийных руководителей различного уровня [12].

В результате были разорваны крепкие профессиональные связи и хорошие личные отношения, выстроенные на протяжении многих лет внутри коллектива рассматриваемой транспортной артерии. Сотрудники, пришедшие им на смену, как правило, не обладали их профессиональными навыками и широким кругозором [13].

Во время подготовки к 1-й партийной конференции Ярославской железной дороги, в рамках так называемой «немецкой операции»,

были арестованы начальник паровозной службы О. О. Генрих, его заместитель Э. П. Юргенсон, начальник депо Александров, В. В. Вернер и ряд других работников паровозной службы рассматриваемой транспортной артерии. Поводом к повальным арестам, которые были инициированы Народным комиссариатом внутренних дел, стало «катастрофическое» состояние паровозного парка [14].

Однако архивные материалы, впервые вводимые нами в научный оборот, заставляют задуматься о достоверности этой версии. Недавно рассекреченные документы наглядно свидетельствуют в пользу того, что, несмотря на все трудности на Ярославской железной дороге, никакого вредительства в паровозном хозяйстве не было, а напротив, до того момента, как начались массовые аресты сотрудников паровозной службы, имело место улучшение выполнения показателей работы подвижного состава: количество аварий и брака в ремонте паровозов уменьшилось, а показатели освоения графика движения поездов заметно улучшились [15].

Находясь под следствием начальник паровозной службы Ярославской железной дороги О. О. Генрих всё время пытался доказать дознавателю, что в возглавляемом им структурном подразделении никакой вредительской работы не проводилось. Плохое выполнение приказов НКПС он объяснял своим нечётким руководством и неумением работать с сотрудниками паровозной службы на местах, что не подразумевало саботажа и злого умысла в их действиях [16]. Начальник Ярославской железной дороги понимал, что ситуация постепенно выходит из-под контроля. Для того чтобы решительно пресечь дальнейшее распространение репрессий в среде командного состава М. М. Егоров собрал партийных работников, приехавших на дорожную конференцию накануне открытия её работы, и категорично заявил всем присутствующим о том, что «мы не позволим критиковать руководство дороги» [17].

Однако добиться желаемого результата по минимизации последствий работы по выявлению «врагов народа» руководству Ярославской железной дороги не удалось. В ходе конференции в адрес руководства дороги и политотдела была высказана острая критика. Назывались имена конкретных работников, которые плохо выпол-

няли приказы НКПС. Подобный стиль полемики, когда на оппонентов навешивались политические ярлыки, делал в будущем аресты неизбежными.

Основной удар был направлен против начальника Ярославской железной дороги. М. М. Егоров был обвинён в том, что возглавляемая им магистраль работает из рук вон плохо и не выполняет производственные показатели, заданные руководством транспортного ведомства. Отвечая на шквал критики, начальник дороги произнёс: «Здесь товарищи хорошо выступали, хорошо ругали, но мало критиковали себя и местных начальников. Но ведь тот провал и неудовлетворительная работа, в особенности в области основных вопросов, зависит не только от управления дороги, но и лично от вас. Если бы вы сами встали на моё место, на место начальника политотдела и на место начальника дорпрофсожа, то вы подумали бы, что вы сами сделали в этом направлении мало, т. е. оказывали помощи и не сигнализировали» [18].

Суть большинства выступлений сводилась к тому, что на дороге по существу не выполняются решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б), а её руководство проявляет политическую близорукость, недостаточно активно борется с «классово-чуждыми элементами», а иногда открыто им покровительствует, назначая на ответственные должности или покрывая их «вредительскую» работу. «Ряд выступающих в своих прениях говорили о людях, которых нужно будет снимать. Должен сказать, что некоторые товарищи говорили о мягком отношении с моей стороны к этим людям. Это неверно, — оправдываясь от нападок многочисленных недоброжелателей, сказал М. М. Егоров. — Я не имею права снимать людей, не проверив до конца. На этот счёт имеется приказ Народного Комиссара Путей сообщения и Внутренних Дел, где говорится, в каких случаях и как надо снимать. Своим приказом я не имею права снять назначенных Народным Комиссаром без его санкции. Сейчас мы людей проверяем и многих ещё снимем» [19].

В целом работа 1-й партийной конференции Ярославской железной дороги проходила в крайне напряжённой обстановке. Все понимали, что стоит на кону. Гнетущая атмосфера усиливалась присутствием 1-го секретаря Ярославского обкома партии Н. Н. Зимина, который

являлся одним из наиболее рьяных соратников Л. М. Кагановича, до того возглавляя политуправление НКПС. Организация работы конференции была на низком уровне, в зале присутствовал постоянный шум, имели место выкрики из зала, мешавшие докладчикам произносить речь, регламент не выдерживался. После перерывов многие места делегатов пустовали [20].

В рамках своего доклада знаменитый машинист-стахановец депо Всполье И. Н. Конев привёл крайне интересную цитату из его разговора с парторгом паровозного депо М. Т. Федуловым, наглядно иллюстрировавшую процесс разоблачения «врагов народа», характерный для Ярославской железной дороги, да и страны в целом. «Приехал в депо Иваново, – вспоминал И. Н. Конев. – Прихожу к Федулову, спрашиваю: “Ну как у тебя дела, как работаешь, как работает комсомольская организация, как ты поднимаешь стахановское движение?” Он отвечает: “Моё дело маленькое, пусть производство как хочет, пусть отменяют поезда по недодаче паровозов, а моё дело разоблачать врагов”. Я его спрашиваю: “А как ты разоблачаешь?” Ответ: “Да вот сижу в кабинете и роюсь”» [21].

В конечном результате 1-я партийная конференция Ярославской железной дороги признала практическую работу политотдела дороги неудовлетворительной, а политическую линию, проводимую им, неправильной. Неудовлетворительной была также признана и деятельность управления рассматриваемой транспортной артерии по реализации ключевых решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), направленных на ликвидацию вредительства [22]. Подводя итоги работы конференции, руководство дороги, по сути дела поставленное в безвыходную ситуацию, было вынуждено дать обещание вести беспощадную и решительную борьбу с «врагами народа».

В своём выступлении на закрытом собрании парторганизации управления дороги, которое состоялось вскоре после завершения работы 1-й партийной конференции Ярославской железной дороги, М. М. Егоров решительно заявил: «Мы собираемся третий или четвёртый раз, слушая о реализации решений Февральского Пленума ЦК ВКП (б), особенно по выкорчёвыванию вредителей. Работа по выкорчёвыванию всякой сволочи проводится очень плохо, а если и прово-

дится, то помимо начальников служб <...>. Срабатывали товарищи и бояться испортить отношения, <...> нам приходится действовать через их голову. Заместители начальников служб по кадрам вопросами разоблачения врагов народа занимаются плохо, бояться и вместе с начальниками служб хотят спрятаться за начальника дороги, я ответственности не боюсь, но и их заставлю отвечать» [23].

Размах репрессий был, бесспорно, велик. Аресты шли волна за волной, осуществляясь в соответствии с планом, утверждённым Народным комиссариатом внутренних дел. Всего за период времени с 1 августа 1937 г. по 31 июля 1938 г. включительно, в порядке исполнения приказа «О репрессировании бывших кулаков и уголовников и других антисоветских элементов» ДТО НКВД Ярославской железной дороги, было арестовано 475 человек. Одновременно, в соответствии со специальными приказами Народного комиссара внутренних дел, было репрессировано ещё 276 сотрудников рассматриваемой транспортной артерии [24, с. 241].

Пик репрессий пришёлся на конец календарного года. С 1 сентября 1937 г. по 1 января 1938 г. на Ярославской железной дороге с формулировкой «не внушающий доверия» было уволено 93 хозяйственных руководителя различного уровня. Из общего числа 44 человека было репрессировано и 12 отдано под суд [25]. В конечном итоге в ходе массовых политических репрессий своих постов лишился практически весь высший командный состав рассматриваемой транспортной артерии: начальник дороги М. М. Егоров, а также его заместитель Г. П. Горячих, начальник пассажирской службы И. А. Минин, грузовой службы И. Д. Балашов, планового отдела И. Ф. Кашканков, треста трансдорпит Е. П. Штернберг, заместитель начальника службы пути С. А. Степанов и многие другие.

Все вышеперечисленные сотрудники были опытными кадровыми железнодорожниками, имевшими значительный стаж работы по специальности. Многие начали свой трудовой путь на железнодорожном транспорте ещё до революции. Практически все из них имели высшее техническое образование, некоторые по совместительству являлись сотрудниками различных НИИ в структуре НКПС. Их физическое устранение стало невосполнимой потерей для транспортной

отрасли. Впоследствии все они были реабилитированы, а дела, заведённые на них, прекращены «за отсутствием состава преступления» [26, с. 50, 110, 136, 245]. Дополнительной проверкой было установлено, что к подследственным и свидетелям широко применялись методы морального и физического воздействия – разнообразные издевательства и пытки.

Ссылки

1. Кудрявцев С. В. Массовые репрессии в Ярославской области 1937–1938 гг. (дело о “вределительстве на транспорте”) // Страницы минувшего: VI Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль, 1997. С. 161–163.

2. Рязанцев Н. П. Репрессии на Ярославской железной дороге в 1930-е гг. // Социальная история российской провинции. Ярославль, 2013. С. 146–159.

3. Кудрявцев С. В. Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х гг.: на материале областей Верхнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000. 288 с.

4. Юдин К. А. Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП (б) и её региональные институты в период утверждения сталинской диктатуры 1934–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013. 242 с.

5. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. Р-2295. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 2.

6. ЦДНИ ЯО (Центр документации новейшей истории Ярославской области). Ф. 272. Оп. 223. Ед. хр. 307. Л. 94.

7. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С 7594. Л. 21.

8. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 10.

9. Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 2003. 598 с.

10. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1–16.

11. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С 7778. Л. 108.

12. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 13.

13. ГАЯО. Ф. Р-2295. Оп. 6. Ед. хр. 409. Л. 109.

14. ГАЯО. Ф. Р-2295. Оп. 6. Ед. хр. 410. Л. 94.

15. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С 10022. Л. 154.

16. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С 5835. Л. 24, 150.

17. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 89.

18. ЦДНИ ЯО. Ф. 871. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 196.

19. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 233.

20. Северный рабочий. 1937. 29 авг.

21. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 177.

22. Северный рабочий. 1937. 30 авг.

23. ЦДНИ ЯО. Ф. 1392. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 42.

24. Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль, 2001. 528 с.

25. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 25.

26. Не предать забвению: книга памяти репрессированных, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль, 1993. Вып. 1. 432 с.

УДК 94 (929)

ДВ статье рассматривается история увековечения памяти Леопольда Сенгора (1906–2001 гг.) – выдающегося поэта, философа, президента Сенегала (1960–1980 гг.). В центре внимания автора находится проблемы признания заслуг и разрушения стереотипов в отношении африканцев.

Ключевые слова: Леопольд Сенгор; Эме Сезэр; Сенегал; Франция; африканство; историческая память; персональная история.

The article considers the history of perpetuating the memory of Leopold Senghor (1906–2001) – the outstanding poet, philosopher, president of Senegal (1960–1980). The author focuses on the problem of recognition of the deeds and the destruction of stereotypes regarding Africans.

Keywords: Leopold Senghor; Aimé Césaire; Senegal; France; Africanity; historical memory; personal history.

Т. М. Гавристова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: tanja1994@mail.ru

«Исправление ошибок»: об увековечении памяти Леопольда Сенгора*

Научная статья

Т. М. Gavristova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

«Rectification of Mistakes»: in Commemoration of Leopold Senghor

Scientific article

У каждого времени свои герои. Имя великого африканца Леопольда Сенгора (1906–2001 гг.) – борца за освобождение Африки, первого президента (1960–1980 гг.) независимого Сенегала¹ – навечно связано с эпохой провозглашения независимости. Выпускник Сорбонны, участник Второй мировой войны и движения Сопротивления, депутат Конституционной (1945–1946 гг.) и Национальной Ассамблеи Франции (1946–1955 гг.), чернокожий поэт, удостоенный в 1984 г. чести стать членом Французской академии («сорока бессмертных») – единственным за весь период ее существования, один из признанных мировым сообществом философов (создатель концепции

негритюда и универсальной цивилизации), блестящий переводчик, Л. Сенгор на протяжении более полувека, согласно опросам, считался одним из самых знаменитых в Африке (и мире) африканцев, а во Франции – самым знаменитым. К его мнению прислушивались политики. Им восхищался Жан-Поль Сартр – кумир послевоенного поколения интеллектуалов. Книги Л. Сенгора переводили на многие языки. Сам он был узнаваем, несмотря на то что уровень развития СМИ был далек от современного, а обыватели (даже в условиях соблюдения политкорректности) склонны считать, что все африканцы на одно лицо.

В школьные годы Л. Сенгор, христианин, католик, хотел стать священником и служить своему народу. Став президентом, он весьма успешно управлял государством, где большинство жите-

¹ Сенегал обрел суверенитет 20 августа 1960 г. – в «год Африки», в ходе которого от колониального гнета освободились 17 африканских государств.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

© Гавристова Т. М., 2017

лей (примерно 94 %) исповедовали ислам², и тем не менее оказался одним из немногих, кто по доброй воле оставил государственный пост, сознавая, что совмещать политическую и творческую деятельность невозможно.

Интерес к философии и поэзии – творчеству Артюра Рембо (1854–1891 гг.), Шарля Бодлера (1821–1867 гг.), Поля Клоделя (1868–1955 гг.), Пьера Тейяра де Шардена (1881–1955 гг.), Ж.-П. Сартра (1905–1980 гг.) – способствовал становлению Л. Сенгора как интеллектуала и гуманиста, хотя в период его президентства случались обвинения в излишней амбициозности, авторитаризме, волонтаризме, диктаторских замашках со стороны оппозиции и интеллектуалов. Он сочувствовал марксизму и либерализму, не признавал двойных стандартов, а уйдя в отставку, никогда не вмешивался в политику преемников, посвятив себя писательской деятельности.

Главной заслугой Л. Сенгора можно считать то, что на протяжении всей жизни он стремился навести мосты между Европой и Африкой, доказать, что у африканцев есть своя история и культура и они являются частью мировой. Его взгляды на мир на протяжении десятилетий претерпели значительную эволюцию: «новый негр» («могильщик колониализма»), создатель негритюда, у истоков которого, кроме него, стояли еще два темнокожих «француза»: Эме Сезэр (1913–2008 гг.) и Леон-Гортран Дама (1912–1978 гг.), – к концу жизни стал провозвестником теории универсальной цивилизации. Л. Сенгор отмечал: «Я ношу европейскую одежду, а американцы танцуют джаз, который происходит от наших африканских ритмов: цивилизация в XX веке универсальна. Ни один человек не может обойтись без других» [2]. Именно африканцы («люди ритма», «люди радостной пляски» [3, с. 480]), по его мнению, сохранив свою душу, смогут когда-нибудь вдохнуть ее в умирающий «мир машин и оружия» [2].

Типичный «*assimilé*», «*évolue*», сформировавшийся в пределах франко-католической тради-

ции, он сделал все, чтобы развивать, сохранять, преумножать ее в границах франкофонных стран и территорий. Л. Сенгор стоял у истоков создания Франкофонии³ – международной организации сотрудничества франкоязычных стран мира, настаивая на том, что она должна быть «обращена к решению культурных и лингвистических вопросов», в силу владения удивительным общим для всех «инструментом – французским языком» [4]. Именно с этой целью в 1990 г. в Александрии был открыт Международный университет французского языка, носящий имя Л. Сенгора.

Признание достижений политического и государственного деятеля при жизни – явление редкое в мировой практике. Л. Сенгор был обласкан современниками как философ, поэт, интеллектуал. В 1988 г. в Париже вышли в свет его мемуары «То, во что я верю: негритюд, французская идентичность и универсальная цивилизация» [5], а в 1990 г. – сборник «Поэтические произведения» [6]. Практически сразу оба издания были переведены на английский язык. Они свидетельствовали о безграничном уважении автора к европейской культуре: Л. Сенгор никогда не связывал свое отношение к ней с критикой колониализма. Он считал, что «ассимилироваться» – это совсем не то, что «быть ассимилированным», и все его произведения – об этом. Поиски идентичности занимали, но не обременяли его. «Двуликий Янус», он ощущал себя своим всюду, где сознавал нужным, полезным, востребованным. В Сенегале он чувствовал себя «отцом нации», что видно из его трудов и написанного им текста государственного гимна, а во Франции, за свободу которой в годы Второй мировой войны боролся наравне с другими французами, – патриотом.

Л. Сенгор родился в Сенегале, а скончался 20 декабря 2001 г. в крошечном городке Версон (Нижняя Нормандия), где жил со своей женой Коллет (они состояли в браке с 1957 г.). У Л. Сенгора было двойное гражданство (Сене-

² Восхищение миротворческой позицией Л. Сенгора выражали многие мусульмане. Так, мусульманин Дуду Ндиайе Розе, выдающийся музыкант (он изучал и тиражировал разнообразные практики игры на там-таме; в Сенегале его называли «тамбур-мажором»; Юнеско объявило его и его творчество «всемирным достоянием»), отмечал: «Будучи католиком, Сенгор хотел, чтобы церковные песнопения были африканизированы» [1].

³ Франкофония – международная организация сотрудничества франкоязычных стран мира (в настоящее время она объединяет 57 членов, представляющих различные государства и территории). Главным критерием для вступления в нее является степень владения французским языком и культурные связи с Францией, сложившиеся на протяжении десятилетий и даже веков. В современном виде Франкофония существует с 1970 г.

гала и Франции), но, согласно его желанию, он был похоронен на кладбище Бел-Эйр в Дакаре, рядом с трагически погибшим в автомобильной аварии сыном Филиппом (1958–1981 гг.) [7]. Несмотря на огромные заслуги перед Францией, проводить его в последний путь никто из высшего руководства: ни президент Жан Ширак (1995–2007 гг.), ни премьер-министр Лионель Жоспен (1997–2002 гг.) – не приехал, что вызвало волну недоумения.

Отсутствие лидеров Франции на похоронах Л. Сенгора объяснимо. Время его ушло, и после отставки в Сенегале сменилось уже два президента. Его однокурсник и друг (они познакомились в годы учебы в Лицее Людовика Великого) Жорж Помпиду, президент Франции (1969–1974 гг.), скончался еще в 1974 г. Для новых лидеров Л. Сенгор был не более чем почетным пенсионером, которому к тому же довольно долго (несколько десятилетий) пришлось добиваться достойной пенсии от французского правительства, хотя она полагалась ему как ветерану и бывшему германскому военнопленному. Умер он незадолго до Рождества, которое принято проводить дома в семейном кругу. Кроме того, сложившаяся в мире обстановка не очень располагала к посещениям «заморских» регионов, да еще с явным преобладанием мусульманского компонента: слишком свежи в памяти были террористические акты 11 сентября 2001 г. в США, совершенные членами ультрарадикальной международной организации «Аль-Каида».

Похороны Л. Сенгора состоялись 29 декабря – за два дня до Нового года. Во Франции развевалась подготовка к президентским и парламентским выборам – президент Жак Ширак баллотировался на пост президента во второй раз и, сознавая всю серьезность предстоящей в 2002 г. компании, ограничился заявлением о том, что «поэзия потеряла мастера, Сенегал – государственного деятеля, Африка – глашатая, а Франция – друга» [8]. Проводы были организованы президентом Сенегала Абдулаем Вадом (2000–2012 гг.). На церемонии присутствовали политики «второго эшелона»: экс-президент Абду Диуф (1981–2000 гг.), Рэймонд Форни, председатель Национальной ассамблеи Франции, Шарль Жослен, статс-секретарь министерства иностранных дел, курирующий сотрудничество с франкофонным миром, и другие.

Би-би-си – британская общенациональная общественная телерадиовещательная организация – весьма оперативно опубликовала многочисленные отклики на кончину Л. Сенгора, фрагменты высказываний африканских лидеров. Президент Мали Альфа Умар Конаре (1992–2002 гг.) назвал Л. Сенгора «выдающимся государственным деятелем», «борцом за Африку и свободу» <...>, воздавшим хвалу черной идентичности»; президент Сенегала А. Вад, несмотря на то что в период президентства Л. Сенгора выступал в оппозиции политическому режиму, характеризовал его «как поэта, прославляющего ценности черного мира». Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан (1997–2006 гг.) отметил его исключительное достоинство. Предшественник К. Аннана, Бутрос Бутрос-Гали, воздал должное «философу-гуманисту», обладающему собственным «видением мира, где культуры и религии расположены к диалогу». Президент Габона (1967–2009 гг.) Эль-Хадж Омар Бонго Ондимба (1935–2009 гг.) заявил, что чувствует себя «осиротевшим». Президент Кот-д'Ивуара Лоран Гбагбо (2000–2011 гг.) подчеркнул, что Африка потеряла «одаренного поэта, гуманиста», жизнь которого – «прекрасный пример для будущих поколений». Даниэль арап Мои, президент Кении (1978–2002 гг.), посчитал, что «это потеря не только для Сенегала, но и для всего континента» [9]. Во многих газетах были опубликованы некрологи.

Во Франции уход Л. Сенгора прошел почти незамеченным, разве что писатель-интеллектуал Эрик Орсенна⁴ постфактум (5 января 2002 года) резко высказался относительно «недальновидности французских властей» в статье «Мне стыдно» на страницах газеты «Ле Монд»: «Ни президента, ни премьер-министра не было. Л. Сенгора похоронили без них. Мне стыдно. Стыдно за них и за нас, французов, которых они представляют. Стыдно за забывчивость и недальновидность» [цит. по: 8, р. 65].

Чувство неловкости испытывали интеллектуалы. Место Л. Сенгора во Французской академии (кресло № 16) долгое время пустовало. Только

⁴ Эрик Орсенна (родился в 1947 г.) – французский писатель (настоящее имя Эрик Арну); был советником по вопросам культуры в правительстве Миттерана, членом Государственного совета Франции; в 1998 г. избран членом Французской академии.

спустя два года его занял экс-президент Франции Валери Жискар Дестен (1974–1981 гг.). Согласно традиции каждый вновь избранный «бессмертный» должен произнести речь. 16 декабря 2004 г. В. Жискар Дестен отдал дань предшественнику, отметив разные грани его творческой личности: блестящий студент; поэт, чье дарование служило делу антиколониальной борьбы; певец негритюда, посвятивший себя поиску путей для синтеза культур [10].

Память стирает имена, события, лица в угоду ценности сегодняшнего дня. В условиях глобализации, демократизации, медиатизации происходит процесс трансформации исторической памяти, что, по мнению французского историка Пьера Нора, связано с «ускорением истории». Меняется «сам способ исторического восприятия»: на смену памяти, апеллирующей к «самому сокровенному», приходит «эфемерная фотография актуальности» [11, с. 17–18]. Даже недавнее прошлое отдаляется и отделяется от настоящего вместе со своими героями и антигероями – символами уходящего времени.

Увековечение памяти – процесс сложный, особенно если он носит интернациональный характер и разворачивается на разных уровнях: в политике, науке, литературе. Имя Л. Сенгора носят учебные заведения и улицы в Африке и Европе. В настоящее время у Л. Сенгора, поэта и философа, не меньше читателей (и почитателей), нежели полвека тому назад. О нем пишут, его помнят.

В 1996 г., в канун 90-летия мэтра, Международный аэропорт Дакара был назван в его честь. В 2006 г., спустя пять лет после кончины первого президента Сенегала, пешеходный мост Сольферино в центре Парижа был переименован: теперь это мост Л. Сенгора. Именем президента назван самый большой стадион в Сенегале. В 2006 г. в Молдове и в 2007 г. в Албании были выпущены почтовые марки с его изображением.

Совсем иначе проводили в последний путь другого «француза» – друга Л. Сенгора, поэта и общественно-политического деятеля, создателя слова «негритюд» (впервые термин появился на страницах поэмы «Дневник возвращения в родные места»⁵) – Э. Сезэра. При жизни Л. Сенгора ему отводилась роль второго плана. Э. Сезэр скончался 17 апреля 2008 г. и во искупле-

ние вины французских властей перед франкофонной традицией был удостоен «государственных похорон», с церемонией прощания и траурным шествием. Так провожали в последний путь всего лишь четырех классиков французской литературы: Виктора Гюго (1882–1885 гг.), Пьера Лоти (псевдоним Жюльена Вио (1850–1923 гг.)), Поля Валери (1871–1945 гг.) и Сидони-Габриэль Колетт (1873–1954 гг.). Похороны состоялись 20 апреля на Мартинике, на них присутствовали президент Николя Саркози и лидеры Социалистической партии Франции. Уход Э. Сезэра превратился в своего рода «событие культурной жизни» [8, р. 64]. Некрологи цитировали Н. Саркози, назвавшего Сезэра «великим поэтом» и «великим гуманистом» [13].

Между тем чувство неловкости в отношении к Л. Сенгору сохранилось. 29 ноября 2014 г., в дни, когда в Дакаре проходил XV саммит Франкофонии, президент Французской Республики Франсуа Олланд посетил могилу Л. Сенгора, реализовав свое собственное намерение и отчасти запоздалое намерение предшественника (Н. Саркози), чтобы «во имя <...> французского народа <...> выразить признание и благодарность президенту Сенгору» [14]. 30 ноября 2014 г. Ф. Олланд принял участие в открытии дома-музея Л. Сенгора.

Государство сумело выкупить дом, построенный в 1978 г., с участком земли в 8 тыс. кв. м. Семья Л. Сенгора владела им в ходе двух десятилетий (1981–2001 гг.). После смерти хозяина дом стоял закрытым много лет, и, чтобы открыть его для публики, потребовалось проведение масштабных реставрационных и ремонтных работ. Л. Сенгор ласково называл дом «Челюсти». Его архитектурный стиль и охряный оттенок напоминают конструкции древнего Тимбукту (Мали). Пространство вместило огромный сад, бассейн во дворе, конференц-зал, библиотеку. Основу книжного фонда составила личная библиотека Л. Сенгора: труды Карла Маркса, французских философов и поэтов, африканских писателей; словари и энциклопедии; тексты Библии и Корана. В доме-музее имеется собрание африканской скульптуры и живописи: Л. Сенгор владел большим числом произведений африканского искусства и пользовался уважением в среде коллекционеров. В экспозицию вошли также комнаты жены и сына.

⁵ Подробно об истории возникновения литературного и философского негритюда см. [12].

Столетие (и сто десятая годовщина, которая пришлась на 2016 г.) со дня рождения Л. Сенгора и пятнадцатая годовщина со дня смерти отмечались в кругу французов и франкофонов, в литературных и африканистических кругах, во Франции, Сенегале, России. 7 декабря 2016 г. в Институте Африки РАН прошел круглый стол «Сенегал вчера и сегодня: к 110-летию со дня рождения Леопольда Седара Сенгора», участники которого выразили надежду на активизацию новой волны исследований и переводов его произведений.

Ссылки

1. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=63846&print=1> (дата обращения: 11.09.2016).
2. KREBSDEC A. World: Léopold Senghor Dies at 95; Senegal's Poet of Négritude // New York Times. 21.12.2001. URL: <http://www.nytimes.com/2001/12/21/world/leopold-senghor-dies-at-95-senegal-s-poet-of-negritude.html> (дата обращения: 11.09.2016).
3. Сенгор Л. К Маскам // Поэзия Африки. М.: Художественная литература, 1973. 687 с.
4. Senghor L. S. De la Francophonie // Ethiopiques. 1988. Vol. 5, № ¾. P. 7–35.
5. Senghor L. S. Ce que je crois: négritude, francité et civilisation de l'universel. P.: Grasset, 1988. 234 p.
6. Senghor L. S. Oeuvre poétique. P.: Seuil, 1990. 429 p.
7. Leopold Sedar Senghor. URL: <http://www.findagrave.com/cgi-bin/fg.cgi?page=gr&GRid=6139712> (дата обращения: 11.09.2016).
8. Moudileno L. Fame, Celebrity, and the Conditions of Visibility of the Postcolonial Writer // Francophone sub-Saharan African Literature in Global Contexts / Ed. Alain Mabanckou, Dominic Richard David Thomas. 2011. Vol. 120. P. 62–74.
9. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/1725044.stm> (дата обращения: 11.09.2016).
10. URL: <http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-et-reponse-de-m-jean-marie-rouart> (дата обращения: 11.09.2016).
11. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 08.09.2016).
12. Гавристова Т. М. Африканские интеллектуалы за пределами Африки. Ярославль: ЯрГУ, 2002. 308 с.
13. URL: <http://www.independent.co.uk/news/obituaries/aime-cesaire-founding-father-of-negritude-811812.html> (дата обращения: 08.09.2016).
14. Francophonie: depuis Dakar, François Hollande tacle Nicolas Sarkozy. URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20141130-dakar-francois-hollande-tacle-nicolas-sarkozy-discours-dakar-senghor> (дата обращения: 08.09.2016).

УДК 398.21:59:94(6)

Статья посвящена мифологическим представлениям йоруба о лесе и его обитателях. Авторы уделяют внимание как богам – покровителям охоты и растительности, так и диким животным – героям многочисленных африканских сказок и мифов.

Ключевые слова: африканская мифология; фольклор; сказки; йоруба; лес; трикстер; демиург.

The article is devoted to Yoruba mythological beliefs about the forest and its inhabitants. The authors characterise gods – patrons of hunting and vegetation as well as wild animals – characterise of many African tales and myths.

Keywords: African mythology; folklore; tales; Yoruba; forest; trickster; demiurge.

Е. В. Спиридонова

E-mail: selenavlad@gmail.com

Е. С. Пушкарева

E-mail: ekaterina.pushkareva.1993@mail.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Лес и его обитатели в мифологии йоруба*

Научная статья

E. V. Spiridonova

E. S. Pushkareva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Forest and its Inhabitants in the Mythology of the Yoruba

Scientific article

Мифы, легенды и сказки о животных составляют значительную часть мирового фольклора. Большинство исследователей небезосновательно относят их к числу наиболее древних. Источниками животного эпоса называли и промысловые культы, и тотемизм, и аниматические представления, очеловечивающие окружающую людей действительность.

Известный антрополог XX в. К. Гирц, как, впрочем, и ряд других исследователей, утверждал, что мифология является одним из важных способов упорядочить окружающий человека мир; она воплощает и символизирует коллективные ценности, мировоззрение и мироощущение как части космоса. В течение двух последних столетий в науке складывались разные подходы

к рассмотрению мифологии и культуры. Это и эволюционистская школа, видевшая в мифических образах достаточно простые метафоры, не нуждающиеся в сложном истолковании; и астрально-мифологическая школа, сводившая мифологические сюжеты к описанию небесных явлений; и обрядовая концепция, считавшая мифы описанием и объяснением конкретных обрядов и ритуалов; и психологические концепции З. Фрейда и К. Юнга с их пансексуализмом и архетипами, и многое другое. Немало исследований было связано с особенностями мышления первобытного человека: Л. Леви-Брюль называл его дологическим, а Э. Кассирер – символическим. Здесь можно вспомнить и труды российских исследователей, посвященных мифологии,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

© Спиридонова Е. В., 2017

© Пушкарева Е. С., 2017

в частности И. М. Дьяконова с его тропами – фигурами речи (метафорами), необходимыми для описания общих понятий через конкретные и предметные. О. М. Фрейденберг считала миф цепочкой метафор, а В. Н. Топоров прямо называл мифологическое творчество мифопоэтическим. К. Леви-Стросс разработал структурный метод, фактически превращающий мифологические тексты в математические формулы, а Ф. Боас положил начало историко-географическому направлению в фольклористике [1, 18–51]. Можно назвать еще с десяток научных школ и концепций, направленных на изучение мифов, сказок, легенд и эпосов, противоречащих или дополняющих друг друга, но все они будут признавать специфику отражения реального мира в мифологических представлениях.

Российский этнограф и антрополог Ю. Е. Березкин писал, что мифы не придумывают, их пересказывают: любой миф восходит к более древнему варианту, делится на отдельные сюжеты, сплетается с другими фольклорными элементами. Соответственно для их изучения необходим анализ большого числа сходных фабул, зафиксированных у разных народов [2, с. 11].

Африканские сказки и мифы о животных можно назвать классическими формами данного жанра в системе мирового фольклора. Не является исключением и мифология йоруба – одного из самых многочисленных народов Нигерии. В дописьменный период основными занятиями местного населения были охота и сельское хозяйство, и сейчас среди них немало охотников. Йоруба были хорошо знакомы с повадками и внешним обликом диких животных, мясо которых входило в традиционный рацион местного населения, а шкуры и части тела животных использовались в быту и религиозных обрядах. Во время охоты человек наблюдал за поведением зверя и приписывал ему индивидуальные черты характера, которые впоследствии перекочевывали в фольклор [3, р. 369]. Животные в сказках, легендах и мифах йоруба участвуют в создании мира, помогают или вредят человеку, находятся в сложных взаимоотношениях друг с другом и сверхъестественными обитателями леса.

Богом, покровителем охоты, у йоруба являлся ориша (дух) Ошоши. Его почитают в двух различных ипостасях – Окурини и Обинрини. Слово «ошоши» на языке йоруба означает способность совершать путешествия в невидимый мир

и использовать ее для защиты себя, своей семьи и общины. Стихия ориша Ошоши – лес, его ритуальное оружие – факел, лук и стрела. Ошоши может помочь выследить добычу, преследовать и не упустить ее. Он бог тайных троп, который помогает людям найти правильное направление и выход из любой трудной ситуации. Согласно легендам, сын богини-матери, воплощения реки Огун, Йеманжи Ошоши рано покинул дом, чтобы стать хозяином лесов и покровителем охоты. Он расхаживает по непроходимым джунглям, часто в компании Осайе, хозяина растительного царства. Охотничьему искусству Ошоши научил другой сын Йеманжи, воин и кузнец Огун. Потом Ошоши, благодаря Осайе, узнал лес и секреты лекарственных растений [4, р. 93].

По другой версии Ошоши сначала был не богом, а простым человеком по имени Одэ, который женился на Ошун. Как-то он вбил себе в голову, что должен отправиться на охоту на змея Ифа. На самом деле Ифа был богом, но Одэ не верил в это. Когда он увидел змея на дереве, тот пропел ему: «Я не то создание, которое ты можешь убить, Одэ!». Охотник не обратил на это внимания, умертвил гада и засунул его в кожаный мешок. Но змей продолжал петь, несмотря на то что был мертвым. Когда Одэ появился в дверях своего дома, Ошун в ужасе отпрянула от него и убежала. Одэ сварил змея и съел его на ужин. Когда на следующий день Ошун вернулась, она увидела, что ее муж мертвый лежит на полу, а в сторону леса ведут змеиные следы. Вся в слезах, она побежала к Ифе и стала просить у него прощения. Бог Невыразимого обдумал все случившееся – и тело Одэ исчезло. Семь лет спустя охотник появился вновь в образе ориша Ошоши. Иногда из-за сходства имен Ошоши путают с его сыном Логун-Одэ [5, р. 41–43].

В представлениях об Ошоши мы находим упоминание о лесе как о сакральной среде, куда человек может попасть только после совершения особых ритуалов, посвященных покровителю охоты. В. Б. Иорданский отмечал, что по мере увеличения «культурного пространства» мифологическое пространство «выбрасывалось» за его пределы или замыкалось в четко ограниченные рамки «священной рощи», «священного леса», где и совершались многие обрядовые церемонии. Такие «священные леса» как раз и возникли вокруг городов йоруба [6, с. 110].

Со временем охота превращалась в искусство. Из рассказов старшего поколения люди еще в детстве получали знания о характере животных. Эту информацию нередко облачали в более простую для восприятия форму сказок, мифов и легенд. Часто сказка, уходящая корнями в этиологические мифы, рассказывала историю происхождения вида или особенностей повадок животного. Подобные мотивы можно увидеть в большинстве африканских мифов вне зависимости от их основного сюжета.

Например, в одной из историй рассказывается, как на шкуре леопарда появились пятна. Леопард преследовал мальчика, желая отобрать у него батат, и попал в деревню, где люди красили ткани в цвет индиго, используя палки, с помощью которых они и пытались отогнать зверя, оставляя следы на его шкуре [7, с. 29].

Сказка «Похороны матери гиены» повествует о том, как гиена приобрела свои повадки: когда-то давно гиена была вождем и занимала весомое место среди хищных зверей, возглавляла сообщество тех, кто ест мясо. Мать воспитала вождя-гиену мудрым и бесстрашным правителем. После смерти матери-гиены решено было устроить торжественные похороны с участием зверей из различных сообществ. Гиена-вождь поступил нечестно: он договорился с леопардом и львом, что в разгар праздника они нападут на пятерых животных, убьют их и принесут в жертву. С тех пор гиены живут в одиночестве, так как поступают лживо. Их не любят другие звери, боясь и ждуть подвоха [7, с. 36].

В мифах описывается особое положение и превращения животных. Например, во время войны птиц и зверей летучая мышь, в зависимости от того, на чьей стороне оказывался перевес, называла себя то птицей, то зверем и в итоге была изгнана отовсюду, поэтому теперь она может показываться лишь ночью [8, р. 26]. А летучую лисицу, когда та умерла, отказались хоронить и птицы – у нее не было перьев, и крысы – по причине отсутствия хвоста. Так она и осталась непогребенной [9, р. 252–253].

Древнее происхождение имеют астральные мифы, повествующие о небесных телах. Примечательно, что для африканской мифологии подобные сюжеты не слишком характерны и сложных сюжетов, посвященных созвездиям, практически нет. Йоруба – не исключение. Хотя, напри-

мер, зафиксировано несколько вариантов мифа о созвездии Орион: верхняя звезда Пояса Ориона – обезьяна, ворующая кукурузу на поле, средняя – преследующая ее собака, третья – хозяин собаки; или пояс Ориона – три собаки, с которыми охотник пошел в лес, или сам охотник, его собака и дичь. Во всех вариантах мы видим мотив «космической охоты». Повсеместно в Западной Африке встречаются представления о созвездии Плеяд как о наседке с цыплятами [2, с. 104–107].

Пространные космогонические мифы, описывающие происхождение неба и земли, для Африки тоже не слишком характерны, хотя в ее западной части записаны довольно сложные сюжеты. Правда, Ю. Е. Березкин сомневается в их подлинности, считая, что немалая часть из них является «творчеством этнографов-философов» и их информаторов [1, с. 159]. Тем не менее у йоруба такие мифы зафиксированы и животные играют в них пусть и не главную, но значимую роль. Вначале, как повествует рассказчик, ниже неба были лишь вода и болота. Творец Олорун дал орише Нла раковину улитки, наполненную землей. Он высыпал землю на болото, а голубь и пятипалая курица стали ее разбрасывать – так появилась суша. Затем Олорун послал хамелеона с проверкой, тот рассказал, что земля достаточно велика, но еще мокрая; а на второй раз сказал, что уже просохла [10, р. 20]. Бог огня Арамфе послал на землю солнце, луну и огонь, причем огонь принес на своей голове стервятник и с тех пор он лысый [11, р. 283–284].

Практически во всех мифологических традициях, и Африка здесь не исключение, встречаются мифы о смерти. В первую очередь это истории о том, как люди и животные стали смертными, но есть и более узкие сюжеты. Например, согласно одному из мифов, черепаха, благодаря своему остроумию, смогла отобрать у смерти ее дубинку, в итоге смерть лишилась своей силы. Позднее смерть вступила в союз с богом судьбы Орунмилой, и тот вернул ей потерю, но отныне она могла забирать только тех людей, которые пренебрегли покровительством Орунмилы [12, с. 28].

Смерть в мифах может иметь помощников: Агбигбо изготавливал и носил гробы к домам тех, кого смерть собиралась забрать. Однажды он отправился к дому Орунмилы, но по пути встретил духа хаоса и порядка Эшу, и тот спросил, что он хочет вместо жизни ориша. Тот потребовал

крысу, птицу и еще одно животное и, получив их, отправился в другое место. Как только он скрылся из виду, Эшу сделал так, чтобы он никогда не смог поставить гроб на землю – Агбигбо стал птицей с хохлом на голове, похожим по форме на гроб, который он нес (имеется в виду один из видов птицы-носорога). Йоруба до сих пор приносят жертвы Агбигбо, чтобы он не приближался к их домам со своей страшной ношей [11, р. 98].

Особая группа героев, встречающаяся в фольклоре различных народов, – трикстеры – плуты и обманщики. В африканском фольклоре эту роль, как правило, играют животные. Трикстер умен, изобретателен, хитер, с целью извлечения собственной выгоды одурачивает всех, с кем сталкивается. Его шутки небезобидны и часто приводят к мучениям, а то и гибели жертвы. Примечательно, что для африканских сказок нехарактерна морализующая концовка. В большинстве случаев трикстер нарушает социальные правила в отношении правил потребления пищи и сексуальной сфере, правда, в африканской мифологии явно преобладает первый вариант.

В фольклоре йоруба трикстером часто является черепаха. В сказках она играет роль вора, завистливого и жадного существа, ловкача-обманщика, жадины-обжоры, пьяницы, убийцы, чародея. В одной из сказок черепаха обхитрила леопарда и под предлогом того, что хочет его подстричь, привязала к дереву и избивала его детей [7, с. 39]. В другой истории, отправляясь вместе с зайцем в гости, она просит назвать себя Алиджу («гость»), а его – Алиджу («идущий по следу»). Хозяин кормит «гостя», и черепаха все съедает одна. Голодный Заяц собирается уходить, но хозяин оставляет его и тоже угощает [13, с. 52–53].

Правда, и черепаха далеко не всегда выходит победителем из своих проделок. В сказке «Почему черепах приносят в жертву» это пресмыкающееся смогло одурачить и человека, и бога. В период засухи черепаха отправилась искать еду, она проследила за земледельцем, который выращивал баклажаны на берегу засохшей реки. Черепаха решила остаться жить здесь. Когда земледелец пришел в следующий раз, он рассердился, увидев съеденный урожай. Тогда черепаха, которая любила музыку, спрятавшись в траве, заиграла на бамбуковой флейте и напугала человека, так что он пустился в бегство.

Это повторялось раз за разом, пока вождем не попросил бога грома Шанго избавить земледельца от злого духа, живущего на его поле. Но черепаха своей песней напугала и бога, который в страхе, выронив молнию, убежал советовать с другими богами. Потом черепаха напугала бога железа Огуна, и только бог колдовства Осанин смог разгадать истинную причину всеобщего страха. Притворившись испуганным, он обманул черепаху, которая вышла из укрытия с уверенностью, что она снова всех напугала. Осанин убил черепаху, и с тех пор ее приносят в жертву богу колдовства, так как именно он смог ее перехитрить [7, с. 41].

Еще одна сказка повествует о том, как черепаха с крысой пугали воровок на рынке и забирали их товар. Вначале черепаха делилась с поделницей, потом отказалась это делать, и крыса рассказала обо всем местному правителю. Он приказал поставить на рынке смоляную куклу. Черепаха прилипла к ней и была продана в другое селение, где имелось семь царей. Она предложила им казнить любого, кто справит нужду на рыночной площади, а ночью делала это сама, приказывая своим экскрементам говорить, что они принадлежат одному из царей. Но из этой затеи ничего не вышло. Жена царя поколдовала, и экскременты вынуждены были сказать правду. В наказание черепаху ударили о скалу. Одна ее половина упала в воду, а другая – на сушу, и с тех пор черепахи могут жить в обеих стихиях [14, р. 466].

Есть объяснение и внешнему облику черепахи, точнее, ее панциря. В одной из сказок говорится, что однажды ящерица заметила, что некий человек говорит скале «Откройся», заходит внутрь и выносит ямс. Она тоже стала ходить к скале, а потом рассказала о таком необычном источнике пищи черепахе и взяла ее с собой. Зайдя в скалу, ящерица, набрав ямса, возвратилась домой, а черепаха осталась внутри. Она забыла нужное слово и не смогла выйти; человек же, обнаружив утром вора, избил черепаху и разбил ее панцирь. Она попросила муравья и таракана заштопать прорехи, но с тех пор на панцире черепахи видны швы [9, р. 271–274].

В другой истории в период засухи свинья предложила всем зверям выкопать колодец, но черепаха отказалась работать; в итоге ей запретили из него пить. Но каждую ночь черепаха пробирается к колодцу, напевая песню о царстве смерти, –

сторож пугается и убегает, и она беспрепятственно пьет воду. Желая поймать воришку, звери делают смоляную куклу. Черепаха пытается ее ударить и прилипает. Правда, потом звери все-таки ее пожалели и отпустили [13, с. 46–48].

В другом варианте того же мифа в качестве трикстера действует заяц; он пугает сторожа, ударяя в пустой калebas, приклеивается к смазанной клеем кукле; звери бьют вора; в итоге он вынужден вечно прятаться в траве, а уши у него поэтому самые длинные [10, р. 131]. Для африканской мифологии характерно, когда идентичные по сути мифы различаются лишь центральным персонажем.

Опасными и коварными животными в фольклоре йоруба предстают лев и леопард – символы власти, хозяева животного мира. Лев – царь зверей, к нему обращаются животные в поисках справедливого суда или с просьбой улучшить их положение. При этом им нечужд и некоторый элемент трикстерства. Так, в сказке «Мудрая собака» черепаха обращается ко льву с просьбой улучшить ее положение среди животных в обмен на некий секрет, но в итоге лев, узнав секрет, казнил черепаху [7, с. 91].

Леопард часто присутствует в сказках в качестве антигероя. Он хитер, безжалостен, опасен, нечестен, не выполняет обещания и приводит в ужас остальных зверей. В сказке «Улитка и леопард» [7, с. 39] в обмен на свое освобождение леопард пообещал улитке, что не убьет ее, но, освободившись, не сдержал обещания. Объявив, что будет убивать всех, кто попадется ему на пути, в первую очередь убивает доверчивую улитку. В сказке «О дикобразе и леопарде» леопард предал доверие дикобраза, который очень хорошо относился к хищнику, помогал ему и считал своим другом. Когда с дикобразом случилась беда, леопард не только отказал ему в помощи, но и угрожал ему смертельной расправой, если еще раз увидит дикобраза вблизи своего дома [7, с. 23].

Примечательно, что в реальной жизни леопард воспринимался как царственное благородное животное и был одним из атрибутов власти правителей Бенина. По преданию, в покоях Алафина Аганджу – правителя доколониального царства Ойо – жил ручной леопард [12, с. 14].

В доколониальный период охотники йоруба, убив леопарда, воздавали почести мертвому зверю. Они прикрывали ему морду, поскольку

леопард – «царь», а никому не разрешалось смотреть в лицо царю. Кроме того, охотники окропляли магическим составом землю перед убитым зверем, чтобы уберечь себя от его гнева. По преданию, начало поклонения леопарду среди царской династии положил Эвуаре Великий. Он в период своей борьбы за царский трон вынужден был, спасаясь от врагов, провести ночь под деревом. Утром он обнаружил, что в ветвях вместе с ним прятались змея и леопард. Эвуаре усмотрел в этом божественный знак царской судьбы, и с тех пор все цари Бенина стали приносить леопарда в жертву богам. Леопард отражен и в дворцовом искусстве доколониального Бенина: на подвесках, на ободках бронзовых голов, на круглой скульптуре, на резных слоновьих бивнях можно было встретить изображение леопарда. Веера бенинских царей, которыми они прикрывали рты, обращаясь к подданным, были обтянуты шкурой леопарда. Главнокомандующий йорубским войском в Ойо – каканфо носил передник из леопардовой шкуры. Его сиденье всегда покрывалось шкурой леопарда, что символизировало храбрость и связь со священной особой царя. Вполне вероятно, что сила, хитрость, грация, величественность, смелость, ловкость зверя обусловили выбор его в качестве символа власти [12, с. 15].

Величественным, мудрым, спокойным в фольклоре йоруба выступал слон. Он, как леопард и лев, являлся символом власти и мощи. Его изображения встречаются среди бронзовых скульптур культуры Ифе. Торговля слоновой костью находилась под контролем царя. Резные слоновьи бивни вставляли в отверстия бронзовых поминальных голов на алтаре царских предков [12, с. 27]. В сказках слон также проявляет себя как мудрое животное. Например, он отказывается от коварных планов леопарда, так как считает его нечестным. Примечательно, что в мифах народов Восточной Африки слон практически всегда выступает жертвой. В лучшем случае его обманывают, в худшем – убивают, причем противником-победителем слона выступают хамелеон, паук, белка и прочие мелкие существа [15].

Еще одним традиционным героем африканских сказок о животных являлась обезьяна. У йоруба бытовало поверье, что умершие близнецы вселялись в обезьян, поэтому матери близнецов поклонялись обезьянам. Их отождествляли

с умершими предками, охраняли и не наказывали за воровство пищи. Считалось, что предки в виде обезьян приходят из потустороннего мира – леса, чтобы навестить потомков и полакомиться угощением [12, с. 22].

Очень ярко такие поверья иллюстрирует сказка «Как близнецы появились среди йоруба». Один земледелец нещадно истреблял обезьян, которые воровали его урожай, стрелял в них из лука, закидывал камнями, но ничего не помогало; обезьяны не прекращали своих набегов и нередко прибегали к хитрости, чтобы избежать наказания. Когда одна из его жен понесла, к нему явился прорицатель и предупредил, что, если земледелец не перестанет убивать обезьян, они вселят во чрево его жены злых духов – абику, которые будут рождаться и умирать, мучая свою мать. Но земледелец не прислушался к совету, и обезьяны вселили во чрево жены двух абику. Так среди йоруба появились двойняшки. Одни говорили, что это к добру, другие – к беде, ведь двойни рождаются только у обезьян. Близнецы-абику прожили недолго. За ними появлялись все новые и новые дети, и все они были абику и почти сразу же умирали. С тех пор земледелец прекратил охоту на обезьян, разрешил им есть вволю на своих полях. Через некоторое время жена опять родила двойняшек, которые уже не умерли в детстве. Вот почему близнецов часто называют «эдун», что означает «обезьяна» [16, с. 37].

Охотники верили, что шимпанзе обладали способностью заколдовывать ружья. Пальцы лап обезьяны использовались для изготовления магического снадобья. Считалось, что оно помогает взрослым не срываться с дерева, а маленьким детям, которых матери носят привязанными на спине, держаться за мать. Красная обезьяна – бабуин – была воплощением божества и мудрым врачом. Его приветствовали как бога и приносили ему жертвы. С уважением к бабуину относились за умение ходить на задних лапах и говорить. Некоторые лекари приручали бабуинов и держали их дома, притворяясь перед больными, что получают от них врачебные советы [12, с. 23].

В сказках обезьяны – существа потустороннего мира; они хитры, изобретательны, любопытны, трусливы. В сказке «Мотину и обезьяны» им удалось обманом увлечь девушку Мотину

в лес, притворившись красивым юношей. Она жила у обезьян в качестве служанки, играла на барабане, носила им еду и воду под страхом быть убитой или избитой. Обезьяны не занимались ничем, кроме того, что пили, ели, плясали и спали. Спас девушку охотник, который с помощью хитрости (оставил на пути обезьян деревянные изображения Мотину) выкрал ее. Обезьяны начали погоню, но любопытство заставляло их останавливаться и рассматривать каждое из деревянных изображений девушки. В конце пути обезьяны испугались подходить близко к жилищу человека и вернулись ни с чем в лесную чащу [7, с. 44]

Звери в африканских сказках могут быть благодарными и помогать человеку. Например, в одной истории рассказывается об охотнике, который вытащил из ямы пантеру, змею, крысу и женщину. В знак благодарности крыса роет ход в королевский дворец и приносит оттуда драгоценности, но женщина доносит на человека, и его сажают в тюрьму. Змея травит царевича, и тот заболевает, а охотник предлагает царю свои услуги в качестве лекаря. Он готовит снадобье, смешав его с кровью доносчицы. В итоге царевич выздоровел, а охотник получил свободу и щедрую награду [17, р. 94].

Довольно редок в западноафриканской мифологии, в том числе и мифологии йоруба, мотив животного-жениха, характерный для волшебной сказки. Например, в одной из историй говорится, что один отец долго отвергал всех женихов дочери, но в конце концов пообещал богу Оба, что отдаст дочь за первого встречного. Первым встречным оказался волк, за которого и выдали замуж девушку. По пути в лес молодой муж снял шкуру и превратился в красавца, хозяина великолепного дворца [8, р. 22–23]. А вот история с чудесной женой-ланью заканчивается печально: женщины жалуются на ее мужа старейшине, а тот выгоняет его вместе с сыном (от лани) в лес, где они и погибают [18, с. 144]. Традиционен для волшебной сказки и сюжет с трудными задачами, где жениху, чтобы получить руку невесты, нужно раздобыть необычного зверя с 152 хвостами [18, с. 143].

В мифах могут действовать не только реальные животные, пусть и наделенные человеческими свойствами, но и полностью фантастические существа, олицетворяющие явления природы.

Например, радуга Ошумаре – змея подземного мира, которая выходит из земли пить небесную влагу [17, с. 105]. Молнию нередко представляют в виде собаки или петуха, а про гром говорили, что он как собака любит пальмовое масло [9, р. 182–183].

Таким образом, мы видим, что анималистическая мифология йоруба развивалась в русле африканской традиции. Образы фольклорных животных формировались на основе наблюдений за повадками реальных зверей и их физиологическими особенностями и давали возможность в доступной форме ретранслировать знания об окружающей среде следующему поколению, чтобы предупредить о возможной опасности будущих охотников.

Анализ африканской устной традиции позволил выделить ряд присущих ей особенностей. В их числе едва ли не полное отсутствие астральных и этиологических сюжетов и то, что в существующих – большую часть составляют трикстерские истории (об обманах и воровстве); наличие обширного пантеона с антропоморфными персонажами, в результате чего животные, если и участвуют в сотворении мира, то лишь как второстепенные персонажи. Можно предположить, что религиозная традиция йоруба постепенно трансформировалась и роль животных отходила на второй план, уступая место антропоморфному пантеону богов. Зафиксированы в фольклоре йоруба и типичные для волшебной сказки сюжеты, хотя сам жанр еще находится в стадии формирования. Примечательно, что образ животного из фольклорных текстов далеко не всегда совпадал с тем статусом, который ему придавался в ритуальной и обрядовой практике.

Ссылки

1. Березкин Ю. Е. Из Старого в Новый свет: Мифы народов мира. М., 2009. 448 с.

2. Березкин Ю. Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных

мотивов в исторической перспективе. СПб., 2013. 320 с.

3. Adésolá O. The Yorùbá Animal Metaphors: Analysis and Interpretation // Nordic Journal of African Studies. 2005. № 14(3). P. 368–383.

4. Obá E. Orisha: Methodology of the Yoruba Religion. Obaecun Books, 1991. 108 p.

5. Núñez L. M. Santeria Stories. N. Y., NY: Spring Publications, 2006. 397 p.

6. Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982. 343 с.

7. Четырнадцать сотен каури: Сказки йоруба. М., 1969. 128 с.

8. Walker B. K., Walker W. S. Nigerian Folk Tales. Hamden, Connecticut: Archon Books, 1980. 157 p.

9. Ellis A. V. The Yoruba-speaking Peoples of the Slave Coast of West Africa. L.: Chapman and Hall, 1894. 402 p.

10. Parrinder G. African Mythology. L.: Paul Hamlyn, 1967. 141 p.

11. Belcher S. African Myths of Origin. Stories selected and retold by Stephen Belcher. L.: Penguin Books, 2005. 509 p.

12. Кочакова Н. Б. Традиционные культуры народов Нигерии: Очерки. М.: Институт Африки РАН, 2008. 120 с.

13. Сказки народов Африки / сост. Г. Г. Анпеткова-Шарова. СПб, 2010. 516 с.

14. Herskovits M. J., Herskovits F. S. Tales in Pidgin English from Nigeria // Journal of American Folklore. 1931. 44(174). P. 448-466.

15. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL : <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>

16. Вернер Э. Мифы народов Африки. М., 2007. 280 с.

17. Klipple M. A. African Folktales with Foreign Analogies. New York, London: Garland Publishing, 1992. 471 p.

18. Котляр Е. С. Миф и сказка Африки. М., 1975. 245 с.

УДК 94(699)

В статье рассмотрен феномен моды как социального института в контексте развития современной нигерийской культуры и дихотомических процессов глобализации и глокализации. В центре внимания находятся вопросы актуализации традиционного искусства йоруба в условиях современной индустрии моды.

Ключевые слова: йоруба; мода; адирэ; глокализация; глобализация.

The article is devoted to phenomenon of fashion as a social institute in terms of development of modern Nigerian culture and dichotomic processes of globalization and glocalization.

Keywords: Yoruba, fashion, adire, glocalization, globalization.

Н. А. Захарова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: n.a.zakharova@list.ru

Мировая женская мода и культура йоруба*

Научная статья

N. A. Zakharova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

World Women's Fashion and Yoruba Culture

Scientific article

Одежда – один из наиболее значимых атрибутов материальной культуры, наполненных разнообразными смыслами. Находясь в теснейшем взаимодействии с историей государств, обществ, конфессий, она является средством невербальной коммуникации. Молодежь и люди пожилого возраста, мужчины и женщины, христиане и мусульмане, европейцы и африканцы носят разную одежду по стилю, форме, цвету, качеству. Одежда традиционно предстает как один из элементов выражения идентичности, с помощью которого индивид осознанно или бессознательно обозначает свою принадлежность к определенной социальной страте, группе, этносу. Способы одеваться в современном мире определяются многими факторами. Одним из важнейших является мода.

Мода – достаточно поздний социальный институт, который оформился в период модернизации европейских обществ и вместил в себя многие элементы культуры: образ жизни и мысли, манеры поведения, одежду, быт. Феномен моды, вписанный в теорию «общества потребления», представляет собой один из механизмов постоян-

ного обновления рынка [1, с. 7]. Мода XX в. развивалась под влиянием «высокой моды» и стала предметом массового потребления – гомогенного, стандартизированного, не признающего национальных границ. Тесно связанная с понятием глобализации, мода стирала различия, навязывая всемирному сообществу единый и в значительной мере формализованный образец культуры внешнего вида. Индустрия моды как самостоятельный сектор экономики сформировалась во второй половине XX в. и стала оказывать определяющее воздействие на глобальную экономику, контролировать сферу производства и потребления товаров в мировом масштабе [2, с. 26]. В условиях глобализации происходит размывание границ этнических культурных образований, понижение статуса национальной моды.

Типичным продуктом массовой культуры стал глянцевый журнал, который также выполняет функцию трансляции стандартизированного образа жизни и рекламирует потребительские товары определенному сегменту рынка. Глянцевый журнал приобрел большую популярность

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

в городских центрах Европы, Америки, Азии, Африки, Австралии. Нигерийский модный женский журнал «Today's Woman» [3] повторяет каноны мировых глянцевого издания, таких как «Cosmopolitan», «Elle» и, подобно им, создаёт некий недостижимый идеал, который всегда остаётся притягательным, – образ стильной, уверенной в себе молодой женщины в возрасте 25–30 лет. «Today's Woman» – классический городской журнал. Его ключевой особенностью является целевая аудитория: африканки и представительницы диаспоры.

Глобализация в пространстве модной индустрии тяготеет к ослаблению этнического своеобразия, создавая единый эталон и одновременно вызывая обратную реакцию – обострение этнической идентичности. В XXI в. очевидными оказались противоположные тенденции: социальный и культурный универсализм, нивелирующий этническую специфику, повлек за собой актуализацию региональной специфики, в том числе в развитии моды [4]. Формирование культуры человечества как единого пространства шло параллельно с ростом интереса к ее многообразным составляющим. Диалектическое единство этих двух начал вобрал в себя термин Р. Робертсона «глокализация», подчёркивающий локальный аспект глобального и глобальный нюанс локального [5, р. 28].

Модные образцы, рассказывающие об африканской эстетике, появились в результате обращения европейских дизайнеров одежды и аксессуаров к культуре Африки. В 2000 г. Александр Маккуин (1969–2010 гг.), британский дизайнер, выпустил модную коллекцию одежды «Эшу»¹, для создания которой, как утверждает сам дизайнер, его вдохновила культура народа йоруба². Между тем образцы, представленные модельером, скорее имеют большее отношение к понятию «трайбл», а не к культуре йоруба (мифологии, образу жизни, материальной культуре).

«Трайбл» – направление в индустрии модной одежды, которое основывается на якобы африканских элементах декора, хотя на самом деле

¹ Эшу – основной бог (Ориша) в пантеоне йоруба; Ориша преобразований и хаоса, способный перевести язык человека на язык Духа и наоборот

² Йоруба – группа родственных народов, населяющих территорию государств Западной Африки (Нигерия, Бенин, Того, Гана).

отсылает к первобытной истории человечества, ассоциирующейся с Африкой. А. Маккуин создал коллекцию, где отражены присущие направлению «трайбл» представления и стереотипы: метафоры на шрамирование, объёмные металлические украшения, подражание одежде из обработанных шкур животных, пирсинг. «Эшу» можно рассматривать как подражание знаменитой африканской коллекции французского модельера Ив Сен-Лорана (1939–2008 гг.), который ввел этнические элементы в мир гламурной моды еще в 1970-е гг. Коллекция А. Маккуина – копия копии, то, чего на самом деле не существует. Тем не менее, благодаря мировой известности дизайнера, создан симулякр на культуру йоруба, более популярный, чем сама эта культура [6, с. 17].

Теоретик моды Жиль Липовецкий рассматривает феномен моды как способ конструирования индивидуальности, показатель и одновременно механизм демократизации общества. мода возникла в европейском обществе и была характерна первоначально узкой прослойке привилегированного общества, которое и формировало ее. Со временем доступ к моде получили широкие слои, но только после Первой и Второй мировых войн право на моду стало само собой разумеющимся достоянием масс. Ж. Липовецкий отмечает, что в XX в. схема создания моды изменилась. Монополию на создание трендов имели ведущие салоны, представители «высокой моды», которая, как и мода в принципе, действуя через маркетинговые механизмы и являясь их неотъемлемой составляющей, установила власть над большей частью жителей мира [4].

В условиях глобализации и существования единого рынка модной индустрии вполне обоснованным является стремление африканских, преимущественно нигерийских, дизайнеров к созданию, с одной стороны, локальной моды для соотечественников, а с другой – продвижение местных образцов на ведущие мировые показы в Европе и США.

Одним из пионеров развития модной индустрии в Нигерии стала дизайнер Фолаке Кокер [7]. В 1998 г. она смогла одной из первых создать собственную компанию «Tiffany Amber», известную в Африке и за ее пределами. В 2008 г. Ф. Кокер представила собственную коллекцию на Неделе моды в Нью-Йорке, став первым дизайнером континента, принявшим участие в столь знаковом мероприятии.

«Tiffany Amber» придерживаются принципа создания одежды несложного кроя из легких тканей, которые будут пригодны для африканского города. В 2012 г. Ф. Кокер представила коллекцию «Ритмы Африки». В центре концепции данной коллекции лежит несложный рисунок, принт, на котором изображены танцующие африканские женщины и барабаны. Ф. Кокер использует европейский крой с лаконичными рисунками на ткани, что делает ее модели ангажированными в Европе и США.

В последние десятилетия локальная индустрия модной одежды и аксессуаров в Нигерии формируется активно. Начало процессу положило открытие в 1996 г. компании «Gold Limited», целью которой стало привлечение к работе местных дизайнеров, моделей, предпринимателей. На современном этапе развития компания ведет несколько проектов, в числе которых Нигерийская неделя моды – мероприятие, призванное сделать Лагос новой столицей моды и привлечь внимание к талантливым нигерийским художникам [8].

Нигерийская неделя моды стала стартовой площадкой для многих молодых талантливых дизайнеров. Амака Осаке, создатель известного бренда «Maki Oh», начала карьеру в качестве модного дизайнера в Лагосе, где в 2010 г. занялась разработкой женской одежды [9]. В 2012 г. она представила свою коллекцию на Неделе моды в Нью-Йорке и стала известной. Одежду под брендом «Maki Oh» носила первая леди США Мишель Обама во время поездки в Южную Африку в 2013 г. В 2016 г. коллекцию «Maki Oh» представил гляцевый журнал «Vogue» [10], что, несомненно, является успехом для молодого дизайнера: журнал является одним из крупных гляцевых изданий и распространяется на 9 языках.

В основе концепции А. Осаке лежит традиционное женское ремесло йоруба – адирэ. Адирэ – искусство росписи тканей с помощью краски индиго. Оно было традиционным занятием женщин в Абеокуте и Ибадане. Рисунки, создаваемые на одежде, будучи средством коммуникации, несли определенное послание. Материал разбивался на квадраты, в них вписывались разнообразные «говорящие» знаки. В результате ткань несла в себе информацию о статусе женщины, ее занятиях, семье, вмести в себя визуальное воплощение пословиц, поговорок, крылатых выражений и других этно-культурных кодов [11, р. 45]. Изображения на тканях адирэ отсылают к ранним

рисуночным формам письма, которые существовали в Йорубаленде на протяжении веков. Такое письмо передает не звучание слова или фразы, но смысл сообщения, зашифрованного в рисунке. Подобно знакам тайнописи ули, носителями которой являются женщины-игбо, рисунки адирэ превращают процесс их создания и расшифровки в увлекательный процесс, игру. Линии рожают форму, которая обретает смысл и сама неожиданно становится знаком, претерпевая разнообразные метаморфозы [12, с. 111]. В зависимости от сочетания определенных знаков, их последовательности меняется и «синтаксис» тайнописи, и логика повествования.

Искусство адирэ было широко распространено вплоть до 1970-х гг., но постепенно внимание к нему снижалось. А. Осаке своими коллекциями дала традиции новое рождение. Для создания тканей дизайнер использует не только рисунок адирэ, но и технику окраски тканей с помощью натуральных цветков индиго. Унификация внешнего облика коллекции базировалась на основе евро-американского эстетического стандарта. А. Осаке соединила европейский силуэт с расписными тканями йоруба и тем самым вывела локальную традицию на уровень мировой моды, не дав ей раствориться в глобальных трендах и превратив в тренд саму эту традицию.

Традиция рисуночного письма и ее интерпретации активно используются африканскими дизайнерами и производителями тканей для африканского рынка. Так, компания «Vlisco»³ – один из наиболее крупных производителей ткани для стран Западной и Центральной Африки – востребована среди африканских дизайнеров одежды. Ее ангажированность на африканском рынке в течение многих десятилетий стимулирует споры об аутентичности производимых в Голландии тканей и относительности их принадлежности культурной традиции континента. С одной стороны, «африканский принт», создаваемый художниками компании, должен рассматриваться скорее как коммерческий термин, с помощью которого обозначаются ткани для экспорта в Западную и Центральную Африку. С другой – история существования компании создала длительную традицию

³ Vlisco – голландская компания, занимающаяся производством тканей с 1846 г. Особенностью производства является использование восковых печатей, что позволяет создавать ткань, которая прокрашивается с обеих сторон.

использования расписных тканей в каждодневной практике. Окраска ткани менялись в зависимости от спроса, со временем приобретая все больше черт африканской визуальной культуры.

Дизайнеры «Vlisco» создают символические рисунки на тканях, которые открыты для различных трактовок. Ткань под названием «Ты уйдешь, я уйду» имеет в своей основе рисунок открытой клетки, из которой вылетают две птицы. Одной из возможных интерпретаций такого изображения может быть заключенное в рисунке предупреждение жениху или супругу о том, что женщина не готова терпеть обиды и в случае предательства со стороны мужчины поступит по отношению к нему аналогичным образом. Женщина, презентующая на своем теле подобную ткань, может говорить, оставаясь безмолвной; она ведет беседу и одновременно игру со смыслами, благодаря своей «говорящей» одежде. Она выбирает ее как некий слоган или жизненное кредо, которые могут меняться в зависимости от контекста ситуации.

Неудивительна попытка дизайнеров «Vlisco» экспериментировать с популярными в Йорубаленде и Нигерии рисунками адирэ. Ткани «Vlisco» создают подобие адирэ, отсылая зрителя к определенной традиции, эпохе, региону, но сами рисунки не несут определенного сообщения. Хаотичное расположение геометрических рисунков в композиции, намекающей на рисунки адирэ, является только игрой со смыслами и культурными кодами.

Известный британский художник нигерийского происхождения Йинка Шонибаре (по этническому происхождению йоруба) в своих работах использует именно ткани «Vlisco». В центре внимания художника стоят вопросы исторического прошлого Африки, колониализма и современной африканской идентичности. Й. Шонибаре подчеркивает, что любые африканские ткани не в полном смысле африканские, а имеют индонезийские корни и являются колониальным изобретением, а потому не имеет смысла пытаться очертить границу между тканями, производимыми в Африке и за ее пределами европейскими корпорациями. Для художника африканские принты предстают фоном для работ, подчеркивая двойную структуру политики идентичности – идентичности как подделки и самобытного идеала [12, с. 178].

Внимание современных йорубских дизайнеров и художников к теме актуализации этнической культуры в модных образцах одежды и тка-

ней закономерно. Мода – одна из форм власти и социального манипулирования, способ функционирования рынка, игра, позволяющая человеку заявить о своей идентичности, принадлежности к определенной культуре. Современная индустрия моды в Нигерии показывает широкие перспективы для развития и распространения африканской культуры за пределами континента. В центре внимания йорубских дизайнеров находятся вопросы самобытности культуры, ее актуализации на мировом рынке, а также вопросы идентичности.

Ссылки

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. 269 с.
2. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
3. Официальный сайт издания Today's woman. URL: <http://twmagazine.net/> (дата обращения: 12.12.2015).
4. Васильева Ж. В. Влияние процессов глобализации на fashion-индустрию // Культурологический журнал. 2013. № 2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/216.html&j_id=15 (дата обращения: 29.12.2016).
5. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992. 221 p.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015. 204 с.
7. Официальный сайт компании Тиффани Эмбер. URL: <http://www.tiffanyamberng.com/> (дата обращения: 13.12.2015).
8. Официальный сайт мероприятия Нигерийская неделя моды. URL: <http://nigeriafashionweek.com/nfw/> (дата обращения: 13.12.2015).
9. Официальный сайт компании Маки Ох. URL: <http://www.nataal.com/maki-oh/> (дата обращения: 13.12.2015).
10. Maki Oh в журнале Vogue. URL: <http://www.vogue.com/fashion-shows/fall-2016-ready-to-wear/maki-oh> (дата обращения: 22.12.2016).
11. Byfield J. A. The bluest hands. A social and economic history of women dyers in Abeokuta (Nigeria), 1890–1940. Oxford: James Currey Ltd, 2002. 263 p.
12. Гавристова Т. М. Неизвестная Африка: история в биографиях. Ярославль: Филигрань, 2014. 194 с.

Статья посвящена слабо изученной в мировой историографии теме – международной латинской периодике конца XIX – первой половины XX вв. На страницах журналов такого рода отражена довоенная история движения «живой латыни», а нормотворческие поиски того времени стали основой для дальнейшего обогащения словарного фонда современной латыни – процесса, продолженного в последующие десятилетия.

Ключевые слова: латинская периодика; «живая латынь»; «Palaestra Latina»; «Societas Latina».

The theme of international Latin periodicals from the late 19th to the early 20th centuries is a rather poorly investigated phenomenon in the world historiography. On the pages of such magazines is reflected the pre-war history of the movement «live Latin» (“Latinitas viva”). Search for norms at those times formed the grounds for further vocabulary enrichment of modern Latin, this process being continued in the following decades.

Keywords: Latin periodicals; Latinitas viva; «Palaestra Latina»; «Societas Latina».

А. Г. Следников

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: slednicovusger@inbox.ru*

Периодика на латинском языке конца XIX – первой половины XX вв.

Научная статья

A. G. Slednikov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Latin Periodicals from the Late 19th to the Early 20th Centuries

Scientific article

Латинская периодика – важная грань движения «живой латыни» (*Latinitas viva*)¹, отражающая динамику его развития. Возникнув в конце XIX в., латинская периодика демонстрирует непрерывность традиции своего существования вплоть до начала XXI в. Однако внимание ученых привлекают в основном журналы, появившиеся со второй половины XX в. [9; 10; 11; 12; 13]; существующие же работы об отдельных изданиях первой волны [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20] не дают целостного представления об этом феномене². Вместе с тем

более пристальное изучение материалов довоенных журналов позволило бы однозначно, на наш взгляд, разрешить и дискуссионный вопрос о времени возникновения самой «живой латыни»³.

Первым журналом такого рода были «*Alaudae*», издававшиеся в 1889–1895 гг. в Италии немецким юристом К.-Г. Ульрихом (1825–1895) [27; 28; 29; 30]. География распространения этого журнала охватывала большинство европейских стран, Индию, Россию, Египет, США, Австралию. «*Alaudae*» не имели еще четкой структуры, свойственной современным изданиям: заголовки, как

¹ О движении «живой латыни», пропагандирующем многовековую традицию пользования латинским языком как средством международного общения, существует ряд работ [1; 2, S. 290–307; 3, S. 65–73; 4; 5; 6, с. 171–175; 7; 8].

² Единственная обзорная статья о периодике конца XIX – первой половины XX в. была опубликована Г. Лурцем в 1935 г. в «*Societas Latina*» [21] и потому не содержит данных об этом журнале. Немногие сведения имеются в работах А. И. Солопова и Л. Миральи [22, с. 598–600; 23, р. 30–31]. Ватиканской традиции латинской периодике посвящена статья о. Х. М. Мира [24].

³ О. Ц. Эйхензеер, Г. Ликопп и С. Альберт возводят начало этого движения к I международному конгрессу «живой латыни» в Авиньоне (1956 г.) [25, р. 1; 26, р. 17]. Иной позиции придерживается В. Штро, увязывая рождение «живой латыни» с выходом в свет «*Alaudae*», первого латинского журнала Новейшей эпохи [1, р. 93]. Здесь мы полностью разделяем мнение В. Штро, в том числе по формальным причинам (сходство вариантов названия этого движения), но, главным образом, ввиду идентичности целей «живой латыни» до и после Второй мировой войны [5, р. 6–7].

правило, отсутствовали, из постоянных рубрик выделялись лишь предваряющее стихотворение в начале каждого номера и завершающий *Quasillus ineptiarum* (шутки и анекдоты). Материалами служили сообщения об инициативах активного пользования латынью [15, p. 15, 63, 125, 225], новости из античной истории и археологии [15, p. 15, 18, 20, 218], важные общемировые события [15, p. 311–313], эпизоды частной жизни издателя [15, p. 318, 354].

Естественно, что Ульрихсу, стремившемуся возродить латынь как повседневный язык, приходилось быть творцом новолатинской нормы. Безусловным стилистическим ориентиром служила ему классическая латынь, включая случаи, когда возникала потребность в конструировании неологизмов: *capsa epistolis recipiendis* «почтовый ящик», *statio viae ferratae* «железнодорожный вокзал», *inflammaculum* «спичка» [31, S. XX]. Нормотворческие принципы современной латыни были изложены им в 1890 г. в одном из писем к издателям журнала «Phoenix» [15, p. 91, 97–98].

В конце XIX – первых десятилетиях XX в. в мире существовал целый ряд латинских изданий: «*Apis Romana*» (Франция), вышеупомянутый «Phoenix» (Англия), «*Civis Romanus*» (Германия), «*Litterae Latinae*» (Австрия), «*Lygia*» (Польша), «*Praeco Latinus*», «*Nuntius Latinus*», «*Inter nos*», «*Vox Latina*» (США), «*Orbis Latinus*» (Аргентина), «*Ephemeris Latina Aegyptiaca et universa*» (Египет). Наиболее авторитетными журналами того времени стали, однако, «*Auxilium Latinum*», «*Iuventus*», «*Alma Roma*», «*Palaestra Latina*» и «*Societas Latina*».

Американский «*Auxilium Latinum*» издавался А. Уорсли начиная с 1930 г. и был организационно связан с обществом «*Association for Promotion of Study of Latin*». Журнал выходил в течение академического года, его материалами стали повествования из истории Рима, Священной истории и истории Америки [32, p. 7; 33, p. 5; 34, p. 5], популярные рассказы в переводах А. Авеллана, терминологические словники (*Vocabula medicina*, *Verba pedifolliana*, *De via ferrea*), диалоги (*Latine colloquamur*), шутки (*Joculariter*), кроссворды. Стил изложения отличали простота и доступность, ориентированность на учащихся.

Учащимся был адресован и венгерский «*Iuventus*», учрежденный в 1910 г. группой преподавателей-пиаристов с тем, чтобы облегчить школьникам изучение языка, помочь им раскрыть свой

творческий потенциал [35, S. 36]. Расцвет «Ювентуса» наступил уже перед Первой мировой войной, перерыв в его издании произошел при Венгерской советской республике (1919 г.), затянувшись до 1926 г. [36, p. 65]. Журнал, представленный венгерской, немецкой и французской версиями, насчитывал перед Второй мировой войной 2400 подписчиков в самой Венгрии и свыше 700 за ее пределами.

Содержание «Ювентуса», дифференцированное согласно возрастному критерию, включало три рубрики: *lectoribus minimis*, *lectoribus mediis*, *lectoribus maioribus*. Стилистическим эталоном служили римские «школьные» авторы, античная лексика соседствовала с неологизмами типа *grammophonum*, *aëroplanum*, *aviator*. Журнал прекратил свое существование около 1944 г. Косвенно это подтверждается прекращением упоминания о нем в разделе *Conspectus periodicozum* журнала «*Societas Latina*».

В 1928 г. испанским священником о. М. Хове был создан журнал «*Candidatus Latinus*»⁴, поначалу выполнявший функцию методического подспорья при обучении латыни в Церварийской академии и коллегиях кларетинской конгрегации. Однако тот успех, который снискал «*Candidatus*», в том числе за пределами Католической Церкви, побудил его издателей переориентироваться на максимально широкую читательскую аудиторию. Так, в 1930 г. произошла реорганизация журнала. Новая «*Palaestra*» включала, как и прежде, грамматический раздел (*Grammaticalia*), диалоги (*Colloquia Latina*) [38; 39; 40], упражнения (*Exercitationes scholares* и *Compositiones vertendae*), тематические словники, корреспонденцию (*Commercium epistulare*). Новизну привнесли публикации о восстановленном латинском произношении, раздел *Cursus gymnasticus*, где выявлялись грамматико-стилистические нюансы отдельных античных текстов и избранных мест из классических авторов. Присутствовали работы об античной истории и культуре, статьи миссионерской тематики, об истории Католической Церкви и кларетинского ордена, обзор международных событий (*Per orbem*), библиографический раздел. Особый интерес у читателей вызывала рубрика о повседневных реалиях и технических новшествах *Nova et vetera* [41; 42; 43].

⁴ Его характеристика содержится в интервью о. Х. М. Мира, взятом Д. Ликопп в 1987 г. [37. I, p. 4.]

В 1936 г., спустя три года после гибели о. Мануэля, его «Palaestra» была возобновлена в Барселоне о. Х. Хименесом Дельгадо (1909–1989) в сотрудничестве с бывшими воспитанниками Кларетинской школы. С середины XX в. увеличился общий объем журнала. В нем появились исследования частных проблем классической и новолатинской [44; 45; 46] филологии, расширен библиографический раздел. По-прежнему большое внимание уделялось неологизмам и повседневной латинской речи [47; 48; 49]. Выделялись статьи, отражающие динамику развития «живой латыни» [50; 51; 52], была открыта новая рубрика Palaestra adulescentium (остроты, шутки, юморески), которая в виде отдельных брошюр рассылалась по семинариям. В этот завершающий (с 1964 г. редакция находилась в Сарагосе) период жизни журнала обязанности распределялись следующим образом: Х. М. Сильер – председатель, Е. Аренас – администратор, М. Молина – ответственный редактор, о. Х. М. Мир и Х. М. Хименес – ведущие авторы.

В 1975 г., в силу разных обстоятельств, редакция «Палестры» оказалась рассеянной и прекратила свое существование [37. III, p. 5].

Ватиканская традиция латинской периодики восходит к 1898 г., когда Папой Львом XIII был учрежден «Vox Urbis», издававшийся до 1913 г. архитектором и инженером А. Леонори (1856–1928)⁵. В 1914 г. его приемницей стала «Alma Roma», возглавляемая Д. Форнари. Содержание нового журнала составляла поэзия, исторические зарисовки, новости о происходящих в мире событиях, работы из области латинской стилистики и медицины, юмор, ребусы. В 30-е гг. особое внимание привлекали научно-технические публикации Sapientum pervestigationes a radiophonica Vaticana statione Latine vulgatae, транслировавшиеся радиостанцией Ватикана [53; 54; 55].

В вопросе новолатинской нормы ватиканские латинисты придерживались пуризма, граничащего с цистеронианством. Эта позиция была, вероятно, обусловлена и неким противодействием той стилистической вседозволенности, независимости от авторитета римских авторов, которую провозглашали некоторые тогдашние журналы [56,

p. 31]. Не обошлось без филологических прений и с Мюнхенским латинским обществом по поводу словообразовательных принципов современной латыни, обсуждаемых на примере псевдонеологизмов *posta* и *postalis* [21, S. 57; 58; 59; 60; 61]. Хотя в ретроспективе из сегодняшнего дня спор этот формально разрешается в пользу итальянцев, обе полярные позиции отражают неоднозначность затронутой проблемы, та и другая находят подчас своих приверженцев и среди неолатинистов наших дней.

Печатным органом Мюнхенского общества был журнал «Societas Latina», издававшийся с 1932 г. Периодичность этого немецко-латинского издания составляла три-четыре номера в год, с двухлетним перерывом 1945–1946 гг., с 1950 г. «Societas Latina» выходила раз в год. Первым редактором журнала был Э. Вельц, в 1938 г. его сменил Ю. Дютуа, остававшийся на этой должности до 1955 г.

Содержание журнала определялось основной целью Мюнхенского общества – культивированием латыни как языка межнационального общения [62], поэтому большое внимание уделялось сходным зарубежным инициативам [63; 64; 65; 66; 67; 68]. В 1935 г. появилась обзорная рубрика *Conspectus periodicozum*. В публикациях журнала обсуждались грамматико-стилистические нюансы латыни в функции международного языка [69; 70], словообразовательные принципы и унификация произношения [71; 72], преимущества и недостатки латыни в сравнении с искусственными языками [73; 74], проблема международного вспомогательного языка [75; 76; 77]. Большое практическое значение имели обширные словники современной латинской терминологии как подготовительная ступень к созданию латинского словаря Новейшей эпохи [78; 79; 80; 81; 82; 83; 84; 85; 86]. В каждом номере присутствовала оригинальная и переводная латинская поэзия, загадки (*aenigmata*), рецензии.

«Societas Latina», прекратившая свое существование в 1955 г., провела своеобразный «водораздел» между довоенной и послевоенной историей «живой латыни», которая возобновилась I Авиньонским конгрессом уже в следующем, 1956 г. Безусловно, те нормотворческие усилия, которые предпринимались в латинской периодике конца XIX – первой половины XX вв., заложили надежный фундамент для дальнейшего

5 О целях издания журнала сказано в его первом номере [17, p. 9–11]; краткие сведения о содержании журнала приводит о. Х. М. Мир [24, p. 383–384].

обогащения словарного фонда современной латыни. Об этом свидетельствуют, в числе прочего, и материалы послевоенных журналов «Latinitas», «Vox Latina», «Melissa».

Ссылки

1. Stroh W. Lebendiges Latein // Der Neue Pauly: Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte. Stuttgart/Weimar: J. B. Metzler, 2001. Bd. 15. S. 92–99.
2. Stroh W. Latein ist tot, es lebe Latein! Kleine Geschichte einer grossen Sprache. Berlin: List, 2007. 415 S.
3. Fritsch A. Lateinsprechen im Unterricht. Geschichte – Probleme – Möglichkeiten. Bamberg: C. C. Buchner, 1990. 160 S.
4. Slednikov A. De hodierna Latinitate viva in Russia // Melissa. 2015. № 184. P. 1–6.
5. Slednikov A. Disciplina Latinitatis vivae quid sibi proponat, linguamne reviviscendam an humanitatem propagandam // Melissa. 2016. № 194. P. 6–11.
6. Подосинов А. В., Щавелева Н. И. Lingua Latina. Введение в латинский язык и античную культуру. М.: Прогресс, 1995. Ч. 3. 230 с.
7. Беликов А. Е. Маленькая Академия на земле Великой Греции // Лицейское и гимназическое образование. 2008. № 8. С. 6–14.
8. Следников А. Г. Движение «живой латыни»: поиски универсального средства научного общения и рецепция культурного наследия Античности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4. С. 370–384.
9. Fritsch A. Lateinsprachige Zeitschriften // MDAV. 1975. № 18. S. 7–11.
10. Sacré D. Le latin vivant: les périodiques latins // Les Études classiques. 1988. № 66. P. 91–104.
11. Ferret I. Periodicum “Nunc est gaudendum”: quae sint eius experimenta scholares // Vox Latina. 1989. № 25. P. 113–118.
12. Desessard C. De Vitae Latinae novissima abiectione // Latinitas. 1991. № 39. P. 41–53.
13. Sacré D. Zeitschriften in lateinischer Sprache // Altsprachlicher Unterricht. 1994. № 5. S. 72–75.
14. Henderson G. Phoenix and the revival of Latin as the international language. – London, 1902.
15. Alaudae: eine lateinische Zeitschrift 1889–1895. Herausgegeben von Karl Heinrich Ulrichs // Nachdruck mit einer Einleitung von W. Stroh. Hamburg: Männerschwarm, 2000. 428 S.
16. Jenniges V. Alaudae iterum cantant // Melissa. 2005. № 125. P. 4–7.
17. Jenniges V. Vox Urbis (1898–1913) quid sibi proposuerit // Melissa. 2007. № 139. S. 8–11.
18. Dutoit J. De 25 annis Juventutis // Societas Latina. 1941. № 9. S. 65–66.
19. Romani S. De commentariolo Alma Roma inscripto // Latinitas. 1952. № 1. P. 12–13.
20. Lather R. Latein als Weltsprache im 20. Jahrhundert. Karl Fleschs Ferocia Latina (1942) und die Münchener Societas Latina // Der neulateinische Roman als Medium seiner Zeit. The Neo-Latin Novel in its Time / Hrsg. von S. Tilg, I. Walser. Tübingen: Narr, 2013. S. 229–242.
21. Lurz G. Lateinische Zeitschriften // Societas Latina. 1935. № 3. S. 33–38.
22. Солопов А. И. Начала латинской стилистики. – М.: Индрик, 2008. 696 с.
23. Miraglia A. Ne bibamus pocula Lethes: de litteraria omnium gentium republica redintegranda // Mantinea. 2015. № 1. P. 19–69.
24. Mir I. M. Vox Urbis – Alma Roma – Latinitas // Latinitas. 1993. № 41. P. 383–389.
25. Licoppe G. De hodierno Latinitatis vivae statu // Melissa. 2013. № 177. P. 1–2.
26. Licoppe G. Academia Latinitati Fovendae: eius historia per motum Latinitatis vivae considerata (1952–2012). Bruxellis: Melissa, 2014. 410 P.
27. Stroh W. De Carolo Henrico Ulrichs Latinitatis reviviscentis auctore // Alaudae: eine lateinische Zeitschrift 1889–1895. Herausgegeben von Karl Heinrich Ulrichs / Ndr. mit einer Einl. von W. Stroh. Hamburg: Männerschwarm, 2000. P. V–XV.
28. Stroh W. Karl Heinrich Ulrichs als Vorkämpfer eines lebendigen Latein // Karl Heinrich Ulrichs zu Ehren: Materialien zu Leben und Werk / Hrsg. von W. Setz. Hamburg: Männerschwarm, 2000. S. 81–92.
29. Jenniges V. Alaudae iterum cantant // Melissa. 2005. № 125. P. 4–7.
30. Hirschler M. De Carolo Henrico Ulrichs qui magis fecit quam ut revivisceret lingua Latina // Melissa. 2016. № 192. P. 8–9.
31. Ulrichs C. A. Die lateinische Zeitschrift “Alaudae” // Alaudae: Eine lateinische Zeitschrift 1889–1895. Herausgegeben von Karl Heinrich Ulrichs / Ndr. mit einer Einl. von W. Stroh. Hamburg: Männerschwarm, 2000. S. 17–XX.

32. Esser G. Quomodo Joannes Smith imperio Virginiae potitus sit // *Auxilium Latinum*. 1933. № IV/4–5. P. 7.
33. Esser G. De incommodis colonorum Virginiae // *Auxilium Latinum*. 1933. № IV/6. P. 5.
34. Esser G. Joannes Smith apud Indios // *Auxilium Latinum*. 1933. № IV/7. P. 5.
35. Lurz G. Lateinische Zeitschriften // *Societas Latina*. 1935. № 3. S. 36.
36. Dutoit I. De 25 annis Juventutis // *Societas Latina*. 1941. № 9. P. 65–66.
37. Licoppe D. Inter eximios Latinitatis vivae fautores: Iosephus Maria Mir // *Melissa*. 1987. № 19. P. 3–4; 1987. № 21. P. 5–6; 1988. № 23. P. 3–5.
38. Llobet R. M. Placuitne Palaestra? // *Palaestra Latina*. 1930. № 2. P. 22–24.
39. Philoponus P. Domus paternae desertor // *Palaestra Latina*. 1931. № 11. P. 24–25.
40. Ianicius C. Telephonium // *Palaestra Latina*. 1932. № 22. P. 52–53.
41. González I. Microscopium // *Palaestra Latina*. 1930. № 2. P. 27–28.
42. González I. Grammophonum // *Palaestra Latina*. 1930. № 3. P. 40–41.
43. González I. Instrumenta musica // *Palaestra Latina*. 1931. № 11. P. 26–28.
44. IJsewijn I. Carmina Geselliana // *Palaestra Latina*. 1958. № 163. P. 390–393.
45. IJsewijn I. Carmina Eberleiana // *Palaestra Latina*. 1959. № 167. P. 129–134.
46. IJsewijn I. Carmina Latina ex Unione Sovietica // *Palaestra Latina*. 1960. № 171. P. 142–146.
47. Mir I. M. Iterum de faciendis novandisque verbis Latinis // *Palaestra Latina*. 1959. № 168. P. 203–208.
48. Eichenseer C. Quod praeceptum ei sit observandum, qui vult scribere Latine // *Palaestra Latina*. 1960. № 170. P. 228–236.
49. Mir I. M. Quid ex scriptoribus et commentariis superiorum aetatum inferre possimus ad conficiendum lexicon recentis latinitatis // *Palaestra Latina*. 1974. № 225. P. 83–96; 1975. № 226. P. 11–24.
50. Delgado I. I. Lingua Latina iterum universalis deveniat oportet // *Palaestra Latina*. № 1956. 156. P. 193–202.
51. Sidera I. Conventus linguae Latinae “viventis” reddendae Avennionem coactus // *Palaestra Latina*. 1956. № 156. P. 228–236.
52. Sidera I. Alter Conventus Internationalis Latinae Linguae usui instaurando Lugduni coactus // *Palaestra Latina*. 1959. № 168. P. 229–237.
53. De stratis atmosphericis // *Alma Roma*. 1931. № 12. P. 189.
54. De ampulla thermoionica gigante // *Alma Roma*. 1932. № 1. P. 13.
55. De aequationibus Einsteinianis pro universo statico // *Alma Roma*. 1932. № 6. P. 100.
56. Avellanus A. Vox Urbis // *Praeco Latinus*. 1898. № 5. P. 30–31.
57. Lurz G. Nostra res // *Societas Latina*. 1936. № 4. P. 1.
58. I. Fornarii et A. Avenarii de commentario “Nostra res” epistulae // *Societas Latina*. 1936. № 4. P. 17–20.
59. Nova I. Fornarii ad A. Avenarium epistula // *Societas Latina*. 1936. № 4. P. 33–34.
60. Lurz G. Nostra res. // *Societas Latina*. 1937. № 5. P. 1–5.
61. Henze C. Deribitorium – cursus publicus – posta? // *Societas Latina*. 1937. № 5. P. 5–8.
62. Satzung des Vereins “Societas Latina” // *Societas Latina*. 1932. № 1. P. 4.
63. Von der Lateinbewegung in Frankreich // *Societas Latina*. 1932. № 1. P. 13–15.
64. Von der Lateinbewegung in Italien // *Societas Latina*. P. 15–17; 1935. № 3. P. 2–6.
65. Instituto di Studi Romani // *Societas Latina*. 1933. № 2. P. 18.
66. De Academia Latina constituta in Argentina // *Societas Latina*. 1936. № 4. P. 46, 70.
67. Lurz G. Die moderne Lateinbewegung // *Societas Latina*. 1949. № 15. P. 1–22; 1950. № 16. P. 1–26; 1951. № 17. P. 1–15; 1952. № 18. P. 1–22.
68. Herrle T. Methodische Bestrebungen zur Verlebendigung des Lateinunterrichts in Amerika // *Societas Latina*. 1954. № 20. P. 6–7.
69. Weller H. Übersetzung und Stil im Weltlatein // *Societas Latina*. 1935. № 3. P. 6–11.
70. Lurz G. De variis dicendi generibus // *Societas Latina*. 1936. № 4. P. 34–35.
71. Avenarius A. De nominibus locorum exeuntibus iniacum // *Societas Latina*. 1936. № 4. P. 44–45.
72. Dutoit I. De pronuntiatione in latino sermone adhibenda // *Societas Latina*. 1938. № 6. P. 4–5.
73. Hörhammer F. Basic English, ein neuer Versuch zur Lösung des Weltsprachenproblems // *Societas Latina*. 1934. № 2. P. 17–20.

74. Lurz G. Esperanto-Weltkongreß in Stockholm 4.–11. August 1934 // *Societas Latina*. 1934. № 2. P. 65–67.
75. Lurz G. Über den gegenwärtigen Stand des Weltsprachenproblems // *Societas Latina*. 1932. № 1. P. 22–31; 1934. № 2. P. 49–53.
76. Hecker L. La lingua ausiliare internazionale // *Societas Latina*. 1934. № 2. P. 67–70.
77. Lurz G. Sprachliche Verständigung im internationalen Verkehr // *Societas Latina*. 1936. № 4. P. 21–26.
78. Fischer P. Postalia // *Societas Latina*. 1932. № 1. P. 46–47; 1936. № 4. P. 4–5.
79. Vorschläge für ein neues lateinisches Wörterbuch // *Societas Latina*. 1933. № 1. P. 53–56.
80. Deutsch-lateinisches Wörterverzeichnis // *Societas Latina*. P. 57–68; 1933. № 2. P. 1–15.
81. Kritische Bemerkungen zum Wörterverzeichnis // *Societas Latina*. 1933. № 2. P. 15–17; 1934. № 2. P. 31–32; 47–48; 62–64; 79–80.
82. Goslar I. Vocabularium musicum // *Societas Latina*. 1936. № 4. P. 53–61.
83. Varia artis exercitatrix genera // *Societas Latina*. 1938. № 6. P. 20–24.
84. Lis H. Varia vocabula et congesta et commenticia, quibus aetatis nostrae res redduntur // *Societas Latina*. 1938. № 6. P. 49–50.
85. Holzer I. Radiophonica // *Societas Latina*. 1953. № 19. P. 14–18.
86. Lis H. Quomodo nostratem rem “Telephon” bene Latine reddere possimus // *Societas Latina*. 1955. № 21. P. 17.

УДК 343.232

В статье рассматриваются различные подходы к определению критериев категоризации преступлений. Анализируются теоретические и практические проблемы трактовки характера и степени общественной опасности преступления. Авторы высказывают собственное мнение по указанным вопросам.

Ключевые слова: категоризация; категории преступлений; критерии; основание; характер и степень общественной опасности; форма вины; наказание; санкция.

In the article are exposed different scientific approaches to definition of crime categorization criteria. Theoretical and practical problems of interpreting character of crime and its social menace are analyzed. The authors display their own opinions on these issues.

Key words: categorization; categories of crimes; criteria; base; character and degree of public menace; form of fault; punishment; sanction.

А. В. Иванчин

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Л. О. Павлова

E-mail: ljudmila-pavlova11@rambler.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

К вопросу о критериях категоризации преступлений по Уголовному кодексу РФ

Научная статья

A. V. Ivanchin

L. O. Pavlova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Notes on the Criteria of Crimes Categorization as to the Criminal Code of the Russian Federation

Scientific article

Российская модель категоризации преступлений впервые получила свое законодательное закрепление в XIX веке. Первоначально законодатель предлагал использовать в качестве критерия разграничения преступлений по их тяжести общественную опасность. Позднее категоризация совершенствовалась параллельно с развитием права. Индикатором относимости преступлений к той или иной категории преступлений чаще всего выступало наказание. При этом отдельной нормы, посвященной категориям преступлений, законодатель не предусматривал. Ситуация кардинально

изменилась с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г. (далее – УК), в ст. 15 которого впервые были определены категории преступлений.

Как известно, «одно из главных условий любой классификации – это выбор правильного критерия (основания)» [1, с. 17]. При этом критерий и основание категоризации резонно рассматривать как синонимичные понятия, поскольку любая классификация осуществляется в зависимости от определенных критериев. В логике под основанием деления понимают признак, по которому оно осуществляется [2, с. 36].

© Иванчин А. В., 2017

© Павлова Л. О., 2017

Часть первая ст. 15 УК закрепляет положение, согласно которому все деяния, предусмотренные УК, подразделяются на категории в зависимости от *характера и степени общественной опасности*. На первый взгляд кажется, что все предельно ясно и никакой почвы для размышлений быть не может. Однако сложность заключается в том, что ни в теории, ни в законе не выработано единого понимания характера и степени общественной опасности преступления.

Одни ученые под характером общественной опасности понимают объект посягательства, последствия, форму вины, способы совершения преступления [3, с. 43], другие – последствия, вред, способы совершения, форму вины, мотивы и цели, а также «содержание субъекта» [4, с. 70]. Что касается степени, то некоторые ученые говорят об ее обусловленности размером вреда, временем, способом совершения преступления, ролью подсудимого [5, с. 70], иные же определяют её степенью опасности ущерба, степенью вины, способами совершения с разными степенями насилия [6, с. 18].

Оставляя в стороне приведенный разброс мнений, следует согласиться с тем, что необходимо разграничивать типовую и конкретную (индивидуальную) степени общественной опасности [7, с. 107]. Типовая степень зависит от обстоятельств, *указанных в законе и дифференцирующих ответственность*, в то время как на конкретную влияют обстоятельства, не закрепленные в тексте уголовного закона, а присущие конкретно совершенному преступлению, т. е. *имеющиеся в реальной действительности*.

Возникает вопрос: как в практике тракуются понятия характера и степени общественной опасности? Пленум Верховного Суда СССР в п. 2 постановления от 29 июня 1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказаний» отмечал, что при определении степени общественной опасности преступления следует исходить из совокупности всех обстоятельств, при которых было совершено конкретное преступное деяние (форма вины, мотивы, способ, обстановка и стадия совершения преступления, тяжесть наступивших последствий, степень и характер участия каждого из соучастников в преступлении и др.) [8].

Позднее в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 был закреплён

иной подход [9], который был скорректирован ныне действующим постановлением от 22 декабря 2015 г. № 58 [10]. В последнем отмечается, что степень общественной опасности преступления зависит от тех же конкретных обстоятельств, что указывались и ранее: тяжести наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершённом в соучастии, за исключением размера вреда и наличия обстоятельств, влекущих более строгое наказание, а также от вида умысла либо неосторожности. Стоит отметить, что действующее постановление, в отличие от утратившего силу, указало на учет обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, при определении степени общественной опасности преступления.

Вместе с тем постановление Пленума Верховного Суда РСФСР 1979 г. № 3 не давало толкования характера общественной опасности преступления, в то время как в постановлениях 2009 и 2015 гг. этот критерий был раскрыт. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 20 характер предписано определять объектом посягательства, формой вины и категорией преступления. Согласно действующему постановлению № 58, характер зависит от направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности (т. е. от объекта) и причинённого им вреда.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать непоследовательность Пленума Верховного Суда, так как изначально он указывал, что форма вины характеризует степень, затем отнес форму вины к характеру, а через шесть лет возвратился к прежней позиции. Думается все-таки, что наряду с объектом на характер общественной опасности должна влиять и форма вины, которая, как правило, закрепляется в диспозициях статей Особенной части УК. При конструировании составов законодатель учитывает различные формы вины, поскольку они выступают качественным показателем уровня опасности того или иного преступления. Что же касается *фактических обстоятельств содеянного*, мы солидарны с позицией Пленума в том, что они должны учитываться судом в рамках определения степени общественной (индивидуальной, конкретной) опасности совершенного преступления.

Добавим также, что новое постановление закрепило ряд прогрессивных положений по сравнению с предшествующим. В частности,

Пленумом было исключено ошибочное, на наш взгляд, положение о зависимости характера общественной опасности от категории преступления, так как ч. 1 ст. 15 УК прямо указывает на зависимость категории преступления от общественной опасности (характера в частности), а не наоборот. Получался замкнутый круг, что выглядело явно нелогично, и этот недостаток в новом постановлении устранен.

Следует заметить, что в теории имеются различные мнения о круге критериев категоризации преступлений. Более того, сам закон позволяет говорить не только об одном критерии. Существует точка зрения, что критерием категоризации выступает лишь степень общественной опасности [11, с. 12]. Вряд ли это логичный подход, поскольку характер опасности также учитывается при определении ее уровня, а следовательно, и при разграничении преступлений на категории. Что же касается степени общественной опасности как критерия категоризации, то речь идет, еще раз подчеркнем, о *типовой степени*, а не конкретной (индивидуальной), присущей жизненному факту. Но характер и степень опасности преступления – это, несомненно, две стороны одного критерия категоризации – общественной опасности преступления (именуемого порой ее уровнем).

Анализ ст. 15 УК показывает, что законодателем проигнорировано одно из важных логических правил, согласно которому в основание классификации следует закладывать один критерий. С учетом ст. 15, помимо характера и степени опасности, при категоризации преступлений учитывается также форма вины. Одни авторы поддерживают этот подход, полагая, что форма вины способствует более точной классификации, выступая в качестве дополнительного критерия [12, с. 27–28]; другие утверждают, что такой признак, как вина, равнозначен признаку общественной опасности, поэтому они оба должны выступать в качестве основы деления преступлений на категории [13, с. 42–43]; третьи считают необходимым выделение формы вины, так как «нельзя игнорировать различие социальной природы умышленных и неосторожных преступлений» [14, с. 49].

Данные мнения, равно как и подход законодателя, представляются небесспорными, так как в законе нарушено логическое правило о единстве основания деления, в результате чего форма

вины учитывается дважды – сначала в рамках санкции, отражающей характер и степень общественной опасности преступления, а затем – в качестве самостоятельного критерия [15, с. 76]. Действительно, форма вины является одним из показателей общественной опасности (как уже отмечалось, ее характера), то есть она уже учтена при категоризации преступлений, и ее повторный учет недопустим [16, с. 103].

Следствием этого логического просчета выступают труднообъяснимые диспропорции между грозящим наказанием и категорией преступления. Для иллюстрации обратимся к такому преступлению, как нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц, которое максимально наказуется лишением свободы на срок *до семи лет* (ч. 5 ст. 264 УК). Исходя из формы вины, законодатель определяет это преступление как *преступление средней тяжести* (ч. 3 ст. 15 УК). Одновременно кража из жилища, наказуемая до шести лет лишения свободы (ч. 3 ст. 158 УК), признается *тяжким преступлением* (ч. 4 ст. 15 УК). Очевидно, что логичным такое положение вещей назвать трудно.

На наш взгляд, критерий деления умышленных и неосторожных преступлений должен быть единым – характер и степень общественной опасности преступления, отраженные в санкции статьи Особенной части УК. Поэтому необходимо «реанимировать» категорию неосторожных тяжких преступлений (известную УК 1996 г. в редакциях, действовавших до 2001 г.). В связи с этим предлагаем исключить из ч. 2–5 ст. 15 УК указание на зависимость категории от формы вины.

Некоторые специалисты отмечают, что законодатель в ч. 2–5 ст. 15 УК поставил категории преступлений в зависимость от наказания в виде лишения свободы. С учетом этого, ими предлагается установить наказания небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие [17, с. 79]. Данная идея представляется небесспорной, поскольку тяжесть наказания, закреплённого в санкции статьи, производна от тяжести (опасности) преступления, а не наоборот. Изначально при криминализации правотворец исходит из характера и степени общественной опасности, которая является определяющей, и впоследствии конструирует наказание. Поэтому наказуемость

отражает общественную опасность, но не является критерием категоризации, так как обуславливается ею. В связи с этим Конституционный суд РФ верно, по нашему мнению, указал на тот факт, что внешним формализованным показателем, отражающим характер и степень общественной опасности, как раз и выступает наказание [18, с. 79].

В связи с изложенным полагаемым разумным внести коррективы в ст. 15 УК, отведя предлогу «за» место перед наименованием категорий преступлений, для того чтобы показать зависимость наказания от характера и степени общественной опасности. В итоге получится, например, следующий вариант: «За преступление небольшой тяжести максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трёх лет лишения свободы».

Многие авторы отмечают, что отражение в ст. 15 УК только наказания в виде лишения свободы не обосновано, поскольку «иные наказания «повисают в воздухе», и не относятся ни к одной из категорий» [19, с. 69]. Думается, что указания на лишение свободы вполне достаточно, так как в ст. 15 УК идет речь не просто о грозящем виновному наказании, а о *максимальном* наказании. Законодатель ориентируется на самое суровое и вместе с тем самое универсальное наказание – лишение свободы. Исходя из этого, если санкция предусматривает только менее строгие (в соответствии со ст. 44 УК) наказания, например исправительные работы и арест, то, очевидно, что максимум этой санкции не свыше трех лет лишения свободы, а значит, перед нами преступление небольшой тяжести.

В науке существует мнение о том, что в качестве формального основания категоризации преступлений должна выступать санкция статьи, отражающая оценку законодателем общественной опасности преступного деяния [20, с. 49]. Действительно, как уже отмечалось, мерилom (цифровым выражением) общественной опасности является именно санкция статьи Особенной части УК. Но санкции конструируются в зависимости от законодательной оценки характера и степени опасности того или иного преступления, а не наоборот. То есть опасность первична, а наказание вторично, что принципиально важно четко фиксировать в уголовном законе. Поэтому мы солидарны с мнением о том, что «необхо-

димо придерживаться первичности характера и степени общественной опасности вида деяний по отношению к санкции» [1, с. 36]. Прав, думается, и О. А. Михаль, который утверждает: «Содержательный критерий законодательно закрепит адекватную оценку каждой категории преступления» [21, с. 25].

В контексте анализа критериев категоризации обращает на себя внимание тот факт, что некоторые санкции статей Особенной части УК являются слишком «просторными». Так, санкции ч. 2 ст. 127¹, ч. 2 ст. 127², ч. 3 ст. 134 УК предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок от трёх до восьми лет. Таким образом, суд может назначить как три года лишения свободы, так и восемь. Под этот диапазон фактически попадают преступления небольшой, средней тяжести и тяжкие преступления. Если суд назначит три года лишения свободы, то будет ли это деяние преступлением небольшой тяжести? Очевидно, что нет, так как категория преступления в силу ст. 15 УК определяется исходя из верхней границы лишения свободы, предусмотренного санкцией статьи, т. е. *грозящего наказания* (следовательно, данное преступление является тяжким).

Однако отдельные авторы не соглашались с такой логикой и полагают, что законодатель выделяет ещё один критерий категоризации – размер наказания, *назначаемого судом*. Так, А. М. Трухин приводит в качестве примера санкцию ч. 3 ст. 158 УК, предусматривающую наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет, и говорит, что суд может признать это преступление тяжким, как максимум, и преступлением небольшой тяжести, как минимум [22, с. 60–61]. Мы не согласны с таким подходом, поскольку размер назначенного наказания определяет не категорию преступления, а общественную опасность конкретного преступления (индивидуальную опасность). В то же время попутно укажем на нецелесообразность конструирования санкций с широким диапазоном между верхним и нижним пределами, поскольку в результате этого размываются границы между категориями преступлений (вопрос же о технике построения санкций – тема отдельного повествования).

Подводя итог, отметим, что в ст. 15 УК нарушено единство основания деления преступлений на категории, так как законодатель указал на их зависимость не только от характера и степени

общественной опасности, но и формы вины. Полагаем, что первоначальная редакция ст. 15 УК в части выделения тяжких неосторожных преступлений требует «реанимации» и критерий категоризации умышленных и неосторожных преступлений должен стать единым. На наш взгляд, этим – единственным – критерием (основанием) категоризации преступлений должна выступать их общественная опасность, формализованная в санкциях статей Особенной части УК. Указание же в ст. 15 УК лишь на лишение свободы мы считаем вполне оправданным и позволяющим с учетом положений ст. 44 УК четко определить грозящее виновному максимальное наказание, а значит, и категорию преступления.

Ссылки

1. Коноваловский А. М. Категории преступлений в зависимости от их тяжести и вопросы уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 169 с.
2. Смирнов А. А. Логика. Ярославль, 2009. 139 с.
3. Елифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М., 2012. 152 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.
5. Михаль О. А. Уголовно-правовая классификация преступлений. Омск, 2009. 279 с.
6. Кузнецова Н. Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного Кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1995. С. 16–23.
7. Кругликов Л. Л. Общие начала назначения наказания. Караганда, 2006. 183 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
12. Магомедов Г. Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 172 с.
13. Нерсесян В. А. Требуется категоризация неосторожных преступлений // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 42–44.
14. Онгарбаев Е. А., Бишимбаева А. В. Общетеоретические вопросы классификации преступлений // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2006. № 4. С. 42–51.
15. Иванчин А. В. Законодательная техника и её роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. 208 с.
16. Иванчин А. В. Вина и конструирование состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 102–105.
17. Ратьков А. Н. Правовое значение классификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 194 с.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 N 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 31 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учёт) при конструировании норм Общей части УК РФ // «Lex russica». 2015. № 3. С. 63–72.
20. Кривоченко Л. Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983. 129 с.
21. Михаль О. А. Категории преступлений в уголовном праве. Омск, 2007. 47 с.
22. Трухин А. М. Тяжесть преступления как категория уголовного права // Уголовное право. 2005. № 2. С. 59–61.

УДК 347.7

В статье на основе общетеоретических положений о неопределенности правовых норм, дискреции, ее способах и формах рассматриваются наиболее значимые аспекты диспозитивно-творческого применения и реализации действующего семейного законодательства, включая присутствующие в нем гражданско-процессуальные и административно-процессуальные нормы. Обнаруживаются излишне неопределенные или чрезмерно определенные предписания, конструируются варианты их разумной доводки до качества, обеспечивающего достижение запланированного законодателем социального предназначения этих норм или же достижение иных целей, которые законодатель перед собой не ставил, но которые вытекают из общих начал Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: семейное законодательство; неопределенность семейно-правовых норм; дискреция; оптимизация.

In the article, on the basis of general provisions about the uncertainty of legal rules, discretion, its methods and forms, the most significant aspects of dispositive – creative application and implementation of current family legislation are discussed, including its civil – procedural and administrative-procedural rules. We can find overly vague or overly specific instructions, so we propose options for improving their quality, ensuring the achievement of planned by legislator social purpose of these rules, or achieve other goals that the legislator did not mean, but which emanate from the general principles of the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: Family legislation; uncertainty of Family Law norms; discretion, optimization.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru

Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности»

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Family Legislation: «50 Shades of Uncertainty»

Scientific article

Определенность в праве есть благо. Она фиксирована в дефиниции правовой нормы и является гарантией исполнения социального предназначения права как регулятора общественных отношений. Однако неопределенность правовым предписаниям также присуща. И тоже является благом. Доктрина и практика давно приняли объективность, а следовательно, неизбежность взаимодействия указанных противоположных характеристик. Во-первых, – из-за пробельности, дефектности права, пусть и систематически ликвидируемых; во-вторых, – из-за очевидной невозможности охватить его «регулятивными щупальцами» все детали допустимого (или недопустимого) поведения. В последнем случае юридическая неопределенность является способом правового регулирования, позволяющим учитывать многообразие конкретных жизненных ситуаций [1, с. 5–7].

Этот способ проецируется в относительно определенные нормы трех видов: альтернативные, где заложены два и более точно обозначенных варианта; факультативные, которые предполагают главное правило и дополнительное правило – на замену вторым первого; и собственно ситуационные (альтернативные и факультативные в известном смысле также могут быть отнесены к последним, но степень их определенности или, если хотите, малая толика их неопределенности позволяет принять указанную доктринальную дифференциацию) [2, с.73]. Именно данная разновидность относительно определенных нормативных предписаний предусматривает возможность прямого конкретизирующего регулирования с учетом многообразия «красок» отдельного казуса [2, с. 74].

Рассматриваемый способ порождает явление дискреции, или усмотрения, причем не только

административного и судебного, то есть приложим как к субъектам правоприменения, так и к любым субъектам правореализации. Другое дело, что специфика деятельности первого вида предполагает специальные правила и технологии дискреции (конкретизацию, субсидиарное применение норм, применение их по аналогии, разрешение правовой коллизии, следование общей тенденции практики и/или прецеденту, иногда даже правотворчество, хотя и существенно ограниченное [3, с. 140–231]) – с принятием на заключительном этапе рассмотрения и разрешения юридического дела правоприменительного акта творческого типа, то есть с усмотренческой «изюминкой», основанной на профессионально грамотном прочтении соответствующих ситуации нормативно-правовых возможностей. Впрочем, деятельность второго вида, не будучи профессиональной, также не исключает указанных технологий, хотя их использование в этом случае осуществляется, как правило, по формуле «не ведаю, что говорю прозой», то есть на общеобразовательной и интуитивной основах. Кроме того, оба вида усмотренческой деятельности неизбежно пронизаны не только интеллектуальными усилиями, весьма различного качества, но и эмоциональными проявлениями, что, разумеется, неопределенность усиливает и предельно разнообразит. Следует заметить, что указанные характеристики субъективной стороны правоприменения и правореализации в целом, будучи на первый взгляд очевидными, на взгляд второй далеко не общепризнаны и всесторонне не исследованы [4, с. 6–47].

Взаимодействие формальной определенности и неопределенности пронизывает все отрасли права и законодательства, однако в некоторых из них вторая характеристика правовых предписаний если не доминирует, то, по меньшей мере, играет одну из главных ролей. Именно таковым является законодательство семейное. Это закономерно, ибо еще цивилисты XIX – начала XX в., как мы неоднократно отмечали в других своих работах, констатировали «малую силу» права над семейственными отношениями, его воздействие лишь на внешние границы брачности и семейственности, без проникновения в глубь явлений, без регуляции их внутренней природы [5, с. 5–11]. С данной констатацией согласны и современные юристы-семейноведы.

Следует сразу оговориться, что отыскание ровно 50 оттенков неопределенности не составляет нашу задачу в буквальном смысле. Мы лишь используем популярную филологическую конструкцию – для оживления юридической стилистики. (В этом мы, конечно, далеко не оригинальны. Например, один из наших коллег посвящал некоторые свои научные статьи любимому коту). Хотя, в принципе, если такую задачу перед собой поставить, оттенков можно набрать и более пятидесяти.

Вариации неопределенности могут быть разложены по нескольким «карманам» – разного дизайна и назначения. По объему и сфере распространения они дифференцируются по трем группам – стратегическому типу, институциональному или частному. Вариации стратегического типа сосредоточиваются обычно в общей части нормативно-правового акта, содержательно проявляясь при конструировании принципов отрасли права, ее основных дефиниций, правил действия и взаимодействия различных юридических технологий.

Уже в нормативно-правовых предписаниях ст. 1 Семейного кодекса РФ мы видим сочетание формально определенных и неопределенных положений. Так, с одной стороны, совершенно очевидным образом браком объявляется только союз, зарегистрированный в органах ЗАГС. С другой стороны, сообщается, что семейные отношения строятся на основе взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей... и т. д. Воистину нам демонстрируется единение противоположных методов правового регулирования, которое, впрочем, осуществлено не без жесткой воли законодателя.

Насколько данные фундаментальные и сложносодержательные идеи о прекрасном и должном могут конкретизироваться в институтах семейного права? В принципе, могут, правда, с весьма различным успехом: их отсутствие рассматривается в качестве основания для прекращения брака, их качественные характеристики значимы при решении вопросов о реализации права на воспитание ребенка родителями, родственниками, усыновителями, опекунами, об отступлении от равенства долей при разделе общесупружеского имущества, о применении мер семейно-правовой ответственности и иных принудительных мер и др.

Нормы ст. 4 и 5 СК РФ, устанавливая общие правила взаимодействия семейного и гражданского законодательства, также опираются на довольно абстрактный тезис: применение последнего возможно, если это не противоречит существу семейных отношений, принципам гуманизма, разумности и справедливости. Очевидно, что предписанные законодателем критерии допускают весьма широкое толкование, правоприменительную дискуссию, а также дискуссию доктринальную. Например, отношения в фактическом браке (многолетние, с детьми) соответствуют существу семейных отношений, а не отношений гражданского оборота, а законодатель с 1944 года их игнорирует, тем самым явно нарушая принципы гуманизма, разумности и справедливости. Возникает и немало других вопросов: какого рода заблуждения могут считаться значимыми для признания брака недействительным? как соотносятся нормы о свободе выбора каждым из супругов рода занятий и места жительства, взаимной ответственности и поддержки семьи? (Этот последний вопрос общего характера можно дополнить частным: почему факты отсутствия совместного проживания и ведения общего хозяйства могут быть положены в основание признания брачного союза фиктивным – и это при означенных-то свободах?).

Неопределенность стратегического типа проявляется в нечетких дефинициях основных понятий семейного законодательства или вовсе в их отсутствии: законодатель рассуждает о браке, не определяя его сущность; о семье, не выводя ее юридически значимых признаков; о ребенке, ограничиваясь лишь указанием на возрастную границу детства; и т. д.

Как известно, в рамках Концепции совершенствования семейного законодательства предпринимаются попытки обозначить в СК РФ представления о традиционных семейных ценностях, закрепить презумпцию добросовестности родителей, дать определения ключевых понятий. Однако пока дело ограничивается скорее техническими усовершенствованиями, нежели решениями принципиального характера [6, с. 16–33].

Неопределенность институционального и частного типа, разумеется, значительно разнообразнее. Так, в институте брака ярким образцом ситуационной нормы является положение о минимальном брачном возрасте. Эта норма конкретизируется

в два этапа. На первом этапе субъектам региональной власти предоставляется возможность законодательно снизить брачный возраст (без обозначения федерального предела) – и «пошла плясать губерния»: 14 лет, 15 лет, 16 лет – с разнообразием оснований для такого снижения... На втором этапе региональные власти допускают широкое усмотрение при применении соответствующего закона. Причем, как мы неоднократно отмечали в работах по брачному праву, указанные региональные правила в большинстве случаев отнюдь не обусловлены национально-культурными традициями территории. Это не означает, что по данному вопросу следует использовать технологию формальной определенности предписания. Но это означает, что целесообразно уточнить меру неопределенности, исключив «рязанскую и калужскую законность», включить действие принципа разумности как одного из мерил правовой свободы.

Известная коллизия между общими (ст. 4 ГПК РФ) и специальными (ст. 24 СК РФ) гражданско-процессуальными нормами об обязанности суда по своей инициативе разрешить в бракоразводном процессе вопросы о месте проживания ребенка и взыскании средств на его содержание порождает несколько вариантов как толкования указанных норм, так и их реализации: рассматриваем соответствующие возможности в контексте права суда выйти за пределы заявленных требований и исполняем; квалифицируем предписания ст. 24 как противоречащие ГПК и не исполняем; исполняем частично (поскольку дело о расторжении брака подсудно мировому судье, а споры о детях должны разрешаться районными судами, у сторон испрашивается заявление об отсутствии разногласий о месте жительства ребенка – и бракоразводный процесс не осложняется сопутствующими и меняющимися подсудностью вопросами). Данная коллизия, порождая подобную неопределенность толкования и применения, удивительным образом годами оставляет законодателя безразличным, несмотря на очевидную социальную значимость норм ст. 24 СК РФ. Смеем предположить, что одной из причин подобного безразличия является разрозненность восприятия и проектирования материального (семейного) и процессуального законодательства, в том числе в связи с узкой специализацией экспертных групп (как не вспомнить знаменитый вопрос А. Райкина: «Кто сшил мой костюм?...»).

В институте родительства и детства яркими образцами подобного же рода являются регулятивные семейно-правовые и гражданско-процессуальные нормы о праве ребенка на мнение и порядке его реализации (технологии учета мнения, получения согласия ребенка, статус ребенка в процессе и т. п.) и основания применения к родителям мер ответственности и иных принудительных мер. В первом случае с очевидностью следует стремиться к определенности правил, во втором это нецелесообразно. Однако введение презумпции добросовестности родителей и уточнение юридического значения ряда обстоятельств (хронический алкоголизм, наркомания, злоупотребление правом и др.), безусловно, способствовали бы оптимизации охраны и защиты законных интересов детей и родителей.

В институте супружеской собственности излишне неопределенными являются положения о признании имущества общим совместным при условии существенного вклада в повышение его стоимости супругом-несобственником, об отступлении от равенства долей с учетом интересов детей при разделе общесупружеского имущества, об исковой давности и многие другие. Если в первом и втором случаях возможна лишь некоторая конкретизация в законе и последующая конкретизация в правоприменительном акте общего типа (постановлении Верховного суда РФ), то в третьем целесообразно вернуться к формальному правилу о начале течения исковой давности с момента прекращения брака, иначе «домоклов меч» недобросовестной стороны так и будет висеть над брачным имуществом в послебрачный период, позволяя ей провоцировать соответствующие конфликты. Несколько избыточна неопределенность конструкции брачного договора: 1) относительно одной из категорий его субъектов («лица, вступающие в брак»), 2) излишней «вольницы» при выборе режимов построения отношений собственности, 3) нечеткости оснований признания данного договора недействительным [7, с. 118–136].

Институт алиментных обязательств славен таким юридическим фактом, влекущим освобождение от алиментной обязанности, как «недостойное поведение в браке». Впрочем, не меньшие «фантазии» порождает и формулировка «достаточность средств у обязанного лица».

Поскольку в нашу задачу не входит перечисление, анализ и формулирование всех технологий, оптимизирующих регулирование семейных отношений с помощью различных форм конкретизации, ограничимся приведенными констатациями, из коих очевидным является заключение о необходимости системного пересмотра подходов законодателя и правоприменителя к использованию предписаний неопределенного типа. В одних случаях требуется конкретизация существенных признаков явления – для его юридической (семейно-правовой) квалификации, в других – простое уточнение формулировок, в третьих – изъятие предписаний из группы неопределенных в пользу их жесткой формализации. Предпосылками верного выбора указанных альтернатив являются профессиональное исполнение правил юридической техники и четкое осознание социального назначения правового предписания или группы однородных правовых предписаний, особенно в ситуации, когда взаимодействуют несколько социально значимых интересов.

Ссылки

1. Власенко Н. А., Назаренко Т. Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 5–7.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. 359 с.
3. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
4. Миндус П. Гнев разума и благодать чувств: обосновывая эмоции в праве // Правоведение. 2016. № 2. С. 6–47.
5. Тарусина Н. Н. Семейное право. Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. 616 с.
6. Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: «Куда бежишь, тропинка милая?…» // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 16–33.
7. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве. М.: Проспект, 2017. 480 с.

УДК 347.22

Статья посвящена анализу актуальных изменений в законодательстве, в результате которых помещения и «машино-места» отнесены к недвижимому имуществу. Автор выявляет пробелы, противоречия в действующем и измененном законодательстве, проблемы правоприменения и находит способы их разрешения.

Ключевые слова: жилое помещение; нежилое помещение; «машино-место»; недвижимое имущество..

The article is devoted to the analysis of current changes in legislation, in which premises and «parking lots» are related to real estate. The author reveals the gaps, contradictions in the existing and amended legislation, law enforcement issues and proposes ways to resolve them.

Keywords: living quarter, nonresidential premise, «parking lot», estate property.

О. Г. Миролюбова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: infidem@mail.ru

О новом правовом режиме некоторых объектов в жилищном праве

Научная статья

O. G. Mirolyubova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

On New Juridical Norms of the Housing Law for Certain Objects

Scientific article

Федеральным законом от 03.07.2016 № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившим в силу с 01.01.2017, внесены изменения в ст. 130 ГК РФ. В перечень недвижимых вещей, содержащихся в данной статье включены следующие объекты:

– помещения (жилые и нежилые);

– машино-места (т. е. предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений), *при условии* если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке.

Одновременно с 01.01.2017 вводится в действие Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», которым предусмотрен кадастровый учет «машино-мест» и государственная регистрация права индивидуальной собственности на них.

До этого момента правовая природа помещений (в том числе жилых) как объектов недвижимо-

сти носила неопределенный характер, поскольку в ст. 130 ГК РФ среди недвижимых вещей они не упоминались, и сделать вывод об их недвижимой природе можно было лишь путем системного анализа иных норм ГК РФ (ст. 334, 549, 601 и др.), Жилищного Кодекса РФ (ст. 15) и ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (ст. 1, 23, 23.1, 23.2, 25.6, 26.1). В юридической науке, как известно, также существует дискуссия о природе помещений. Одни ученые относят их к недвижимости в силу их физической природы, другие же полагают, что, не являясь по своей природе вещами, помещения могут быть отнесены к таковым лишь в силу прямого указания закона [1, с. 2–4; 2, с. 17–19; 3, с. 49–50]. Внесение дополнения в статью 130 ГК в части отнесения жилых и нежилых помещений к недвижимому имуществу, хотя и не прекращает теоретический спор о природе данных объектов, однако устраняет пробел в указанной статье. Вместе с тем помещения рассматриваются в качестве объектов недвижимого имущества только

© Миролюбова О. Г., 2017

при условии, если их границы описаны в установленном законодательством о кадастровом учете порядке.

Закон «О государственной регистрации недвижимости» предусматривает кадастровый учет помещений, имеющих характеристики, позволяющие определить их в качестве индивидуально-определенной вещи.

Жилые помещения как объекты гражданских и жилищных прав, как объекты недвижимости должны обладать свойством изолированности (ст. 15 ЖК). Согласно п. 34 ч. 1 ст. 26 и ст. 27 Закона о государственной регистрации недвижимости кадастровый учет помещения невозможен, в случае если помещение не изолировано или не обособлено от других помещений в здании или сооружении (за исключением машино-мест).

В сведениях кадастрового учета должен быть указан конкретный вид жилого помещения в соответствии с жилищным законодательством (п. 23 ч. 4 ст. 8 Закона). Статья 16 ЖК РФ предусматривает пять видов (а точнее, три вида и два подвида) жилых помещений: жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры и комната. Таким образом, жилое помещение, подлежащее кадастровому учету, должно относиться к одному из этих видов (подвидов).

Жилищный кодекс не содержит определения понятий «часть жилого дома» и «часть квартиры». Кроме того, законодатель не конкретизирует, что подразумевается под жилым домом: только индивидуальный жилой дом (на одну семью) или жилой дом, как индивидуальный, так и состоящий из двух или нескольких изолированных частей. На практике под жилым домом обычно понимается индивидуальный жилой дом (имеющий один вход, предназначенный для проживания одной семьи). Под частью жилого дома понимается выделенная в натуре обособленная часть индивидуального жилого дома.

В судебной практике очень часто разрешаются споры между участниками общей собственности на жилой дом о разделе жилого дома или о выделе в натуре доли участника общей собственности. Заявленное требование подлежит удовлетворению при условии делимости дома, т. е. при наличии технической возможности разделить дом на самостоятельные обособленные изолированные части (помещения) [4]. В результате такого раздела образуются новые объекты – части

жилого дома, которые подлежат кадастровому учету, а права на них – регистрации в Едином государственном реестре прав. Но тут возникает проблема, которая заключается в неопределенности правового статуса жилых помещений, возникающих в результате раздела индивидуального жилого дома.

Суть этой проблемы раскрыта в Информационном письме Минэкономразвития от 17.09.2015 № ОГ-Д23-12090, в котором содержится анализ конкретного правоприменительного казуса и сделан вывод о том, что постановка на государственный кадастровый учет помещений в индивидуальном жилом доме и последующее их введение в гражданский оборот в качестве самостоятельных объектов гражданских прав не предусмотрено ни действующим законодательством, ни вступившим в силу с 1 января 2017 года законом «О государственной регистрации недвижимости».

Более того, в ч. 7 ст. 41 указанного Закона содержится правило о том, что государственный кадастровый учет и государственная регистрация права собственности на помещение или помещения (в том числе жилые) в жилом доме (объекте индивидуального жилищного строительства) или в жилом строении, возведенном на дачном либо садовом земельном участке, не допускаются.

Суть казуса, рассматриваемого в Письме Минэкономразвития, заключается в следующем. Решением суда индивидуальный жилой дом разделен между сособственниками, за каждым из них признано право собственности на самостоятельную часть жилого дома. Бывшие сособственники обратились в уполномоченный орган за постановкой вновь образованных объектов на кадастровый учет и последующей регистрацией права собственности на них. В кадастровом учете образованных по решению суда объектов заявителям было отказано на том основании, что постановка на учет помещений в индивидуальном жилом доме как самостоятельных объектов недвижимости не предусмотрена положениями частей 1–3 статьи 16 ЖК РФ. Ситуация усложнялась тем, что в решении суда возникшие при разделе жилого дома части были условно названы квартирами, но, как указано в Письме Минэкономразвития, квартиры могут быть самостоятельными объектами лишь в составе многоквартирного дома, который, в свою очередь, может

быть построен только на земельном участке, предназначенном для строительства и обслуживания именно многоквартирного дома. Жилой дом в рассматриваемом казусе имел статус объекта индивидуального жилищного строительства.

В связи с содержащимся в новом Законе о государственной регистрации прямым запретом на признание отдельных помещений в индивидуальном жилом, садовом и дачном доме самостоятельными объектами недвижимости, возникает вопрос о дальнейшей судьбе правоприменительной практики о разделе домовладений. Законодатель не конкретизирует, распространяется ли этот запрет на части жилого (садового, дачного) дома, которые сами по себе соответствуют всем признакам жилого помещения, или только на те помещения, которые не обладают этими признаками, в частности свойством изолированности. По нашему мнению, в ч. 7 ст. 41 указанного закона необходимо внести уточнение о том, что данный запрет распространяется только на те жилые дома, реальный раздел которых невозможен.

Кроме того, полагаем, что ст. 16 ЖК РФ также нуждается в уточнении. Прежде всего ее нормы необходимо согласовать с Градостроительным кодексом РФ, в ч. 2 ст. 49 которого объекты малоэтажной застройки (с числом этажей не более трех) подразделяются на объекты индивидуального жилищного строительства (отдельно стоящие жилые дома, предназначенные для проживания одной семьи) и жилые дома блокированной застройки (жилые дома, состоящие из нескольких блоков, количество которых не превышает десяти и каждый из которых предназначен для проживания одной семьи, имеет общую стену без проемов с соседним блоком, расположен на отдельном земельном участке и имеет выход на территорию общего пользования). Данная классификация жилых домов должна быть отражена в статье 16 ЖК РФ.

Помимо этого, в ст. 16 ЖК РФ необходимо определить понятие «часть жилого дома»: это структурно обособленная часть жилого здания, состоящая из одной или нескольких комнат и помещений вспомогательного использования, представляющая собой блок в жилом доме блокированной застройки либо образованная в результате раздела индивидуального жилого дома.

Указанные уточнения позволят избежать неопределенности правового статуса части жилого дома и преодолеть юридические препятствия к его разделу, если такой раздел технически возможен.

Но полагаем, что существует и иной путь преодоления этой неопределенности, который заключается в обязательном изменении статуса «индивидуального жилого дома» на «жилой дом блокированной застройки» в случае заинтересованности собственников в его разделе и при наличии технической возможности такого раздела. При изменении статуса индивидуального жилого дома на блокированный препятствия для кадастрового учета самостоятельных частей такого дома будут устранены. Однако такая возможность и процедура изменения правового режима должна быть предусмотрена в законе.

Машино-места как части нежилых помещений в зданиях (в том числе многоквартирных домах) до внесения указанных выше изменений в ст. 130 ГК РФ и введения в действие Закона «О государственной регистрации недвижимости» не признавались самостоятельными объектами гражданских прав, поскольку не имели материальных (физических) границ, а индивидуализировались только путем разметки на покрытии пола в соответствующем помещении.

Согласно официальной позиции Минэкономразвития РФ, изложенной в Письме от 26.05.2015 № ОГ-Д23-7475, действующим законодательством не предусмотрено участие в гражданском обороте части объекта недвижимости в качестве самостоятельного объекта. Кроме того, понятие и правовой режим «машино-места» в законе не установлены, «машино-место» не отвечает признаку изолированности, в связи с чем не может подлежать учету в качестве помещения. Исходя из изложенного право конкретного лица на «машино-место» должно оформляться как право на долю в общей долевой собственности на здание или помещение, в котором оно находится. Данная позиция нашла подтверждение и в судебной практике.

Такой подход, хотя и правильный с теоретической точки зрения, усложнял оборот «машино-мест», в частности, к ним должны были применяться правила ГК РФ об общей собственности (ст. 246, 247, 250, 252 и др.). В результате начала складываться практика по выделу в натуре долей

в праве собственности на нежилое помещение и регистрации права на отдельное «машино-место» как помещение, а также по признанию «машино-места» самостоятельным объектом недвижимости, предметом договоров аренды и ипотеки. Такой подход опирался в том числе на налоговое законодательство, признающее «машино-место» самостоятельным объектом налогообложения наряду с другими объектами недвижимости [5, с. 38–40].

Неоднозначность правового режима «машино-мест», расположенных в помещениях подвалов и цокольных этажей многоквартирных жилых домов, усложнялась еще и тем, что ст. 36 ЖК РФ относит нежилые помещения технических подвалов, а также другие помещения, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, к общему имуществу в многоквартирном доме. Согласно Правилам содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 13.08.2006 № 491, встроенные гаражи и площадки для автомобильного транспорта, построенные за счет средств собственников помещений, относятся к помещениям общего пользования и входят в состав общего имущества жилого дома. Данная позиция нашла отражение в Постановлении Президиума ВАС РФ от 24.09.2013 N 6037/13 по делу № А40-29754/12-127-277.

С такой квалификацией статуса помещений встроенной автостоянки с «машино-местами» нельзя согласиться. Согласно ст. 36 ЖК РФ к общему имуществу в многоквартирном доме относятся нежилые помещения, предназначенные для обслуживания более одного жилого или нежилого помещения в данном доме и не принадлежащие отдельным собственникам. Таким образом, если финансирование строительства встроенной автостоянки осуществлялось отдельными лицами (участниками долевого строительства, застройщиком, инвесторами и т. д.) не в составе общего имущества в многоквартирном доме, то данная автостоянка приобретает статус нежилого помещения в многоквартирном доме, принадлежащего конкретному собственнику (собственникам). Лишь в случае, когда встроенная автостоянка была создана за счет средств всех участников долевого строительства, она входит в состав общего имущества в многоквартирном доме.

Новый правовой режим «машино-мест» в составе помещения встроенной автостоянки в многоквартирном доме как самостоятельных объектов недвижимого имущества существенно облегчит гражданский оборот этих объектов. В частности, в случае отчуждения «машино-места» его собственнику уже не потребуется извещать других участников долевой собственности в целях обеспечения их права преимущественной покупки. А для сдачи «машино-места» в аренду третьему лицу не потребуется согласия всех собственников.

Однако необходимо заметить, что возможность признания «машино-места» (как части здания или сооружения) объектом недвижимого имущества никак не влияет на правовую природу автостоянок и парковочных мест, находящихся на земельных участках, на которых расположены многоквартирные дома. В силу прямого указания ст. 36 ЖК РФ такие автостоянки и парковочные места входят в состав общего имущества многоквартирного дома. Как справедливо отмечает Г. В. Синцов, неопределенность статуса «парковочных мест» и «машино-мест» приводит к злоупотреблениям со стороны застройщиков, которые пытаются зарегистрировать право собственности отдельных лиц (в том числе самих застройщиков) на автомобильные стоянки или парковочные места, расположенные на придомовой территории, тем самым грубо нарушая права собственников помещений в многоквартирном доме. В результате таких действий у собственников происходит уменьшение земельного участка в составе общего имущества, что, в силу ч. 3 ст. 36 ЖК РФ, возможно только по единогласному решению общего собрания всех собственников помещений [6, с. 15–16].

Следует согласиться с указанным автором, что четкое установление в законе правового режима для «машино-мест» позволит избежать недобросовестных действий со стороны строительных компаний. Поэтому считаем необходимым внести изменения в ст. 36 Жилищного кодекса, определив в нем следующий правовой режим автостоянок и парковочных мест («машино-мест»):

1) автостоянки и парковочные места, расположенные на придомовой территории, являются объектами, входящими в состав общего имущества в многоквартирном доме;

2) встроенные автостоянки в многоквартирных домах имеют статус нежилых помещений, принадлежащих отдельным собственникам на праве общей долевой собственности (за исключением автостоянок, созданных за счет средств всех собственников помещений в многоквартирном доме);

3) «машино-места», расположенные в нежилых помещениях многоквартирных домов, границы которых описаны в установленном законодательством о кадастровом учете порядке, признаются самостоятельными объектами гражданских прав.

Ссылки

1. Гонгало Б. М. Жилое помещение – объект недвижимости (краткое вступление к большой дискуссии) // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 2–4.

2. Алексеева О. Г. Жилое помещение: фикция, пространство, материальный объект? // Семейное и жилищное право. 2008. № 1. С. 17–22.

3. Миролубова О. Г. О понятии жилого помещения // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 49–52.

4. О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 1980 года № 4 (в ред. от 06.02.2007) // СПС КонсультантПлюс, 2016 (дата обращения: 01.11.2016).

5. Рузакова О. А., Рузаков А. Б. Проблемы определения правовой природы «машино-места» в гражданском и жилищном праве // Семейное и жилищное право. 2016. N 4. С. 38–42.

6. Синцов Г. В. Правовая оценка возможности признания парковочных мест недвижимым объектом // Правовые вопросы недвижимости. 2016. N 1. С. 14–16.

УДК 342.728

В статье приводятся результаты исследования, направленного на анализ управления гражданской активностью в Ярославской области. Приводятся результаты анализа нормативно-правовой базы, 16 глубинных интервью и фокус-группы. Выявляется и анализируется инструментарий управления гражданской активностью в Ярославской области и его эффективность.

Ключевые слова: гражданская активность; управление; некоммерческая организация; власть; взаимодействие.

The article presents results of the research aimed at the analysis of the management of civil activity in the Yaroslavl region. These results include those of the analysis of the legal framework, 16 in-depth interviews and one focus group. The authors identify and analyze civil activity management tools in the Yaroslavl region and their effectiveness.

Keywords: engagement; management; non-profit organization; power; interaction.

Е. А. Исаева

E-mail: elenia2000@mail.ru

А. В. Соколов

E-mail: alex8119@mail.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Управление гражданской активностью: опыт Ярославской области*

Научная статья

Е. А. Isaeva

A. V. Sokolov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Civil Activity Management: the Experience of the Yaroslavl Region

Scientific article

Процессы общественно-политической трансформации в современной России существенным образом затрагивают сферу гражданского общества и гражданской активности. Практически ежегодно по инициативе органов власти трансформируется среда функционирования НКО и реализации гражданской активности в целом. В данном случае важнейшее значение приобретают инициативы федеральных органов власти. К примеру, финансовое стимулирование регионов осенью 2011 г. со стороны Министерства экономического развития России привело к бурному развитию законодательства о поддержке социально ориентированных НКО

на уровне субъектов Федерации. В 2012 г. регионы разрабатывали целевые программы по поддержке СО НКО, принимали соответствующие законы.

Различные аспекты взаимодействия власти и общества (в том числе управленческие) активно изучаются отечественными учеными. Большую совокупность исследований можно условно разделить на несколько групп:

– анализ отдельных аспектов взаимодействия власти и гражданских активистов, НКО представлен в работах Л. И. Якобсона [1, с. 48–63], И. В. Мерсияновой [2, с. 5–24], О. В. Андропова [3, с. 190–192];

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00394а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)».

© Исаева Е. А., 2017

© Соколов А. В., 2017

– анализ публичной политики в субъектах Федерации осуществлен в трудах В. Н. Якимца и Л. И. Никовской [4, с. 3051; 5, 27–41];

– анализом влияния граждан на процесс принимаемых решений, а также сотрудничества граждан с властью занимаются И. И. Иванова, Р. В. Илюмжинова, Е. С. Петренко [6, с. 93–106], М. В. Певная [7, с. 110–119], А. Ю. Сунгуров [8, с. 165–178];

– анализ состояния гражданской активности, некоммерческого сектора в Ярославской области представлен в работах Е. А. Исаевой [9, с. 39–41], А. В. Осипова [10, с. 136–139], И. В. Поповой и И. Ф. Албеговой [11, с. 183–187].

С целью исследования особенностей управления гражданской активностью в Ярославской области было проведено 16 глубинных интервью с представителями органов власти, некоммерческих организаций и неформальных объединений граждан, с членами Общественной палаты региона и представителями академического сообщества. Также с аналогичным составом была проведена фокус-группа (10 участников). Все респонденты ввиду своей профессиональной деятельности или практического опыта являются экспертами в вопросах развития гражданского общества, определения значимых механизмов его устройства и управления. Разные и противоречивые позиции экспертного мнения позволили всесторонне оценить те инструменты, кейсы и результаты управления гражданской активностью, которые существуют в Ярославской области. В связи с этим главными объектами нашего внимания стали:

– влияние федерального общественно-политического и правового контекста на гражданскую активность;

– действия органов государственной власти и органов местного самоуправления по управлению гражданской активностью на территории региона;

– оптимальный инструментарий управления гражданской активностью.

Можно условно выделить две группы методов управления гражданской активностью органами власти: «кнут и пряник». Регулирование позитивными и негативными стимулами дает возможность маневрировать в существующей социально-политической обстановке. Органы власти формируют программы поддержки гражданских активистов, отчасти сами иницируют их деятельность. Примером этого может служить распространение акции «Бессмертный полк».

Для достижения необходимого эффекта от управления гражданской активностью, в соответствии с выстроенной стратегией государства, в отношении граждан могут применяться некоторые скрытые от них формы управления. Примером такой модели является так называемая «пластичная власть», или более современная интерпретация этого выражения – «мягкая сила». Такая власть обеспечивается при ведущей роли общественных организаций федерального уровня, стратегия деятельности которых координируется органами государственной власти, но таким образом, чтобы в глазах общества именно общественный сектор выглядел «управляющим» гражданской активностью. Объекты: общественные организации регионального уровня, лидеры общественного мнения в сфере образования, науки и т. д. – в свою очередь управляют гражданской активностью на более низком уровне, формируя индивидуальное, коллективное, общественное гражданское участие.

Возможной формой управления гражданской активностью может быть методическое обучение представителей некоммерческого сектора. Здесь работает принцип: чем больше вкладываешь, тем больший результат получаешь. Субъектом в такой схеме может выступать как государство, так и представители гражданского общества, поддерживаемые государством. Посредством целенаправленного обучения можно контролировать некоммерческий сектор.

В случае несанкционированных акций реакция государства противоположная: возможно применение санкций, норм административного и уголовного принуждения. Эти меры направлены на поддержание доминирования органов власти, а в отдельных случаях и стабильности в стране и обществе в целом. Применяя такие методы, государству удается контролировать ситуацию, сводя к минимуму негативные проявления гражданской активности. Одновременно, поощряя позитивные и согласованные акции, государство создает благоприятную для себя среду, дает возможность для будущего развития общества. Через политику поддержки гражданских активистов оно формирует новую общность активных и ответственных людей, ориентированных на решение острых проблем собственными действиями. Именно поэтому важно молодежное волонтерство: зная с юности о том, что можно

придумать проект и государство поможет в его реализации, будет создаваться новое лояльное поколение с позитивным мышлением, готовое брать на себя решение социальных задач.

Среди эффективных методов управления гражданской активностью в Ярославской области можно отметить программу поддержки СО НКО, действующий ресурсный центр для некоммерческих организаций, ежегодный Гражданский форум области.

В Ярославской области нормативно закреплён широкий спектр форм поддержки СО НКО и гражданских активистов. Достаточно развита нормативно-правовая база, регламентирующая механизмы управления гражданской активности, среди которых региональные законы «Об Общественной палате Ярославской области», «Об общественном контроле в Ярославской области», постановления об учреждении и работе общественных советов, экспертных комиссий. Эти нормативные акты регулируют деятельность диалоговых площадок, которые имеют полномочия по экспертизе и участию в проведении независимой оценки качества работы каких-либо учреждений. На региональном и муниципальном уровнях проводятся публичные слушания по решению проблемных вопросов и вопросов направления развития региона. В области действует общественная наблюдательная комиссия по контролю за соблюдением прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Общественная палата области регулярно проводит различные мониторинги, в частности детских домов, свалок и полигонов размещения ТБО, общественного питания в школьных столовых. Кроме того, экспертная оценка членов Общественной палаты, представителей некоммерческого сектора и органов власти выражается в исследованиях, которые задокументированы в ежегодном Докладе о состоянии гражданского общества в Ярославской области. Работа общественных советов призвана осуществлять общественный контроль деятельности исполнительных органов власти, а также мер поддержки различных направлений, например благотворительной деятельности в Ярославской области. Стоит отметить, что процедура формирования общественных советов в Ярославской области, как ни в одном другом регионе России, предусматривает вовлечение граждан региона в этот

процесс через публичное голосование и обсуждение кандидатов в Интернете. Также особенность Ярославской области связана с процедурой утверждения состава общественного совета. Только в этом регионе нормативно закреплены, а значит, обязательны рабочие встречи Совета Общественной палаты с руководителем органа исполнительной власти по согласованию кандидатур на вхождение в состав совета.

Наиболее разработаны нормативно-правовые акты, которые регулируют государственную поддержку некоммерческих организаций в регионе. На территории региона действует Государственная программа Ярославской области «Развитие институтов гражданского общества в Ярославской области» на 2014–2020 гг. В 2016 г. вступила в силу обновлённая Региональная программа «Государственная поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области» на 2016–2020 годы. Кроме того, действуют муниципальные программы, например «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в городе Ярославле». С их помощью осуществляется управление гражданской активностью и развитие форм гражданского участия. К ним относятся: выделение субсидий на реализацию целевых программ, информационная, методическая, транспортная поддержки. Кроме того, узконаправленная, специализированная поддержка некоммерческих организаций осуществляется на основании Постановления Правительства ЯО № 1154-п «Об оказании имущественной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям и внесении изменения в постановление Правительства области от 05.02.2013 № 60-п», Постановления Правительства ЯО № 1198-п «Об утверждении Порядка оказания информационной и консультационной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям в Ярославской области», Указа Губернатора ЯО № 538 «О Порядке предоставления информации о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в связи с предоставленными мерами поддержки», Постановления Правительства ЯО № 1336-п «О рассмотрении общественных инициатив в Ярославской области» (вместе с «Положением об экспертной рабочей группе Ярославской области по рассмо-

трению общественных инициатив»). Эти и другие нормативные акты предоставляют некоммерческим организациям разные виды поддержки: информационную, имущественную, финансовую, консультационную. Однако часть из предусмотренных форм практически не используется гражданами активистами, в частности оказание информационной (предоставление информационных площадок в СМИ, эфирное время на телевидении и радио) и транспортной поддержек.

Наиболее распространенным и проработанным, практикоприменимым механизмом регулирования гражданской активностью является механизм осуществления государственной поддержки СО НКО на разных уровнях. Предоставление финансирования на проектную деятельность, консультирование, обучение, информирование в СМИ о деятельности организации, предоставление помещений, транспортных услуг и т. д. – такое всестороннее участие государства в жизни некоммерческих организаций через бесплатное предоставление ресурсов стимулирует последних к участию в конкурсах проектов, повышению своей конкурентоспособности, росту эффективных показателей по результатам деятельности, а также подталкивает некоммерческие организации к завоеванию доверия со стороны государственных органов власти.

Органы государственной власти Ярославской области (в первую очередь в лице Департамента общественных связей), которые включены в программу поддержки НКО и гражданских активистов, ежегодно определяют приоритеты для включения в программу поддержки СО НКО. НКО и активисты от государственной поддержки обычно не отказываются, поэтому государство может сформулировать эти приоритеты коллегиально через обсуждение проекта программы с участием НКО. Прецедентов прямых запретов определенных направлений, форм и методов гражданской активности (находящихся в правовом поле) в регионе не было.

Разработка проекта программы «Государственная поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области» на 2016–2020 гг. проводилась при участии представителей органов власти и экспертного сообщества из числа НКО. Подобное сотрудничество также является рычагом управления со стороны властных структур,

которые формируют вокруг себя круг лояльных экспертов, готовых к взаимному сотрудничеству, и демонстрируют одновременно представителям третьего сектора авторитетность мнений экспертов, необходимость и востребованность поддержки профессиональных общественников. Эта областная программа, как и предыдущая, разработана сроком на пять лет, что следует рассматривать в качестве положительного условия для ее реализации. Обусловлено это возможностью вносить коррективы в программу и адаптировать ее к актуальному состоянию институтов и общества в соответствии с появлением новых социально-политических условий и тенденций развития гражданского общества. Кроме того, программа способна отвечать на вызовы и потребности, которые возникают с течением времени. Органы власти, делая на них акцент, реализуют программу таким образом, что она становится эффективной и достигает поставленных целей.

Так, региональная программа «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области» на 2011–2016 гг. заняла первое место на Всероссийском конкурсе программ социального развития регионов на премию имени А. П. Починка. Всего было подано 42 заявки от субъектов Российской Федерации. В рамках конкурса социальных программ имени А. П. Починка осуществляется оценка программ, инициатив и проектов, направленных на решение социальных проблем регионов.

Только за три года реализации программы поддержку государства получили более 330 проектов, представленных 125 СО НКО, создано более 400 рабочих мест, из внебюджетных источников на реализацию проектов привлечено более 4 млн рублей. В мероприятиях приняли участие более 25 000 жителей Ярославской области, были разработаны и реализованы семь муниципальных программ поддержки СО НКО.

Региональная программа «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области» на 2011–2016 гг. включала объем финансирования в размере 1 285 910 590 рублей на достижение задач, связанных с развитием институтов гражданского общества, межсекторного взаимодействия, с формированием в обществе духовно-нравственной атмосферы, уважения прав

человека, с верховенством закона, развитием благотворительности и добровольчества, созданием конкурентной среды оказания социальных услуг в регионе. Финансирование обновленной Региональной программы «Государственная поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций Ярославской области» на 2016–2020 гг. включает 152 837 330 рублей.

Для преодоления бюрократизации процедур по взаимодействию представителей некоммерческих организаций и органов власти в рамках программы государственной поддержки СО НКО в регионе требуется разработка и реализация механизма межведомственного взаимодействия. Ввиду его отсутствия усложняется процесс подачи документов для участия в конкурсах поддержки СО НКО, происходит расползание ответственности, усложняется процесс принятия решений. Отсутствие практики межведомственного взаимодействия в регионе обусловлено тем, что оказание государственной поддержки некоммерческим организациям на данный момент не имеет статуса государственной услуги и не подпадает под реализацию соответствующих норм. В регионе запущен процесс постепенного формулирования и распространения практик разработки муниципальных программ поддержки СО НКО.

На стадии становления находится и закрепление нормативной базы, регламентирующей и поддерживающей социально направленную деятельность физических лиц. В настоящий момент системная работа государства по поддержке гражданских активистов пока в полной мере не состоялась и это требует внимания со стороны органов власти. Одновременно источником гражданской активности на территории Ярославской области сегодня являются скорее отдельные граждане и активисты, деятельность которых направлена на решение локальных проблем. В связи с этим вопрос о поддержке деятельности физических лиц приобретает актуальность. Именно поэтому меры по ее осуществлению были включены в программу «Государственная поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций Ярославской области» на 2016–2020 гг.

Наличие ресурсного центра в регионе является одним из показателей осуществления структурированной системной целенаправленной

работы, направленной на развитие некоммерческого сектора, функционирования межсекторного партнерства и становления гражданского общества в целом. Ресурсные центры выступают в качестве направляющих координаторов, создающих импульсы, объектами которых являются общественные объединения и активисты региона. Определяя приоритетные, перспективные направления развития, наличие ключевых проблем в регионе и пути их решения, включаясь в процесс законотворчества и принятия политических решений, ресурсные центры оказывают серьезное воздействие на объединения граждан. Авторитетное мнение представителей таких центров, организация ими тематических обучающих семинаров, предоставление НКО поддержки склоняет некоммерческие организации к выбору определенного пути действия, использованию алгоритма, который предлагает ресурсный центр для НКО. Одновременно ресурсные центры являются трансляторами государственной политики в отношении НКО и посредниками между властью и обществом. Их еще называют «точками роста» и «местом притяжения гражданских активистов». Практически, обучая некоммерческие организации, ресурсные центры формируют политическую культуру и восприятие окружающей действительности общественниками. Обучение, всесторонняя поддержка, координация развития сектора в регионе, участие в экспертном сообществе – рычаги непрямого управления третьим сектором.

Похожие механизмы управления некоммерческим сектором также осуществляются с помощью проведения областных Гражданских форумов. Это мероприятие имеет большое значение в установлении диалога между властью и обществом, определении векторов будущего и необходимого региону развития. Форум способен стать главным событием года в общественной жизни области, где происходит публичное подведение итогов года и отчет об исполнении резолюций предыдущих форумов представителями органов власти, членов общественных палат, профильных департаментов и некоммерческих организаций. Здесь срабатывает двусторонний механизм управления как властью обществом, так и наоборот. Предоставление отчетности обеих сторон носит контролирующую функцию исполнения обязательств: обязательств власти по укреплению

гражданского общества, стимулирования и создания условий для его развития; обязательств руководителей НКО за исполнение мероприятий в рамках государственной поддержки в разных формах. Участие в гражданском форуме представителей органов власти дает возможность представителям некоммерческого сектора наладить партнерские отношения, а также повлиять на оперативное принятие политических решений там, где они требуются.

Важным в управлении гражданской активностью органами местного самоуправления являются совместные действия активистов и властей в решении вопросов местного значения. Зачастую они приносят значительный положительный эффект. В последнее время трендом в Ярославле стал вопрос градозащиты и защиты зеленых зон от вырубки. В случае с решением вопроса о Павловской роще органы власти и общественники совместно принимали участие как в субботниках, так и в общественных слушаниях. Подобный случай произошел и с Бутусовским парком. Такие совместные действия являются позитивным примером налаживания диалога и выработки практик по взаимодействию. В данном случае власть владеет информацией о движениях и может ими эффективно управлять, при этом заручаясь общественной поддержкой. Активисты при этом достигают своих целей быстрее и эффективнее при оказании им содействия со стороны власти.

Посредством управления государство создает платформу, на основании которой реализуется гражданская активность. У региональной власти есть свои политические, социальные и экономические задачи. Некоторые из них государство планирует выполнять совместно и при помощи общественных организаций. Таким образом, власть направляет импульсы в сторону представителей третьего сектора. Они, в свою очередь, включаются в процесс при идеологической, моральной и порой ресурсной поддержке. Например, для празднования 80-летия Ярославской области необходимо вводить в эксплуатацию множество объектов. В этом случае общественники и экспертное сообщество проверяют, правильно ли расходуются предоставленные на эти цели средства. В процессе выполнения Указа Президента России о переводе оказания части социальных услуг населения в НКО органы власти стали выраба-

тывать возможные стратегии подобного разгосударствления, а некоммерческие организации – искать себя в этом процессе.

В качестве эффективного инструмента управления эксперты отмечают непосредственное участие должностных лиц (в первую очередь занимающих руководящие должности) в мероприятиях НКО, что позволяет им лучше понимать специфику ситуации и принимать необходимые политические решения.

Важным методом управления является поощрение или моральная поддержка лидеров и активистов общественных организаций. Помимо материального обеспечения, немаловажную роль для общественника играет удовлетворение от работы, осознание своей востребованности. В рамках этого аспекта государство должно стимулировать общественность, находить механизмы, собственные финансовые средства для публичного выражения благодарности, информирования о некоммерческих организациях в СМИ.

При этом в Ярославской области пока не разработана целостная система управления гражданской активностью, в связи с чем отсутствуют целевые ориентиры существующего комплекса мер по регулированию гражданского активизма.

Управление гражданской активностью государственными органами власти и органами местного самоуправления на территории Ярославской области осуществляется, главным образом, посредством косвенных инструментов и методов: мониторинга политических процессов, протестных и непротестных акций, стимулирования определенных видов гражданской активности, мероприятий государственной поддержки (предоставление грантов, помещений, информационная поддержка), формирование «повестки дня» и обучение активистов (особенно в молодежной среде).

В целом наиболее эффективными инструментами управления гражданской активностью в Ярославской области являются грантовая поддержка НКО, мониторинг социально-политической сферы; информационная поддержка СО НКО и управление средствами массовой информации; взаимодействие субъектов управления с лидерами общественного мнения, представителями СО НКО, институтами государственной правозащиты.

Ссылки

1. Якобсон Л. И. Экономический образ мысли и законодательство о некоммерческих организациях // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 48–63.
2. Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 5–24.
3. Андронов О. В. Политико-правовые аспекты взаимодействия государства и некоммерческих организаций в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2. С. 190–192.
4. Якимец В. Н., Никовская Л. И. Особенности публичной политики в России // Полития. 2007. № 1. С. 30–51.
5. Якимец В. Н., Никовская Л. И. Публичная политика в России: состояние, проблемы и альтернативы развития // Публичная политика в современной России: субъекты и институты. М.: ГУ-ВШУ, 2006. С. 27–41.
6. Иванова И. И., Илюмжинова Р. В., Петренко Е. С. Гражданский климат и гражданское поведение – социокультурный контекст добровольческого движения в России // Социс. 2013. № 11. С. 93–106.
7. Певная М. В. Волонтерство как социологическая проблема // Социс. 2013. № 2. С. 110–119.
8. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт / А. Ю. Сунгуров [и др.] // Полис. 2012. № 1. С. 165–178.
9. Исаева Е. А. Нормативно закрепленные диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности // Власть. 2013. № 8. С. 39–41.
10. Осипов А. В. Взаимодействие государства, бизнеса и профсоюзов как условие социальной сплоченности // Педагогический вестник. 2011. № 4. С. 136–139.
11. Попова И. В., Албегова И. Ф. Роль общественных организаций как институтов гражданского общества в ресоциализации бывших заключенных в условиях местного социума // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 183–187.

УДК 342.729

Рассматриваются вопросы построения выверенной на соответствие национальным интересам РФ модели правового регулирования публичных мероприятий. Особое внимание уделяется исследованию юридических механизмов ограничения иностранного влияния на организацию и проведение политических акций. Формулируются предложения в области совершенствования принципов организации публичных мероприятий и правового статуса некоммерческих организаций как носителей свободы собраний.

Ключевые слова: публичное мероприятие; свобода собраний; акция; некоммерческая организация; национальный интерес; государство.

The article deals with the issues regarding compatibility of legal regulation of public events and national interests of the Russian Federation. Special attention is given to the restrictions on foreign influence over organization and implementation of political moves. The author suggests ways to improve principles of public events and legal status of non-profit organizations acting as freedom of assembly holders.

Keywords: public event; freedom of assembly; action; non-profit organization; national interest; state.

С. В. Симонова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: owninginfo-owningworld@yandex.ru

Организация и проведение публичных мероприятий в рамках стратегии национальной безопасности

Научная статья

S. V. Simonova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Organization and Implementation of Public Events from the Perspective of the National Security Strategy

Scientific article

Как известно, публичные мероприятия, выступающие в качестве важнейшего инструмента воздействия общества на власть, несут мощный преобразовательный и побудительный по отношению к государству заряд. Играя особую роль в выражении и формировании общественного мнения, они служат индикатором социальных настроений и проблем, заявление о которых может происходить как в конструктивных, так и в менее желательных деструктивных формах. Если учитывать столь весомое значение публичных мероприятий в механизме народовластия, то вполне объяснима заинтересованность государства в определении таких правил, связанных с организацией и проведением данного рода акций, которые отвечали бы национальным интересам и способствовали бы реализации общей стратегии национального развития.

В течение нескольких последних лет российское государство произвело переоценку потенциальных угроз, связанных с публичными мероприятиями, приняв решение о постановке некоторых аспектов организации последних под особый контроль. Полагаем, это в конечном итоге и определило стремление отечественного законодателя подчинить логику правового регулирования свободы собраний стратегическим интересам развития российского общества и государства. В целях определения внутригосударственных тенденций в правовом регулировании публичных мероприятий, обратимся к исследованию национальных интересов, на соответствие которым либо уже выверено, либо только еще следует выверить законодательство о свободе собраний. При этом особое внимание уделим вопросу о целесообразности

ности анализируемых подходов с позиции сущности права публичных мероприятий и гипотетической возможности воплощения законодательной модели организации акций при помощи менее ограничительных средств.

Прежде всего справедливо говорить о том, что отечественное правовое регулирование выверено на соответствие *идеи минимизации иностранного влияния на организацию и проведение публичных мероприятий*. Вероятно, реализация данной идеи призвана обеспечить такие национальные интересы РФ, как суверенитет и незыблемость конституционного строя¹. Под иностранным влиянием в данном контексте мы понимаем косвенное содействие осуществлению деятельности в сфере публичных мероприятий со стороны иностранных субъектов (государств, их органов, физических или юридических лиц). Стремление государства ограничить такое воздействие объяснимо: целесообразность вмешательства иностранного элемента в деятельность в сфере публичных мероприятий сомнительна. Однако насколько цель оправдывает средства?

Как известно, с 2012 г., в связи с введением в российское законодательство категории некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента², проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований объединениями, получающими финансирование из иностранных источников, фактически было поставлено под особый государственный контроль [1, с. 21–28]. Анализируя нормативные положения об участии такой организации в политической деятельности как об условии, необходимом для ее признания в качестве «иностранного агента», приходим к следующим ключевым выводам.

Во-первых, законодатель особо оговаривает, что некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента, осуществляет политическую деятельность, в том числе в форме организации и проведения публичных мероприятий. Подобное правило не может не навести

на мысль о постепенном укреплении тенденции полного отождествления публичных и политических мероприятий. Безапелляционный знак равенства между этими видами акций в одном из своих решений поставил также и Конституционный суд РФ³. В то же время в юридической науке убедительно обосновывается мысль о невозможности отнесения всех публичных мероприятий к политическим [2, с. 523].

Во-вторых, учитывая, что для признания организации в качестве выполняющей функции иностранного агента имеет значение не просто ее финансирование из иностранного источника, но еще и проведение объединением политических акций, справедливым представляется вывод о том, что законодатель видит потенциальную опасность именно в организации публичных мероприятий за счет иностранных средств. Между тем правомочие самостоятельного выбора способа организации акции, и в том числе направления расходования ресурсов в целях ее проведения, составляет, на наш взгляд, сердцевину содержания свободы собраний. В этой связи стремление государства выявить и поставить под особый контроль объединения, расцениваемые им в качестве иностранных агентов, оборачивается косвенным ограничением права публичных мероприятий уже на этапе создания организатором условий для проведения акции, формирования мотивации на мероприятие. Как видим, государственное влияние на публичное мероприятие, которое рассматривается в качестве результата зарубежного финансового вложения, осуществляется посредством воздействия на его организатора-объединение, а потому справедливой представляется мысль о взаимной, в определенном смысле цепной, связи между умалением права на объединение и свободы собраний.

³ См.: п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкчева» // СЗ РФ. 2014. № 16, ст. 1921.

¹ См.: п. 30 Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1, ч 2, ст. 212.

² См., например: п. 6 ст. 2, абз. 2 п. 7 ст. 32 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145.

Более того, обременительное для получающей финансирование из иностранного источника некоммерческой организации требование подачи заявления о включении в особый реестр предполагает приобретение таким объединением статуса, получившего в конституционно-правовой практике весьма негативную окраску [3, с. 2128]. Очевидно, что угроза официального признания организации в качестве иностранного агента содержит в себе риск «охлаждающего эффекта» в отношении деятельности объединения в сфере публичных мероприятий и, как следствие, может выступить для нее в качестве аргумента в пользу принятия решения о непроведении каких бы то ни было акций. Как справедливо отметил В. Г. Ярославцев, действующее правовое регулирование, ввиду неопределенности понятия «политическая деятельность», не исключает автоматическое отнесение к категории иностранного агента любой социально ориентированной некоммерческой организации, которая получает иностранное финансирование, имеет неполитический характер и проводит мероприятие даже в защиту своей основной деятельности⁴. Это обстоятельство представляет организацию акций такими объединениями в довольно невыгодном свете.

В-третьих, беспокойство вызывает также и вопрос об оправданности выбранного законодателем способа ограничения иностранного влияния на деятельность в сфере публичных мероприятий. Не секрет, что в настоящее время существует достаточно большое число неконтролируемых со стороны государства вариантов организации акций за счет иностранных средств. К примеру, публичные мероприятия могут проводиться отдельными физическими лицами, получающими индивидуальные гранты иностранных и международных организаций. В этой связи важно подумать о возможности достижения цели законодателя с помощью менее ограничительных средств [4, с. 14].

На наш взгляд, анализируемая цель ограничения иностранного влияния на организацию и проведение публичных мероприятий может быть достигнута посредством изменения правового регулирования самих массовых акций.

⁴ См.: Особое мнение судьи Конституционного суда РФ В. Г. Ярославцева // Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 4.

Причем в контексте исследуемой проблематики представляется целесообразным вести речь об интересе государства в минимизации не просто иностранного, но и в целом любого внешнего вмешательства в деятельность организаторов и участников акции в сфере публичных мероприятий.

Не секрет, что к числу наиболее нежелательных явлений в области гражданской активности относится принуждение лиц к выполнению действий по организации и проведению акций. В течение последних нескольких лет возросло также и число случаев вовлечения граждан в деятельность, связанную с публичными мероприятиями, на возмездной основе. Данная проблема невероятно актуальна не только для России, но и для зарубежных стран, в которых можно наблюдать тенденцию открытия особых агентств организации митингов, извлекающих доход из проведения акций на основе заказов. Подобное внедрение частнопроводных начал в сферу публичных мероприятий опасно тем, что постепенное утверждение взгляда на деятельность по организации акций как на особую разновидность гражданско-правовой услуги сопровождается утратой конституционно-правового значения свободы собраний, ее особой социальной ценности. И действительно, невозможно не согласиться с тем, что выражение участниками акции воли и интересов третьих лиц, равно как и действия ее организатора в чужих интересах, противоречат пронизывающей национальное законодательство идее публичного мероприятия как самостоятельного и независимого способа выражения и формирования мнений. Угроза данной практики национальным интересам в области суверенитета и государственной безопасности также не вызывает сомнений.

Интересно, что законодатели ряда зарубежных стран, в целях предупреждения негативной практики принуждения к деятельности в сфере публичных мероприятий и привлечения лиц к участию в таких акциях на возмездной основе, установили правила об административной и уголовной ответственности за соответствующие действия⁵. В российском законодательстве,

⁵ См., например: ч. 3–5 ст. 23.34 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ред. от 28.04.2015) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 63. 2/946.

напротив, в качестве общественно опасного деяния признается лишь принуждение к участию в акциях⁶, и, как показывает анализ правоприменительной практики, правоохранительные органы обнаруживают наличие данного состава правонарушения в действиях организаторов и участников акций крайне редко⁷.

На наш взгляд, подобное невнимание российского законодателя к негативным элементам возмездности, которые могут быть присущи деятельности по организации и проведению публичных мероприятий, объясняется тем, что Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в числе принципов проведения публичных мероприятий не называет принцип безвозмездности участия в акциях. Отметим также и то обстоятельство, что данным законом *не провозглашаются принципы организации публичных мероприятий*. Этот факт, в свою очередь, актуализирует вопрос о целесообразности выделения добровольности как имманентной характеристики деятельности организатора. Исходит ли отечественный законодатель из мысли о том, что организация акции не может быть недобровольной? Может быть, вопрос о добровольности организации ставить некорректно ввиду широкого круга обязанностей организатора и, в силу этого, повышенной юридической ответственности за нарушения в ходе проведения мероприятия? Как бы то ни было совершенствование современной идеальной основы законодательства о публичных мероприятиях в части провозглашения принципов организации публичных мероприятий и внедрения идеи безвозмездности проведения акций в полной мере отвечает выбранной нашим государством стратегии национального развития.

Таким образом, отечественный законодатель, руководствуясь общими ориентирами нацио-

нального развития, стремится выверить правовое регулирование организации и проведения публичных мероприятий на соответствие таким интересам российского общества и государства, как суверенитет, безопасность, незыблемость основ конституционного строя. Вместе с тем нормативное воплощение в законодательстве РФ идеи ограничения внешнего, в том числе иностранного, влияния на организацию и проведение публичных мероприятий зачастую оборачивается умалением социальной ценности свободы собраний, значения публичного мероприятия как независимого способа выражения и формирования мнений, а также отдельных правомочий организаторов и участников акций.

С учетом указанных выше обстоятельств работа по формированию национальной модели правового регулирования публичных мероприятий в будущем должна быть продолжена. Соотнесение же правил в сфере организации и проведения акций с национальными интересами должно осуществляться с позиции более тонкого и деликатного подхода.

Ссылки

1. Аленькин И. В. Иностранцы агенты: нужны ли контрреформы? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 21–28.
2. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
3. Безруков А. В., Кондрашев А. А. Российские конституционно-политические контрреформы 2012–2013 годов: реализация в законодательстве и перспективы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1067–1076.
4. Масахиро А. Свобода выражения мнения в Японии // Конституционное право и правовая культура Японии и России: вопросы развития: сборник докладов участников российско-японской научно-практической конференции (Москва, 23–24 сентября 2013 г.). М., 2014. 167 с.

⁶ См.: ст. 5.38 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

⁷ См., например: Постановление Карачевского районного суда Брянской области от 09.06.2015 № 5-46/2015. URL: <https://rospravosudie.com/>

УДК 341.1/8

В статье обосновывается необходимость гармонизации прав и обязанностей личности, закрепленных в универсальных международных актах, и формулируются основные направления такого процесса.

Ключевые слова: гармонизация права; права человека; обязанности человека; международная правовая система.

This article discusses the essence of globalization, affecting different directions and trends of legal systems.

Keywords: legal harmonization; human rights; human responsibilities; international legal system.

А. С. Климова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: a.klimova@uniyar.ac.ru

Соотношение прав и обязанностей личности в международном публичном праве: проблемы и пути их решения

Научная статья

A. S. Klimova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Balance of Human Rights and Responsibilities in International Public Law: Problems and Ways of their Resolution

Scientific article

В настоящее время в основе как универсальных международных документов, так и национального законодательства многих стран лежит идея признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Устав Организации Объединенных Наций, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. содержат широкий перечень прав личности, который в дальнейшем находит свое закрепление в конституционных актах отдельных государств.

К сожалению, такая тенденция поспособствовала открытию обязанностей человека от прав, хотя их единство и неразрывная связь в юридической литературе не подлежат сомнению. На практике зачастую все знают, говорят и пишут лишь о правах, обязанности же такой популярностью не пользуются. А если взглянуть, например,

на европейский кризис, связанный с наплывом беженцев из стран Ближнего Востока, становятся очевидными негативные последствия выдвигания на первый план прав человека по сравнению с его обязанностями и несомненной является необходимость изменения существующих международных стандартов.

Именно в «дословном копировании» международных актов, последующей «фетишизации прав человека», слабом отражении в законодательстве обязанностей личности видит причины «вседозволенности, анархии, беспредела» и практической невозможности осуществления закрепленных в Конституции РФ прав проф. Н. И. Матузов [1, с. 17]. Сложно с этим не согласиться.

«Там, где существует большее знание права или ему уделяется более интенсивное внимание, чем совпадающим и соразмерным обязанностям, происходит беда... Истинное условие права – это обязанность... Обязанности увеличиваются

со свободой человека», – писал американский политолог Френсис Либер [2, с. 1723]. И если во времена принятия упомянутых выше документов первоначальной задачей международного права в урегулировании отношений между государством и личностью было наделение человека определенными правами и защита каждого от произвола властей, то на современном этапе перед международным публичным правом стоит другая задача – нахождение баланса между свободой и ответственностью каждой отдельной личности.

Выход из сложившейся кризисной ситуации видится в первую очередь в гармонизации прав и обязанностей человека в системе международного права.

В настоящий момент можно видеть лишь отдельные попытки закрепления обязанностей личности в универсальных международных актах, что явно не соответствует объему предоставляемых ими прав. Так, в статье 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. сказано: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности». В преамбуле Международного Пакта о гражданских и политических правах указывается на то, что «каждый отдельный человек, имея обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит, должен добиваться поощрения и соблюдения прав, признаваемых в настоящем Пакте». И, наконец, в ч. 1 ст. 18 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные принципы права и основные свободы 1998 г. дополняется положение акта 1948 г.: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом и в обществе, в котором только и возможно свободное и полное его развитие». Таким образом, в указанных актах обязанности человека упоминаются лишь в контексте определения пределов осуществления своих прав и гарантированности прав других людей.

Существующая тенденция превалирования прав над обязанностями видится в том, что даже постановка вопроса о последних «многим представляется нонсенсом, зачастую объявляется неуместной, поскольку якобы не имеет под собой ни теоретических (в доктрине естественного права), ни практически-юридических (в кон-

ституциях и законодательных актах прошлого) оснований» [3, с. 25]. Однако данная позиция является ошибочной, поскольку в трудах видных представителей естественного права можно увидеть размышления не только о свободах личности, но и о ее обязанностях. Например, С. Пуфендорф писал, что истинное знание человека о себе заключается в понимании того, что «он не от себя самого есть, но от высочайшего начала бытие свое имеет: и явно большими дарованиями обогащен, нежели иные бессловесные скоты, которых около себя видит: и явно он не только един, но явно часть рода человеческого, что он власти Божией подчинен, и по силе даров себе данных Богу и содружеству человеческому обязан» [4, с. 79].

Также стоит отметить, что еще в 1789 г., помимо Декларации прав человека и гражданина, на заседании Учредительного Собрания Франции предлагалось принять «Декларацию обязанностей», которая тогда была отклонена. Лишь 22 августа 1795 г. Конвент, обсуждавший Конституцию III года, ее принял. При этом в статье 2 Декларации сказано: все обязанности человека и гражданина развиваются из следующих двух основных положений, *запечатленных природой во всех сердцах*. Таким образом, наряду с правами, наличие юридических обязанностей личности не только не противоречит теории естественного права, а, наоборот, вытекает из человеческой природы и является неотъемлемым условием нормального функционирования общественных отношений.

В статье 1 Декларации 1789 г. сказано: «Дабы общество могло существовать, необходимо, чтобы члены общества знали также и выполняли свои обязанности». Данное положение ничуть не потеряло своей актуальности и в наши дни, когда существует огромное количество уклонений, злоупотреблений и неисполнений обязанностей, «налагаемых естественными неизменными началами нравственности и законами человеческими в силу факта принадлежности человека и гражданина к обществу и государству» [5, с. 7].

Поэтому требуется разработка и принятие документа, устанавливающего баланс между правами и обязанностями личности. Необходимость издания акта именно международным органом (в первую очередь Организацией

Объединенных Наций) видится в том, что в настоящее время практически все государства вовлечены в процессы глобализации и гармонизации законодательства в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, которые являются основой конституционных актов большинства стран. Следовательно, международные организации обязаны разработать соответствующие стандарты и привести к балансу права, обязанности и ответственность личности. В основе данного документа, по аналогии с Декларацией 1948 г., должны лежать естественные обязанности, присутствующие у человека в силу его принадлежности к обществу и государству, о которых говорили и представители школы естественного права, и создатели упомянутой выше французской Декларации. Естественно, что закреплять необходимо наиболее важные социальные обязанности человека, которые подпадают под предмет правового регулирования.

При разработке указанного акта следует избегать увязки обязанностей с политическими целями, поскольку в этом случае, как верно замечает Б. С. Эбзеев, «происходит не формирование правового государства, во взаимоотношениях с которым личность выступает в качестве равноправного партнера, а всевластие бюрократии, над которой утрачивается всякий общественный контроль» [3, с. 298].

Думается, принятие этого документа поможет осознать каждому человеку, обладающему широким набором прав, свое положение в обществе и коллективе, где он имеет соответствующие обязанности и несет ответственность за их неисполнение; позволит уяснить, что предоставленные ему права далеко не абсолютны и их осуществление возможно лишь в случае исполнения другими членами общества возложенных на них обязанностей.

Следует также отметить, что в истории существовали попытки принятия такого документа. Так, в декабре 1998 г. была разработана по инициативе ЮНЕСКО Декларация обязанностей и ответственности человека, в преамбуле которой говорится, что «человеческие стремления к прогрессу могут быть реализованы лишь на основе согласованных ценностей и стандартов, применимых ко всем людям и учреждениям во все времена... Данный акт стремится

сбалансировать свободу и ответственность и способствует переходу от свободы безразличия к свободе участия» [6]. Этот проект обсуждался в ООН, но был отклонён, однако, думается, что Организации еще следует вернуться к данному вопросу.

В любом случае содержание принимаемого документа должно отражать упомянутый еще во французской Декларации обязанностей принцип: не причиняйте другому того, чего вы не желали бы сами претерпеть от других; творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получать.

В заключение хотелось бы отразить те положения, которые, думается, должны быть закреплены, например, в Декларации обязанностей и ответственности человека: а) каждый человек обязан уважать права, свободы, честь и достоинство других людей; б) каждый обязан добросовестно соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права и основанные на них законы государства; в) каждый обязан уважать жизнь другого лица; г) запрещается калечить, пытаться, убивать другого человека; д) каждый обязан заботиться об окружающей среде; е) все люди несут ответственность за охрану воздуха, воды и почвы ради нынешних жителей и будущих поколений; ж) при разрешении споров между государствами, коллективами и отдельными лицами каждый человек и государственный служащий обязаны действовать в мирной, ненасильственной форме; з) каждый, кому доверены государственные компетенции, должен рассматривать политическую власть как инструмент достижения экономической справедливости и социального порядка; и) запрещается использование властных полномочий в качестве инструмента господства отдельных лиц или групп по отношению к другим; к) каждый обязан осуществлять свой общественный вклад в соответствии со своими возможностями; л) все обязаны участвовать в государственных расходах в соответствии со своей налоговой платежеспособностью; м) все мужчины и женщины обязаны проявлять уважение друг к другу; н) никто не должен подвергаться сексуальной эксплуатации и зависимости; о) отношения между родителями и детьми должны отражать взаимную любовь, уважение, признательность и заботу; п) запрещается любое

жестокое обращение с детьми; р) всякое физическое принуждение в отношении лиц, подвергнувшихся тем или иным ограничениям прав и свобод, подлежит наказанию.

Ссылки

1. Матузов Н. И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Право и политика. 2016. № 1 (193). С. 15–27.

2. William N. Eskridge Jr. The relationship between obligations and rights of citizens // Yale Law

School Legal Scholarship Repository. 2001. N 1. P. 1721–1751.

3. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синергетического исследования. М, 2015. 336 с.

4. Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2. С. 70–88.

5. Шантавуан А. Принципы 1789 г. СПб., 1907. 91 с.

6. Проект Декларации обязанностей человека. URL: <http://www.interactioncouncil.org/it/node/103> (дата обращения: 11.11.2016).

УДК 343.2/.7

В статье анализируется норма УК РФ о рецидиве преступлений, дается характеристика признакам и видам рецидива, раскрывается его уголовно-правовое значение в сфере квалификации преступлений и назначения наказания. По мнению автора, требуется дальнейшее развитие уголовной политики в части конструирования составов преступлений со специальным рецидивом в Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: рецидив преступлений; УК РФ; умысел; судимость; квалифицирующий признак; отягчающее обстоятельство; простой, опасный и особо опасный рецидив; общий и специальный рецидив; рецидивист.

In the article the author analyzes the innovation of the Criminal code of the Russian Federation 1996 concerning recidivism of crime, describes its characteristics and types, reveals juridical meaning of recidivism for qualification of crimes and imposition of a penalty. According to the author, further development of policy regulating crimes construction with special recidivism reflected in the Special Part of the Criminal Code of Russian Federation is required.

К е у о r d s : recidivism; Criminal Code of the Russian Federation; intent; criminal record; qualifying feature; aggravating circumstance; simple, dangerous and especially dangerous recidivism; general and special relapse; recidivist.

М. В. Кукушкина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: marina_kukushkina_92@mail.ru

Уголовно-правовая характеристика и значение рецидива преступлений

Научная статья

M. V. Kukushkina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Characteristic in Criminal-Legal Terms and Meaning of Recidivism

Scientific article

Актуальность вопросов исследования и реформирования института рецидива преступлений объясняется в первую очередь его распространенностью на практике. По данным официальной статистики за январь-сентябрь 2016 г. из 791,8 тыс. лиц, совершивших преступления, удельный вес ранее судимых лиц составил 27,0 % (т. е. более ¼). В процентном соотношении это меньше, чем за тот же период прошлого года (28,7 %), однако следует учитывать, что и количество лиц, совершивших преступления за соответствующий период уменьшилось на 10,7 тыс. лиц. За 2015 г. из 1 063 030 лиц, совершивших преступления, ранее судимы 28,2 % (299 850 чел.) [1]. Таким образом в настоящее время, как и в прежние годы, уровень рецидивной преступности продолжает оставаться высоким.

Согласно ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. На основе данного законодательного определения представляется возможным выделить следующие признаки рецидива преступлений.

1. Лицо должно совершить два или более умышленных преступления. Исключения составляют случаи, указанные в ч. 4 ст. 18 УК РФ.

Указание законодателя именно на умышленную форму вины в данном случае свидетельствует о повышенной общественной опасности рецидива по сравнению с таким видом множественности преступлений, как совокупность. Для последней такое условие не является обязательным: преступления могут быть как умышленными, так

и неосторожными. В п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения наказания» подчеркивается: при решении вопроса о наличии рецидива преступлений судам следует иметь в виду, что основанием для признания рецидива преступлений является судимость только за умышленное преступление.

В литературе высказана точка зрения, что понятие рецидива должно быть шире и включать в себя сочетание не только умышленных, но и неосторожных преступлений [2, с. 45–55; 3, с. 28–30]. По мнению Ю. В. Голика и И. Я. Мирончика, эти случаи имеют самостоятельное правовое значение, а повторение неосторожных преступлений должно именоваться неосторожным рецидивом. Авторы отмечают: неосторожный рецидив свидетельствует, что лицо, его совершившее, склонно легко относиться к правонарушениям, у него имеется стойкое отрицательное отношение к соблюдению общественных правил [4, с. 60–65].

На наш взгляд, отсутствует необходимость введения законодательного понятия «неосторожный рецидив». Данное понятие не согласуется с пониманием самого явления. Его введение внесет лишь путаницу в практику судов. В то же время считаем, что возможно разграничение понятий законного и реального (фактического) рецидива. Последний как раз и должен включать подобные случаи.

В то же время законодатель в Особенной част УК пошел по другому пути, введя в УК РФ ст. 264.1, в которой фактически идет речь о неосторожном рецидиве преступлений: предусмотрена уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, в том числе имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ. С одной стороны, указанная ситуация не является рецидивом в смысле ст. 18 УК РФ, с другой – сам законодатель призывает учитывать судимость за ранее совершенное по неосторожности преступление, что диссонирует с п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ.

В итоге непродуманность данной нормы приводит к судебным ошибкам. Возникают случаи, когда суды, помимо квалификации деяния по ст. 264.1 УК РФ, в описательно-мотивировочной части приговора указывают на наличие отягчающего обстоятельства – рецидива преступ-

лений. Так, постановлением Центрального районного суда г. Твери от 21.03.2016 изменен приговор мирового судьи, которым Р. С. С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. В противоречие нормам Общей части УК РФ в приговоре было указано на наличие в действиях осужденного рецидива преступлений, поскольку ранее он был судим по ч. 4 ст. 264 УК РФ. Суд апелляционной инстанции отметил: поскольку Р. С. С. ранее был осужден за преступление, совершенное по неосторожности, в его действиях отсутствует рецидив преступлений и указание на наличие данного отягчающего наказания обстоятельства подлежит исключению из приговора [5].

На наш взгляд, справедливее учитывать совершение ранее неосторожного преступления в качестве характеристики личности виновного.

2. За одно или более из совершенных преступлений лицо должно быть осуждено и иметь неснятую и непогашенную судимость, которая, согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ, возникает со дня вступления в силу обвинительного приговора суда. Согласно ч. 6 ст. 86 УК РФ погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, связанные с судимостью. Речь идет в том числе и о рецидиве преступлений.

Пленум Верховного суда РФ в указанном выше постановлении, а именно в абз. 4 п. 44 еще раз отметил значимость данного признака: снятая, в том числе в порядке, установленном ч. 1 ст. 74 УК РФ, или погашенная до совершения нового преступления судимость не образует рецидива преступлений.

Однако наличие судимости (за исключением судимостей, перечисленных в ч. 4 ст. 18 УК РФ), снятой или погашенной после совершения нового преступления в порядке, установленном ст. 86 УК РФ, образует рецидив преступлений, наличие которого устанавливается на момент совершения преступления.

Расположение нормы о рецидиве преступлений в главе «Понятие преступления и виды преступлений» после нормы о совокупности преступлений позволяет прийти к выводу о том, что законодатель рассматривает *рецидив как один из видов множественности преступлений*.

П. Н. Кобец отмечает: «Повторное совершение преступления лицом, ранее судимым за противо-

правное деяние, является особым криминологическим и социальным явлением. Выделяют его в первую очередь потому, что именно оно несет повышенную опасность для общества и государства и предопределяется устойчивым нежеланием лица жить по закону и соблюдать этические и другие нормы поведения. Одно это обстоятельство уже оправдывает выделение в уголовном законодательстве из всех видов повторности именно рецидив» [6, с. 22].

Некоторые ученые, по нашему мнению, не вполне обоснованно добавляют, что одним из признаков рецидива является отбытие лицом наказания или хотя бы его части [7, с. 75; 8, с. 18]. Однако практика складывается таким образом, что чаще всего исполнение приговора начинается не непосредственно после вступления его в законную силу, а позже. При этом в случае совершения лицом нового преступления в указанный промежуток времени наличие в его действиях рецидива отрицать нельзя.

Законодателем понятие рецидива используется и в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ *в качестве отягчающего обстоятельства*. Однако не все ученые согласны с данной характеристикой. Так, например, Е. В. Благов отмечает: «Указание на рецидив преступлений напрасно включено в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Влияние последнего на наказание полностью урегулировано в других местах уголовного законодательства» [9, с. 101]. В обоснование своей позиции автор приводит следующее утверждение: «Принятие во внимание рецидива преступлений явно нельзя относить к содержанию общих начал, в которых должны находиться, судя по наименованию, лишь типовые правила назначения наказания, рассчитанные на любую категорию дел. Рецидив же характеризует только одну из них – ту, которая обозначена в ст. 18» [10, с. 12].

На наш взгляд, в настоящее время сохранение данного отягчающего обстоятельства необходимо, поскольку конструкции иных норм УК РФ о рецидиве преступлений не позволяют учесть всех обстоятельств при назначении наказания, связанных с рецидивом преступлений, например таких, как вид рецидива: простой, опасный, особо опасный; общий, специальный.

Уголовно-правовая характеристика рецидива преступлений включает исследование вопроса о его видах.

В УК РФ предусмотрено три вида рецидива: простой (ч. 1 ст. 18 УК РФ), опасный (ч. 2 ст. 18 УК РФ) и особо опасный (ч. 3 ст. 18 УК РФ). Определения опасного и особо опасного рецидивов даются путем перечисления конкретных возможных вариантов таких рецидивов. При определении вида рецидива законодатель учитывает категории преступлений, их количество, а также реальное либо условное отбывание наказания в виде лишения свободы.

Значение данной классификации состоит в том, что вид рецидива отражается в приговоре суда и, следовательно, может влиять на назначаемое судом наказание. В п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения наказания» прямо указано: в описательно-мотивировочной части приговора необходимо указывать вид рецидива преступлений. Так, например, приговором Рыбинского городского суда от 23.09.2014 по делу № 1-512/2014 С. Р. С. признан виновным в совершении ряда преступлений. При назначении наказания суд учел следующее: в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание подсудимого С. Р. С., является рецидив преступлений. Кроме того, суд отметил, что в соответствии с п. «а» ч. 3 ст. 18 УК РФ в действиях С. Р. С. по всем эпизодам обвинения усматривается особо опасный рецидив преступлений, поскольку ранее он дважды был осужден за тяжкие преступления к реальному лишению свободы и вновь совершил тяжкие преступления [11].

Помимо классификации рецидива, предложенной законодателем, науке уголовного права известно также его деление на общий и специальный. «Общий рецидив имеет место в случаях совершения нескольких разнородных преступлений (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и кража). Специальный характеризуется совершением однородных или одноименных преступлений (кража и грабеж)» [12, с. 48].

Подобное деление, по мнению некоторых авторов, не имеет смысла, поскольку противоречит социальной сущности рецидива, для которого является важной степень устойчивости антисоциальной направленности сознания лица, а также степень готовности его к совершению новых преступлений. При этом не имеет значения тождественность, однородность или разнородность совершенных преступлений [13, с. 214].

Мы с данным утверждением не согласны. Повторное совершение лицом умышленного однородного либо тождественного преступления свидетельствует не только о его повышенной общественной опасности, но и о направленности лица на совершение преступлений именно в данной конкретной сфере общественных отношений, что может говорить даже о каких-либо его психических отклонениях. На наш взгляд, наличие в действиях лица специального рецидива свидетельствует о еще большей общественной опасности личности по сравнению с рецидивом общим, поскольку указывает не только на наличие у лица криминального опыта но и на его «профессиональную» специализацию.

Фактически данной точки зрения придерживается и законодатель, который с недавних пор в целях борьбы с преступлениями, посягающими на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних, для усиления ответственности ввел в качестве квалифицирующего обстоятельства специальный рецидив в ч. 5 ст. 131 УК РФ: изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Кроме того, специальный рецидив введен в ст. 132, 134, 135, ч. 2 ст. 291.2 УК РФ. В теории круг составов с признаками специального рецидива обоснованно предлагается расширить [14, с. 59–60].

Мы согласны с утверждением С. В. Кондратьева, что «чем более тяжким является преступление при рецидиве, тем меньшее влияние на назначаемое за него наказание оказывают правила ст. 68 УК» [15, с. 123], поэтому считаем верной уголовную политику, направленную на ужесточение законодательства путем введения специального рецидива в статьи Особенной части УК РФ, предусматривающие ответственность за наиболее тяжкие преступления. Однако считаем необходимым более глубокое исследование вопроса о конструировании специального рецидива в нормах Особенной части УК РФ в целях выработки единой концепции, критериев введения ответственности за специальный рецидив в те или иные составы преступления.

Кроме того, специальный рецидив известен уголовному праву еще с древних времен.

Ю. И. Бытко пишет: «Понятие рецидива преступлений было известно уже в римском праве. В русском законодательстве данное понятие впервые было закреплено в «Русской правде». В качестве повторных и рецидивных выделялись лишь тождественные преступления – воровство, под которым понималась не только кража, но и целая группа других имущественных преступлений» [16, с. 13]. Большое количество норм Особенной части УК РФ предусматривало специальный рецидив в качестве квалифицирующего обстоятельства до реформирования уголовного законодательства в 2003 г.

Следовательно, нельзя говорить об отсутствии практического значения деления рецидива на общий и специальный. Кроме того, в случаях, прямо не предусмотренных УК РФ, специальный рецидив может учитываться судом при назначении наказания.

Помимо изложенного, уголовно-правовое значение рецидива состоит в том, что он: а) *влияет на назначение судом наказания* (в ст. 68 УК РФ установлены специальные правила назначения наказания при рецидиве преступлений); б) *влияет на выбор вида исправительного учреждения* (в соответствии с ч. 1, 2 ст. 58 УК РФ в зависимости от вида рецидива преступлений суд может назначить отбывание наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении, исправительных поселениях общего, строгого или особого режимов либо в тюрьме); в) *препятствует условному осуждению* (согласно ч. 1 ст. 73 УК РФ условное осуждение не назначается в том числе при опасном или особо опасном рецидиве).

Таким образом, понятие рецидив преступлений включает два основных признака: 1) лицо должно совершить два и более умышленных преступления; 2) за одно или более из совершенных преступлений лицо должно быть осуждено и иметь неснятую и непогашенную судимость. По мнению законодателя, указанный институт следует рассматривать как один из видов множественности преступлений. Однако уголовно-правовое значение рецидива преступлений не ограничивается содержанием данной статьи. Он используется в качестве квалифицирующего признака в ряде статей Особенной части УК РФ, влияет на назначение судом наказания, на выбор исправительного учреждения, а также препятствует условному осуждению лица.

Ссылки

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2016 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7445977/> (дата обращения: 14.11.2016).
2. Агаев И. Б. Рецидив в системе множественности преступлений: монография. М.: Юристъ, 2002. 108 с.
3. Кафаров Т. М. Проблемы рецидива в советском уголовном праве. Баку: Элма, 1972. С. 347 с.
4. Голик Ю. В., Мирончик И. Я. Неосторожный рецидив: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1990. С. 60–65.
5. Апелляционное постановление Центрального районного суда г. Твери от 21.03.2016 по делу № 10-5/2016 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
6. Кобец П. Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения рецидива тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья. М.: МИП, 2009. 118 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 572 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Саратов: СВШ МВД РФ, 1997. 425 с.
9. Благоев Е. В. Назначение наказания: (теория и практика). Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2002. 176 с.
10. Благоев Е. В. О дифференциации наказания при рецидиве преступлений // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России: сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2005. С. 10–20.
11. Приговор Рыбинского городского суда Ярославской области по делу № 1-512/2014 // Архив Рыбинского городского суда Ярославской области за 2014 г.
12. Шнитенков А. В. Множественность преступлений в уголовном праве: учебное пособие. Оренбург: Университет, 2014. 49 с.
13. Козлов А. П., Севастьянов А. П. Единичные и множественные преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 915 с.
14. Иванчин А. В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 56–61.
15. Кондратьев С. В. Об усилении ответственности при специальном рецидиве преступлений // Экономика и право. 2012. № 4. С. 122–127.
16. Бытко Ю. И. Понятие рецидива преступлений: Исторический очерк / под ред. И. С. Ноя. Саратов: Саратов. ун-т, 1978. 76 с.

УДК 159.9

Представлены материалы, характеризующие современное состояние проблемы групповых решений в психологии и намечающие основные направления их решения. Сформулированы и развиты новые представления о закономерностях структурно-уровневой организации процессов принятия групповых решений. Охарактеризована дескриптивная структура критериев оптимальности групповых решений, дополняющая собой их традиционную – нормативную структуру. Подробно раскрыта и объяснена роль метакогнитивных процессов и механизмов в реализации процессов группового выбора. Определены конкретные пути концептуального синтеза двух фундаментальных психологических направлений – психологической теории принятия решения и современного метакогнитивизма.

Ключевые слова: принятие решения; групповые решения; структура процессов групповых решений; критерии решения; критерии оптимальности; метакогнитивные процессы; метакогнитивизм; метакогнитивные детерминанты выбора.

The author presents materials describing state of the art solutions in group psychology and those outlining main directions of their solutions. New ideas about the laws of structure-level organization of the pro-group decision processes have been formulated and developed. Descriptive structure of optimality criteria of group decisions, supplementing their traditional – and regulatory structure is characterized. The role of metacognitive processes and mechanisms for the implementation of the processes of social choice is disclosed and explained in detail. Specific ways of conceptual synthesis of two fundamental psychological trends – psychological theory of decision-making and modern metacognitivism are identified.

Keywords: decision making; group decision-making; structure of group processes; decision criteria; optimality criteria; metacognitive processes; metacognitivism; metacognitive choice determinants.

А. В. Карпов

E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru

А. А. Карпов

E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru

Е. В. Маркова

E-mail: mark_ev@mail.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Проблемы и перспективы разработки теории групповых решений*

Научная статья

А. В. Карпов

А. А. Карпов

Е. В. Маркова

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Problems and Prospects for Development of the Theory of Group Decisions

Scientific article

I

Одной из важнейших теоретических задач развития психологического знания является в на-

стоящее время разработка обобщающей психологической концепции принятия решения. Такая концепция должна включать те данные, которые характеризуют один из важнейших классов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; № 16-06-00210.

© Карпов А. В., 2017
© Карпов А. А., 2017
© Маркова Е. В., 2017

процессов принятия решения (ПР) – процессы групповых решений. Теоретическая значимость данного положения становится еще более очевидной при учете следующих обстоятельств. Во-первых, современные тенденции эволюции форм организации профессиональной деятельности обуславливают все большую роль совместной деятельности и аналогичных, то есть также групповых процессов выработки решений. Во-вторых, процессы групповых решений часто задают контекст для развертывания индивидуальных решений и, следовательно, должны быть учтены в плане объяснения последних. В-третьих, атрибутивной характеристикой групповых решений являются коммуникативные обмены между индивидами, межличностные взаимодействия между ними, что, в свою очередь, предполагает реализацию активных рефлексивных процессов. Исследование групповых решений выступает своеобразным «ключом» для раскрытия рефлексивных и – шире – метакогнитивных закономерностей организаций процессов ПР.

Безусловно, процессы принятия групповых решений (ПГР) являются очень сложными, многомерными образованиями и выступают в силу этого комплексным предметом исследования. Разработка представлений о них также предполагает развертывание исследований по целому ряду направлений. Вместе с тем среди них достаточно отчетливо дифференцируются такие аспекты, гносеологические планы исследования, которые являются *критически значимыми*, поскольку именно они играют *определяющую* роль в их структуре, содержании и функциональной организации. К их числу необходимо отнести, прежде всего, следующие направления:

1. Раскрытие закономерностей организации процессов ПГР в объективно главном, основном их аспекте, которым, как известно, является *структурный* аспект их организации. Его ведущая и определяющая роль обусловлена тем, что именно он позволяет ответить на *базовый* и в чем-то даже «архитипический» вопрос: «из чего состоит» и как организован предмет познания (в данном случае процессы ПГР)?;

2. Исследование содержания и специфики ведущего структурного компонента процессов ПГР, являющегося его *системообразующим*

фактором. Согласно теории решений, в качестве такого рода фактора в процессах выбора (и индивидуального, и группового) выступают *критерии*;

3. Раскрытие закономерностей ключевых *операционных средств* процессов ПГР, в качестве которых выступает вся совокупность базовых *психических процессов*. Причем в сферу исследования должны быть вовлечены не только традиционно дифференцируемые классы процессов, но и *все* реально существующие их классы, в том числе, разумеется, и «вторичные» психические процессы, к которым относятся и одни из наиболее сложных среди них – метакогнитивные процессы [1].

В силу этого, основная цель данной статьи состоит в рассмотрении проблемы ПГР именно в указанных выше гносеологических планах.

II

Действительно, одной из основных проблем психологии принятия групповых решений является проблема структурной организации этих процессов. С методологической точки зрения данная проблема рассматривается как объективно *главная*, определяющая, поскольку все иные также важнейшие аспекты изучения (например, функциональный, генетический) являются вторичными и производными от результатов структурного исследования.

Решение данной проблемы, разработка структурного аспекта изучения процессов ПГР в целом, к сожалению, значительно затруднена рядом принципиальных обстоятельств. И главное среди них – это, безусловно, чрезвычайное многообразие и высочайший полиморфизм процессов ПГР, а также их вариативность и ситуативность («нестабильность»). Эти особенности «усугубляются» огромным разнообразием самих групп «носителей» и реализаторов процессов ПГР. Следует помнить и о другом факторе, вносящем дополнительную «степень разнообразия» в предмет исследования – огромном диапазоне вариативности условий, в которых реализуются процессы ПГР. Все указанные причины, действуя совместно, создают ситуацию, при которой, кажется, крайне затруднительным найти и раскрыть какую-либо определенную организацию, упорядоченную структуру

процессов ПГР. Неудивительно поэтому, что до настоящего времени подобная структурная организация не была описана.

При исследовании данной проблемы нами была сформулирована общетеоретическая гипотеза, согласно которой такая организация, во-первых, существует и, во-вторых, базируется на принципе, который по степени своей обобщенности является «однопорядковым» огромному диапазону полиморфизма, вариативности и сложности процессов ПГР. Как известно, наиболее общим принципом организации сложных систем (в нашем случае – системы процессов ПГР) является *структурно-уровневый принцип*; он поэтому весьма вероятен в качестве основы для макроструктурной организации всех эмпирически известных видов, типов, форм и классов процессов ПГР.

Сформулированная гипотеза, равно как и задача определения макроструктурной организации процессов ПГР, в целом получили свое раскрытие в разработанной нами специальной концепции [2, 3, 4]. В ней экспериментально обосновано положение, согласно которому процессы ПГР, действительно, организованы на основе структурно-уровневого принципа и образуют целостную иерархию, включающую *пять главных макроуровней*. Они обозначены понятиями квазигрупповых, агрегативно-групповых, локально-групповых, интегративно-групповых и метагрупповых решений.

Сущность первого из этих уровней – *квазигруппового* – состоит в том, что он является закономерной и, более того, необходимой формой группового функционирования во всех случаях, когда группа оказывается либо *не в состоянии* прийти к общему решению (явление «группового несогласия»), либо большинство ее членов считают это *нецелесообразным*. На фоне сохранения *формального* членства в группе (а нередко даже и на фоне принятия «общего», но формального и ни к чему не обязывающего решения) *реальная* индивидуальная активность по выходу из создавшейся ситуации *автономизируется*. Группа перестает функционировать как целое, утрачивает статус коллективного субъекта выбора. При систематическом повторении таких решений возникает явление (и механизм) *редукции референтности*. Главной особенностью квазигрупповых решений является

то, что в них субъектный базис представлен, по существу, в деструктурированном, диффузном виде. Группа, в силу «невозможности прийти к согласию», принимает своеобразное «решение о невозможности (или нецелесообразности) общего решения» (отрицательное решение). Тем самым она утрачивает статус единого – целостного субъекта решения. Поведение членов группы при этом автономизируется; они начинают строить его так, чтобы самостоятельно – «без» и «помимо» группы – найти способ (то есть фактически принять индивидуальное решение) о выходе из ситуации.

Квазигрупповые решения характеризуются, однако, не только деструкцией целостности группового субъекта, но и вытекающими отсюда последствиями. Главное среди них – феномен *редукции референтности*. Типичным для них является ситуативная (временная) или даже – в крайних случаях – полная утрата членами группы отношений референтности с группой. Редукция референтности означает, что индивиды в значительной мере перестают быть *реальными* носителями общегрупповых детерминант (норм, ценностей, правил, установок, конвенций и пр.), а сохраняют лишь *формальную* включенность в нее.

Следующий основной уровень, *агрегативно-групповой*, напротив, уже характеризуется наличием именно коллективного (группового) субъекта выбора, хотя и представленного в простейшем из возможных виде – «аддитивном», агрегативном. Суть данного уровня лучше всего может быть раскрыта при уяснении одной из его главных особенностей: он объединяет все (весьма многочисленные) разновидности и формы реализации *мажоритарной* стратегии («стратегии простого большинства»). Группа функционирует здесь как целое; она стремится к выработке общего для нее решения, к сохранению своей самоидентичности. Иными словами, группа выступает именно как субъект решения. Однако сама суть данной стратегии означает, что структура группового субъекта выработки решения является здесь относительно простейшей. Эта структура представлена в качестве *агрегативной* (аддитивной) суперпозиции голосов «за» и «против». *Количественное* соотношение тех и других, то есть их *аддитивная суперпозиция*, определяет принятие того или иного варианта и даже

является *механизмом* этого. Кроме того, и феномен «большинства – меньшинства», и механизм мажоритарности максимально соответствуют самому *принципу паритетности*. Они в наибольшей мере отвечают «духу» именно групповых, то есть «распределенных» – межличностных, *интериндивидуальных* решений. Они, несмотря на свои очевидные несовершенства, максимально «демократичны», базируются на равенстве участия и учета мнений членов группы в выборе.

Главной отличительной особенностью следующего – локальногруппового – уровня организации процессов ПГР является то, что на нем закономерным и достаточно существенным трансформациям подвергается сам принцип структурирования группы (т. е. коллективного субъекта) в процессах решения, а следовательно, – и сама эта структура. Агрегативный (суммативный, а потому относительно простейший) принцип структурирования меняется на *интегативный*: решения принимаются здесь не на основе соотношения числа «голосов за и против», а на базе иных более совершенных механизмов и процедур. Феноменологически данный уровень лучше всего может быть описан через четыре его основные черты. Первая – локальность: в выработке решения обычно участвует не вся группа, а ее определенная часть (подгруппа). Вторая – специализация: в этих решениях очень выражен механизм ролевой дифференциации участников решений, принятие и реализация ими тех или иных ролей в ходе решенческой дискуссии («эрудит», «критик», «генератор», «цензор» и др.). Третья – селективность: «подгруппа решения» дифференцируется в общем составе группы под воздействием, в основном, собственно «решенческих» (то есть инструментальных, а не экспрессивных) детерминант. Четвертая – свободный, нерегламентированный (процедурно и априорно) характер подготовки и принятия решения. В результате всех этих черт окончательное решение принимается на основе, главным образом, интеграции содержательных аргументов и детерминант. Сама же «подгруппа решения» представляет собой достаточно хорошо организованную подструктуру – дифференцированную, благодаря ролевой специализации; интегрированную, благодаря ведущему характеру содержательных, инструментальных детерминант.

Четвертый уровень – *интегативно-групповой* – характеризуется тем, что на нем субъектный базис решений вновь претерпевает существенные трансформации. В этих решениях активно участвует уже не какая-либо локальная подструктура группы, а *вся* она в целом. Тем самым объем субъектного базиса достигает максимума: он совпадает с объемом группы. Такое совпадение имеет место и в агрегативно-групповых решениях; в них, однако, решения принимаются на основе механизма аддитивной суперпозиции «голосов». Наоборот, в интегативно-групповых решениях выбор осуществляется на базе синтезирования – обсуждения, «взвешивания», рассмотрения и пр. вариантов. Феноменологически, по своим эксплицированным формам, данный уровень реализуется, в основном, в виде широко известного явления *консенсуса*, в виде «семейства» так называемых «консенсусных стратегий». На данном уровне имеет место и своего рода синтез двух предыдущих уровней. Действительно, и в содержательном плане, и в плане структурированности группового субъекта выбора данный уровень сходен с локально-групповым уровнем. Однако по формальным процедурам окончательное решение на интегативно-коллегиальном уровне может приниматься очень разными путями, в том числе и по типу мажоритарной стратегии. В последнем случае сам этот уровень будет сближаться с агрегативно-групповым. Данный уровень принципиально гетерогенен, поскольку включает в себя, как минимум, четыре качественно различных типа консенсуса: парциальный консенсус, «деструктивный» консенсус, консенсус-компромисс и интегральный (синергетический) консенсус [2, 5, 6].

Наконец, пятый из макроуровней – *метагрупповой* – также характеризуется глубокими качественными отличиями от всех иных уровней, обладает ярко выраженной специфичностью. Феноменологически суть данного уровня достаточно проста. Он имеет место в тех случаях, когда сложность объективной ситуации группового выбора *превышает* возможности группы по его реализации. Иначе говоря, группе, так же как и индивиду, присущ определенный «предел рациональности», как и предел всех иных возможностей по снятию неопределенности, по принятию решений. В этих случаях группа, равно как и индивид, не прекращает, однако, действий

по осуществлению выбора. Она просто меняет его стратегию, хотя и достаточно кардинальным образом. Естественной в этих случаях «реакцией» является «обращение за помощью» вовне – к другим группам и (или) лицам. Это – своего рода перенос решения в экстрагрупповую плоскость. Он к тому же сопровождается и дальнейшими закономерными трансформациями структуры и содержания субъектного базиса решений: группа либо сознательно и преднамеренно идет на своеобразный «выход» за пределы своей исходной субъектности, либо вообще самотрансформируется из субъекта выбора в его объект, если она делегирует это право другой группе (или лицу).

Таким образом, предложенное нами решение проблемы структурной организации процессов ПГР и, соответственно, их дифференциации на основные уровни базируется на четком и совершенно определенном (но одновременно и достаточно общем) *критерии*. Им выступают *качественные различия* в структуре и объеме «субъектного базиса» решений, то есть в характеристиках *группового субъекта* решений.

III

Другим важнейшим направлением и, соответственно, фундаментальной проблемой теории групповых решений является, как известно, вопрос об их *критериях*. Он имеет два основных аспекта. Первый связан непосредственно с изучением их содержания и специфики, выявлением видов и типов критериев процессов ПГР, с исследованием закономерностей их функциональной роли в реализации процессов группового выбора и пр., то есть с их исследованием в качестве собственного *структурного компонента* этих процессов [7]. Второй, существенно более глубокий, но одновременно и более важный аспект их изучения состоит в следующем. Как известно, процессы ПР в целом, а также, разумеется, и процессы групповых решений в частности являются яркими представителями *системно-организованных* образований. Причем по отношению к ним сама системность выступает не только как главная *форма* их организации, но даже и как базовый и атрибутивно основной *механизм*, лежащий в их основе. Следовательно, аналогичную, то есть также критически значимую роль

в них выполняет, равно как и во всех иных образованиях системного типа, их *системообразующий фактор*. Согласно существующим теоретическим представлениям в качестве такого по отношению к процессам выбора как раз и следует рассматривать критерии их реализации. Критерии выступают в процессах выбора формой и операционной экспликацией общего системообразующего фактора всей деятельности и поведенческой активности – их цели. Данное заключение не только полностью согласуется с одним из наиболее общих и «аксиоматичных» положений системной методологии, согласно которому именно цель и является системообразующим фактором, но и дает ему необходимую спецификацию и операционализацию по отношению к процессам выбора (и индивидуального, и группового).

Наконец, следует учитывать и еще одно положение теоретического плана, сформулированное в теории групповых решений. Оно конкретизирует общее понятие критериев по отношению к их ярко выраженной специфике. Как известно, данное общее понятие при их исследовании обычно подвергается конкретизации и операционализуется до понятия *критериев оптимальности*. При этом, как правило, дифференцируются два главных типа критериев оптимальности – оптимальность по *Парето* и по *Нэшу* [8, 9]. Несколько схематизируя, можно сказать, что первый исходит из постулата максимизации общегрупповой «полезности», а второй – из максимизации индивидуальной «полезности». При этом процедура совместных решений, их сложность и противоречивость обусловлены антагонистичностью указанных критериев. На эмпирическом уровне она предстает как противоречие между общегрупповыми и индивидуальными интересами и соответственно возможными вариантами его преодоления.

В наших исследованиях было показано, что процессы выбора, реализуемые в форме *мажоритарных стратегий*, разворачиваются в основном с использованием критерия Нэш-оптимальности. Процессы решения, протекающие в принципиально иной форме – форме дискуссии, обсуждения, скорее реализуются на базе критерия Парето-оптимальности. В этих решениях определяющую роль обычно играет не группа в целом, а какая-либо ее *локальная* подструктура

(«подгруппа решения»), в силу чего они образуют, согласно нашей концепции, *локально-групповой уровень* организации процессов ПГР. На другом – *квазигрупповом уровне* каждый член группы переходит в режим «автономного функционирования» в силу невозможности (или нецелесообразности) выработки совместного и согласованного, то есть действительно *общегруппового* решения. Иными словами, сам переход к этому уровню является непосредственным следствием невозможности реализации даже относительно наиболее несложного критерия группового выбора – критерия Нэш-оптимальности. Наконец, переход к *метагрупповому уровню* также выступает непосредственным следствием невозможности реализации группой еще одного критерия – критерия Парето-оптимальности.

Таким образом, суть решения проблемы критериев в том и состоит, что каждому уровню соответствует свой критерий оптимальности, а их общая совокупность образует *реально-психологическую*, то есть *дескриптивную* (а не *нормативную*) *структуру критериев оптимальности* процессов ПГР. Более того, выбор группой того или иного критерия равнозначен выбору той или иной стратегии выработки решения, тождествен переводу функционирования группы на тот или иной конкретный уровень реализации ПГР. Поэтому и выбор группой критерия есть не что иное, как *операция уровневой дифференциации* – выбора конкретного уровня решения.

Сложность этих процессов, их «замаскированность» состоит, однако, в том, что в реальной деятельности задача определения критерия агрегации, разумеется, практически никогда не осознается членами группы именно как задача. Она репрезентируется и разрешается иначе. Каждый член группы естественным образом стремится к максимально полному удовлетворению своих интересов. Они, однако, в общем случае не совпадают с интересами других членов группы и, что еще важнее, с общегрупповыми целями. В силу этого для удовлетворения хотя бы части индивидуальных интересов каждый член группы вынужден идти на уступки. Только в этом случае решение вообще может быть принято и, следовательно, через него удовлетворены индивидуальные интересы. Вместе с тем столь же естественным образом каждый индивид стремится к тому, чтобы минимизировать личные уступки и максимизиро-

вать субъективную полезность. Исходя из этого, каждый индивид будет предпочитать такую стратегию решения, которая позволяла бы ему достичь максимизированной индивидуальной полезности, а все иные стратегии агрегации не будут поддерживаться и в результате окажутся отвергнутыми. Следовательно, задача выбора критерия решается в экологических условиях через *выбор стратегии*, максимизирующей индивидуальную полезность.

Показательно и то, что некоторые важные закономерности критериев выбора различны для групп паритетного и иерархического типа. Иначе говоря, и по отношению к этому аспекту организации решений обнаруживается уже описанное явление: основные функциональные закономерности процессов ПГР являются не только уровнево-относительными, но и зависят от *типа* организации группы [4].

Так, при изучении иерархических групп (управленческих решений в них) было показано, что они (в общем случае) разворачиваются как компромисс между индивидуальными интересами членов группы, с одной стороны, и как компромисс между их интересами в целом и позицией руководителя – с другой. Причем такого рода компромиссный характер решения чаще всего рассматривается руководителем (и группой) как то состояние, к которому целесообразно стремиться, то есть как своеобразный «стержень» процедуры выработки. Фактически он выступает как главный регулятор процедур решения, именно как их критерий.

При этом опять-таки «сталкиваются» два основных критерия оптимальности. У рядовых членов группы обычно доминирует критерий Нэш-оптимальности, а у руководителя – критерий Парето-оптимальности. Это «столкновение» осуществляется, как правило, на фоне «баланса властей», в связи с чем ни один из них не может получить *полный* приоритет, а реализуется лишь частично. Тем самым порождается новый – синтетический критерий оптимальности, который можно обозначить как критерий *парциальной (частичной) оптимальности*.

IV

Еще одним – третьим по своей значимости – аспектом исследования процессов ПГР является выявление и объяснение системы тех опера-

ционных средств, которые лежат в основе их реализации и составляют их подлинную онтологию. Безусловно, что спектр такого рода средств чрезвычайно широк и многопланов, включая в себя многочисленные, причем весьма гетерогенные структуры и образования. Вместе с тем в нем объективно дифференцируется такой их класс, который играет ведущую роль в реализации групповых решений (впрочем, и индивидуальных тоже). В качестве такового выступает вся система *психических процессов* как базовых операционных средств функционирования психики в целом, в том числе и ее функционирования в ситуациях выбора. Это определяющее и не вызывающее никаких возражений положение именно по отношению к групповым решениям (в отличие от индивидуальных) должно быть, на наш взгляд, подвергнуто существенной конкретизации и спецификации, причем сама эта спецификация должна быть двуединой по своей сути.

Действительно, с одной стороны, необходимо обязательно учитывать тот факт, что в основе процессов выбора в целом и группового выбора в особенности лежат психические процессы не только традиционно дифференцируемых классов (когнитивные, эмоциональные, мотивационные, волевые), но и процессы *иных* классов и уровней их организации. Речь при этом идет уже не только о «первичных» психических процессах, но и о более сложных и комплексных, синтетических и интегративных по содержанию и строению – о «вторичных» психических процессах. Наиболее репрезентативным их классом, в свою очередь, являются, как известно, *метакогнитивные* процессы. Следовательно, они с необходимостью должны быть включены в сферу исследований, проводимых в психологической теории выбора, как индивидуального, так и особенно группового.

С другой стороны, процессуально-психологическое обеспечение групповых решений подвергается спецификации под влиянием еще одной категории детерминант. Суть этой спецификации состоит в следующем. Обычно принято считать, что специфика группового выбора по отношению к индивидуальному определяется тем, что в состав и содержание, в структуру и функциональную организацию первого включается новая категория факторов и детерминант, которая в принципе

отсутствует в индивидуальном выборе; это, естественно, детерминанты собственно группового, то есть *межличностного, социально-психологического* плана. Именно они и «окрашивают» групповой выбор в специфические для него тона, очерчивают «демаркационную линию» между ними и процессами индивидуального выбора. Фактически, вся психологическая теория группового выбора – это конкретизация данного утверждения, поскольку все ее основные положения как раз и связаны с экспликацией и интерпретацией того, каким образом межличностные, социально-психологические детерминанты и факторы специфицируют процессы выбора. Вместе с тем специфика группового выбора не исчерпывается этим положением, а имеет еще и более глубокий «пласт» ее детерминации, заключающейся в следующем.

Кардинальной трансформации подвергается то, на что направлен групповой выбор, то есть его *предмет*. При этом следует учитывать, что именно предмет, равно как и производное от него свойство *предметности*, является, согласно психологической теории деятельности, ее главными и определяющими *атрибутивными* чертами. В силу этого трансформации *объективно главного* компонента деятельности (и поведенческой в целом) активности не могут не приводить к столь же радикальным трансформациям и всей ее структурно-функциональной организации. В качестве предмета выбора в процессах ПР выступает уже не «неодушевленный *объект*», не какая-либо объективная ситуация, а субъект (или субъекты – «другие люди», «социальные объекты») (термин Дж. Брунера [10]). При этом подчеркнем, что здесь, конечно, не место вдаваться во все нюансы дифференциации понятий субъекта и объекта, с одной стороны, и аналогичной дифференциации человека как деятеля (и, соответственно, субъективного начала деятельности) и предмета его деятельности (как объективного начала в ней) – с другой. В данном контексте эта дифференциация означает тот исходный факт, согласно которому под субъектом понимается сам деятель как носитель системы собственно *психических* характеристик и свойств, а под объектом – все объективно представленное, «материальное», то есть *не-психическое* содержание деятельности. Кроме того, при такой дифференциации необходимо помнить и об извест-

ной ошибке «онтологизации понятий субъекта и объекта», о которой в свое время предостерегал С. Л. Рубинштейн [11], и, в силу этого, отдавать отчет в ее относительности и условности.

В результате столь радикальной трансформации предмета выбора качественно изменяется и система его детерминант, и его структурно-функциональная организация в целом [6, 7]. В наиболее общем плане происходящие при этом сложнейшие трансформационные процессы могут быть зафиксированы посредством обращения к очень общей и аналогичной по значимости дихотомии. Она является общепринятой в психологии и предполагает дифференциацию «субъект-объектных» и «субъект-субъектных» взаимодействий. Данная дихотомия, в силу своего предельно общего характера, должна быть распространена и на психологию выбора.

Характерно и показательно в этом плане то, что прототип такого рода дифференциации был представлен уже на относительно наиболее ранних этапах развития теории принятия решения. Это – дифференциация всех ситуаций выбора, осуществленная Дж. Фон Нейманом и О. Моргенштерном, на так называемые «*игры с природой*» и «*рефлексивные игры*» [12]. Первые соотносятся с ситуациями субъект-объектного, а вторые – с ситуациями субъект-субъектного взаимодействия. Важно то, что уже в этом исследовании были эксплицированы глубокие и множественные, то есть именно *качественные* различия содержания и организации процессов выбора в этих двух типах ситуаций.

Вместе с тем по отношению к процессам групповых решений само понятие «рефлексивной игры», на наш взгляд, имеет еще один более глубинный, а одновременно и определяющий аспект своего содержания; поясним сказанное. Эффективность любого субъект-субъектного взаимодействия (в том числе и деятельностного, и поведенческого, и направленного на реализацию выбора, и мн. др.) в решающей степени зависит от того, насколько полно и адекватно субъектом будут учтены главные содержательные характеристики субъекта взаимодействия. Безусловно, спектр этих характеристик очень широк и гетерогенен: это и личностные качества субъекта (субъектов), и сложившийся в отношении контактов с ними опыт прошлых взаимодействий, и представления об их цен-

ностных ориентациях, направленности, поведенческих стереотипах и мн. др. Наряду с этим, нельзя не видеть и того вполне очевидного, но обычно не учитывающегося должным образом обстоятельства, что в этот спектр входит и еще одна категория характеристик субъекта. Речь идет о том, что в ситуациях интериндивидуального выбора субъектом обязательно эксплицируется и интерпретируется то, как и почему другие включенные в него субъекты организуют свое поведение в нем. При этом, по-видимому, главную роль в такой экспликации и, соответственно, в интерпретации поведения «других» играют те представления, которые складываются относительно главных операционных средств, лежащих в основе организации поведения (психических процессов, в особенности *когнитивных*). В групповых решениях, равно как и в ситуациях субъект-субъектного взаимодействия в целом, поведение включенных в них лиц может быть эффективным лишь в том случае, если в достаточной адекватной мере ими будут учитываться особенности не только *своей* когнитивной сферы, но и когнитивной сферы *других*. «Рефлексивные игры» являются таковыми, то есть именно рефлексивными, не только по *организации* и процедуре реализации (иными словами, по их *феноменологии*), но и по базовым *механизмам* реализации выбора в них (иными словами, по их *сущности*).

Следовательно, наиболее принципиальным является и то, что именно в процессах групповых решений на первый план объективно выходят детерминанты и факторы не только когнитивного, но и *метакогнитивного* плана, поскольку эти процессы атрибутивно сопряжены с рефлексивными механизмами и закономерностями и, более того, базируются на них. Осуществление процессов групповых решений, в отличие от реализации индивидуальных решений, объективно невозможно вне и помимо опоры на факторы и процессы именно метакогнитивного плана. При этом и само понятие «метакогниции» существенно расширяется и обогащается, поскольку в него включаются не только представления субъекта о своих когнитивных процессах и особенностях (что свойственно традиционному метакогнитивизму), но и представления о метакогнициях *других* людей. Особо следует подчеркнуть, что такого рода *интериндивидуальные*

метакогниции с необходимостью включают в свой состав и более широкие представления о когнитивной сфере «других» – о всей совокупности их «*знаниевых* характеристик». Действительно, принимая решения в условиях межличностного взаимодействия, личность как субъект выбора ориентируется на то, какими знаниями, в каком аспекте, с какой полнотой и достоверностью и пр. обладает тот субъект, в отношении которого (или же вместе с которым) осуществляется сам выбор. При этом необходимо учитывать, что само понятие метакогниции имеет в качестве синонима понятие *метапознания*, в котором как раз и фиксируется тот факт, согласно которому в общий состав метакогнитивной сферы входят не только *процессуальные* образования, но и итоговые результативные эффекты их функционирования, то есть сами *знания*, а также структуры, их обеспечивающие. За счет учета всего вышеизложенного и происходит *концептуальное расширение* теоретических представлений о самом предмете метакогнитивизма.

В связи с этим по-новому эксплицируется целый ряд очень острых для общей и социальной психологии проблем и вопросов. В частности, это известная «проблема фильтрации» информации, на основе которой руководитель принимает решения. Она состоит в необходимости селекции той ее части, которая является достоверной, и той, которая намеренно сфальсифицирована подчиненными. Она, в свою очередь, вплотную подводит к еще более общей проблеме *доверия*, которая в последнее время становится предметом пристального внимания исследователей. Кроме того, следует учитывать, что детерминантами фальсификации информации со стороны лиц, участвующих в процессах выработки управленческих решений, могут быть самые различные факторы, в том числе и те, которые связаны с феноменами состязательности и соревновательности [13], конкуренции и зависти. Последний феномен получил в последнее время комплексное, многоплановое раскрытие в работе [14].

Отсюда вытекают два достаточно значимых следствия: одно – преимущественно онтологического плана, а второе – преимущественно гносеологической ориентации. Так, в свете сказанного становится очевидным, что групповые решения вообще могут существовать как некая реальность, как «фрагмент онтологии» группового функцио-

нирования лишь в том случае, если они включают в свое содержание факторы и процессы метакогнитивного плана (точнее, уровня организации). Более того, именно эти факторы локализируются на высшем, то есть ведущем и определяющем уровне такого функционирования, поскольку они носят атрибутивно присущий всем метакогнитивным процессам осознаваемый характер. Они тем самым обеспечивают осознаваемый, произвольно контролируемый и именно потому высший и ведущий уровень организации межличностного взаимодействия. В связи с этим лишь небольшое преувеличение требуется для заключения, согласно которому групповые решения вообще возможны лишь благодаря тому, что в них включены метакогнитивные факторы и детерминанты, процессы и механизмы.

Наряду с этим, можно зафиксировать и следствие гносеологического плана, состоящее в следующем. Общеизвестно, что в настоящее время в структуре психологического знания представлены два очень важных и крупных направления – психологическая *теория решений* и *метакогнитивизм*. В каждом из них к настоящему времени накоплен значительный объем данных. Они разрабатываются достаточно интенсивно, практически никак не контактируя, однако, при этом друг с другом. Несмотря на очевидность общности целого ряда разрабатываемых в них проблем, они очень слабо взаимодействуют друг с другом и уже тем более ни о каком «концептуальном синтезе» между ними не может идти речи. Такая ситуация крайне негативно сказывается на развитии этих направлений, и она должна быть, разумеется, преодолена. В свете вышеизложенного для этого открываются реальные и вполне конкретные средства. Действительно, можно видеть, что психологическая теория групповых решений может обрести достаточную концептуальную полноту лишь в том случае, если она включит в свой состав закономерности метакогнитивного типа, а в более общем плане – если она будет синтезирована с данными современного метакогнитивизма в целом. Однако и сам он также не может претендовать на завершенность своих концептуальных построений без включения в них такого определяющего и критически важного, *решающего* (причем не только в семантическом, но даже в этимологическом смысле) компонента деятельности и поведения, как принятие *решений*.

В силу этого следует заключить, что именно проблема групповых решений может и должна выступить *концептуальным мостом* между двумя фундаментальными областями современного психологического знания – теорией принятия решения и метакогнитивизмом.

Ссылки

1. Карпов А. В. Психология сознания. М.: РАО, 2011. 1080 с.
2. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. М.: РАО, 2016. 599 с.
3. Карпов А. В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 2007. 582 с.
4. Карпов А. В. Психология групповых решений. М.: Институт психологии РАН, 2000. 522 с.
5. Conflict and Consensus/ A general Theory of Collective Decision / Td. by S. Moscovici, W. Doise. N.Y., 1996. 224 p.
6. Lewin K. Group decision and social psychology. N.Y., 1947. 250 p.
7. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
8. Гермейер Ю. Б. Игры с противоположными интересами. М.: Наука, 1976. 244 с.
9. Group Decision-Making / Ed. H. Brand. L.: Acad. Press, 1982. 210 p.
10. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1978. 420 с.
11. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 428 с.
12. Нейман Дж. Фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 601 с.
13. Левченко В. В., Карпов А. В. Психология состязательности. Метасистемный подход. Пермь: ПГУ, 2016. 400 с.
14. Донцов А. И. Феномен зависти. М.: Эксмо, 2104. 512 с.

УДК 316.64

В статье рассматривается состояние фрустрации в решении инсайтных задач. Для исследования этого вопроса проведен эксперимент, в котором были использованы опросные методики (для определения исходного эмоционального состояния), психофизиологические методы (измерение кожно-гальванической реакции и фотоплетизмограмма), выбор эмоциональных предпочтений (эмоциональные лица, KDEF) и метод решения задач. По результатам исследования выявлено, что в решении инсайтных задач выражено состояние фрустрации, однако сила выраженности состояния фрустрации и эмоции инсайта не взаимосвязаны.

Ключевые слова: инсайт; эмоции; решение задач; инсайтная задача; фрустрация; состояние тупика.

The article examines frustration in insight problem solving. In the experiment we have used questionnaires (to identify initial emotional state), psychophysiological methods (to measure galvanic-skin response and for photoplethysmogramme), selection of emotional preferences (emotional faces, KDEF) and methods for problem solving. A state of frustration in solving insight problem was found, but the degree of frustration and insight feelings are not interrelated.

Keywords: insight; emotion; problem solving; insight problems; frustration; impasse.

С. С. Емельянова

E-mail: emelyanova_sv93@mail.ru

С. Ю. Коровкин

E-mail: korovkin_su@list.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Эмоциональное состояние фрустрации в решении инсайтных задач*

Научная статья

S. S. Emelyanova

S. Y. Korovkin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Emotional Frustration During Impasse in Insight Problem Solving

Scientific article

Мыслительная деятельность человека всегда привлекала внимание как объект исследования. Благодаря мышлению мы можем создавать новое, изменяя окружающую среду под свои нужды. Такая специфика нашего мышления во многом связана с его творческим аспектом. Результаты экспериментов помогают нам ответить на следующие вопросы: что есть творческое мышление, в чем его специфика? как происходит процесс творческого мышления?

Основным этапом в творческом мышлении является инсайт – вспышка озарения, внезапного осознания решения. Доподлинно неизвестно

на данный момент, есть ли процесс неосознанного решения задачи, и если есть, то каковы его механизмы. Есть много гипотез о специфических механизмах, лежащих в основе этого процесса: это и теория переструктурирования [1], теория ослабления ограничений и расщепления чанков [2], неосознанная переработка информации на более онтогенетически древних структурах [3] и т. д.

Поскольку творческое мышление – это неизолированный процесс, то инсайт также исследуют во взаимосвязи с другими психическими процессами: метакогнитивной активацией [4], фасили-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-06-00954, а также гранта РФФИ № 15-06-07899.

© Емельянова С. С., 2017

© Коровкин С. Ю., 2017

тирующим влиянием аффективных процессов, таких как юмор [5], рабочая память [6]. В исследованиях Э. Айзен и коллег [7] было показано, что при индуцировании положительного настроения успешнее решаются инсайтные задачи. Также выявлено, что положительные эмоции часто являются спутниками верных действий по ходу решения задачи. В то же время есть данные о фасилитирующем влиянии негативных эмоций на творческое решение [8]. Возможно, негативные эмоции могут играть важную роль в процессе инсайтного решения, сопровождая этап тупика. Но какую именно функцию могут выполнять здесь негативные эмоции? Для ответа на этот вопрос можно обратиться к исследованию состояния фрустрации в решении задач Т. В. Дембо [9]. Испытуемым предлагались задачи, изначально не имеющие решения, что не сообщалось испытуемым. По итогам экспериментального исследования было получено, что отрицательные эмоции помогают в решении задач «стереть» структуру заранее заданного неверного решения, что возможно могло бы положительно повлиять на решение разрешимых творческих задач. Таким образом, можно увидеть, что, несмотря на противоречивые мнения о характере влияния эмоций на инсайт, они играют важную роль в инсайтном решении. Так, например, в работах В. М. Аллахвердова и коллег [10] эмоциям отводится главная роль в неосознанном решении: они участвуют в неосознаваемой переработке информации и сообщают о нахождении верного решения.

Основываясь на схожих идеях, Е. В. Валуева и Д. В. Ушаков [11] предлагают сигнальную модель инсайта. Суть модели заключается в том, что в инсайтном решении, как правило, есть автоматические процессы переработки информации. Продуктом, который получается в результате работы этих процессов, является сам инсайт, который здесь выступает как эмоциональная реакция на нахождение правильного решения. Ввиду того что во многих работах об инсайтном решении главным моментом считается переход информации с неосознаваемого на осознаваемый уровень, Е. А. Валуева и Д. В. Ушаков предложили следующие возможные механизмы такого процесса – активацию информации в долговременной памяти и чувство инсайта как показатель верного функционального решения. Авторами была проведена серия экспериментов, показыва-

ющих фасилитирующее влияние «ага-подсказки». Таким образом, эмоция инсайта, являясь индикатором верного решения, служит далее отправной точкой для начала сознательного процесса решения.

Если рассмотреть схему инсайтного решения, то она, по нашему мнению, может быть представлена следующим образом: 1) ознакомление с условиями задачи; 2) первые ориентировочные попытки решения; 3) состояние тупика; 4) инкубация; 5) инсайт; 6) реализация найденного функционального решения. Основными моментами решения являются третий, четвертый и пятый этапы. На третьем этапе, в состоянии тупика, решатель понимает, что ранее выдвинутые гипотезы решения задачи не верны, однако при этом нового, верного, решения еще не сгенерировано, после чего начинается этап инкубации – генерация инсайтного решения. Вследствие этого решатель может быть фрустрирован: у него есть желание решить задачу, при этом на данный момент нет возможности реализовать это желание. Учитывая функции положительных эмоций в мыслительной деятельности (регулирующую, сигнальную и т. д.), можно предположить, что и негативные аффективные состояния могут выполнять сходные функции в инсайтном решении. Таким образом, негативные аффективные состояния, например состояние фрустрации, могут быть одним из этапов инсайтного решения и выполнять регулируемую и сигнальную функции.

Эксперимент

Гипотеза исследования № 1: в инсайтных задачах в момент тупика присутствует состояние фрустрации.

Гипотеза исследования № 2: чем ярче выражено состояние фрустрации, тем ярче будет выражена эмоция инсайта после нахождения верного решения задачи.

Перед началом прохождения эксперимента испытуемому предлагалось оценить свое исходное эмоциональное состояние с помощью опросника ЭМОС-18 Люсина, Синкевич [12]. После заполнения опросника ЭМОС-18 испытуемому надевались датчики кожно-гальванической реакции по методу Ферье (с пропусканием тока силой менее 0.1 мА) для измерения электрокожного сопротивления и датчики фотоплетизмограммы

для измерения объемного пульса (в его показатели входят данные о частоте сердечных сокращений и количестве крови в кубических миллилитрах). Это позволит нам увидеть объективную картину решения, всю динамику эмоционального фона на протяжении процесса решения инсайтных задач. Вследствие этого испытуемым запрещалось двигать руками на протяжении всего эксперимента, кроме момента нажатия клавиш (что отмечалось на записи психофизиологических датчиков экспериментатором). Испытуемому предъявляются на протяжении всего эксперимента 6 инсайтных задач, перемешанных в случайном порядке с помощью программы PsychoPy 1.81.02. Стоит добавить, что мы решили в этом эксперименте не использовать алгоритмизированные задачи (т. к. в предыдущей работе не было выявлено значимых различий по необходимым нам пунктам [13]). Далее процедура проведения эксперимента будет описана на примере одной задачи. Каждая задача разбивалась на 5 этапов (см. рис. 1).

1. а) Предъявление текста задачи на мониторе; б) первое предъявление фотографий лиц (до начала решения задачи; сразу же после прочтения) для выбора фотографии, выражающей эмоциональное состояние испытуемого (на мониторе).

2. Повторное предъявление текста задачи на мониторе;

3. а) Предъявление подсказки к задаче (устно); б) второе предъявление фотографий лиц для выбора фотографии, выражающей эмоциональное состояние испытуемого (на мониторе; второе предъявление фотографий соответствует состоянию тупика в случае согласия на взятие подсказки (но озвучивалась подсказка после выбора фотографии));

4. Повторное предъявление текста задачи на мониторе;

5. Третье предъявление фотографий лиц для выбора фотографии, выражающей эмоциональное состояние испытуемого (после решения задачи).

На протяжении эксперимента три раза испытуемому предлагалось оценить свое эмоциональное состояние выбором одной из 6 фотографий (база Karolinska Directed Emotional Faces – KDEF [14]). Каждая фотография отображает разную эмоцию (радость, грусть, злость, нейтральное лицо, удивление, страх; всего 6 женских и 6 мужских фотографий; по 1-й женской и мужской фотографии на каждую эмоцию). Фотографии предъявлялись в 3 этапа: 1) перед решением (после прочтения задачи); 2) в момент тупика (до взятия подсказки); 3) после решения задачи. Использование фотографий лиц необходимо для понимания того, какую именно эмоцию испытывает решатель в данный момент времени (так как аппаратные методы покажут нам только силу выраженности эмоционального фона). Использование же именно фотографий лиц, а не просто каких-либо других эмоционально окрашенных изображений основано на том предположении, что эмоциональная лицевая экспрессия обрабатывается нашим мозгом довольно быстро (благодаря модулю распознавания лиц). Вследствие этого использование фотографий лиц не будет являться дистрактором и «перегружать» процесс решения задач (что могло бы быть при использовании просто эмоциональных картинок и т. д.). Подсказка давалась устно и была заранее подобрана к каждой задаче. Каждая фотография предъявлялась сначала крупным планом; время предъявления – 3 секунды. После презентации всех фотографий предъявлялся коллаж всех показанных фотографий (каждая пронумерована); время предъявления коллажа 18 секунд (рис. 2). После испытуемый нажимал номер фотографии и клавишу «ввод», после чего снова возвращался текст задачи. Такая последовательность действий была для каждого предъявления фотографий, за исключением последнего (третьего) предъявления – после него был перерыв и текст следующей задачи.

Рис. 1 План эксперимента для одной задачи

Рис. 2. Экран оценивания своего эмоционального состояния

Таким образом, сопоставляя данные по психофизиологическим датчикам (КГР и ФПГ), а также по данным выбора фотографий, мы должны определить, какие эмоции испытывает решатель в момент решения задачи. Датчики КГР и ФПГ необходимы нам для наблюдения силы выраженности эмоциональных реакций, а фотографии лиц – для оценки валентности. Для того чтобы заключить, что испытуемый испытывает состояние фрустрации, нам необходимо следующее сочетание признаков: 1) падение кожно-гальванической реакции и повышение объемного пульса (ФПГ); 2) выбор фотографий лиц, выражающих негативный спектр эмоций (страх, злость, грусть). Для фиксирования выраженного положительного фона настроения (например, инсайта) нам необходимо: 1) падение кожно-гальванической реакции и повышение объемного пульса (ФПГ); 2) выбор фотографий лиц, выражающих позитивный спектр эмоций (радость, удивление). Для фиксирования отсутствия какой-либо эмоциональной реакции необходимо сочетание факторов: 1) повышение кожно-гальванической реакции и падение объемного пульса; 2) выбор фотографии с нейтральным выражением лица.

Выборка исследования составила 30 человек; однако для итогового анализа были использованы данные 17 человек (возраст 19–27 лет), которые брали подсказку.

Полученные результаты

По данным опросника на исходное эмоциональное состояние ЭМОС-18 испытуемые в боль-

шинстве попадают в группу положительного настроения с высокой активацией, вследствие чего мы не разбивали выборку на группы с различным исходным эмоциональным состоянием. Проанализировав данные по датчикам КГР, мы обнаружили, что наиболее низкие показатели кожно-гальванической реакции наблюдаются на втором этапе, т. е. при повторном предъявлении текста задачи (этап до взятия подсказки), что было выявлено при попарном сравнении этапов решения инсайтных задач по показателям КГР (1 и 2 этап $t(42) = 3.22$, $p = .002$, 2 и 3 этап $t(42) = 3.19$, $p = .003$ – рис. 3). Это показывает нам, что на втором этапе решения у испытуемых был высокий эмоциональный фон. Однако о валентности этого фона нет однозначных данных, поскольку на втором этапе не использовалась методика выбора эмоциональных предпочтений.

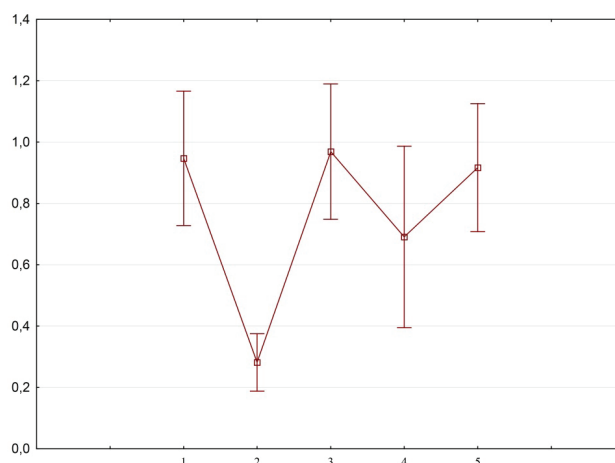

Рис. 3. Динамика показателей КГР (mA) в ходе решения инсайтных задач

По данным ФПГ практически все этапы решения обладают высоким уровнем значимости, что было обнаружено при попарном сравнении этапов решения инсайтных задач по показателям ФПГ (1 и 3 этап $t(44) = 2.67$, $p = .01$, 1 и 4 этап $t(44) = 2.46$, $p = .02$, 2 и 3 этап $t(44) = 2.07$, $p = .044$, 2 и 4 этап $t(44) = 2.06$, $p = .046$). Следует отметить высокую индивидуальную изменчивость динамики решения инсайтных задач (рис. 4).

При обработке выбора фотографий на этапах решения были получены такие результаты: 1) при первом предъявлении фотографий (1-й этап) испытуемые чаще выбирали лица с эмоцией страха (частота выбора – 11 (27,5 %))

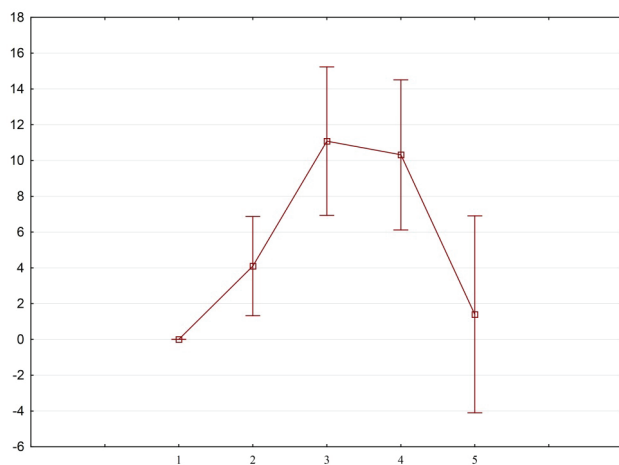

Рис. 4. Динамика относительных показателей ФПГ в ходе решения инсайтных задач
изменение показателей относительно первого этапа)

и нейтральное лицо (частота – 11 (27,5 %)); 2) при втором предъявлении фотографий (3-й этап) выбирались лица с эмоцией злости (частота – 7 (13,5 %)) и страха (частота – 13 (32,5 %)); 3) при третьем предъявлении фотографий (5-й этап) – с эмоцией радости (частота – 11 (27,5 %)) или удивления (частота – 11 (27, %)).

Обсуждение полученных результатов

Исходя из данных по кожно-гальванической реакции испытуемых в процессе решения можно заключить, что самым отличающимся является второй этап решения (этап после ознакомления с задачей и перед «тупиком» в решении). Данный факт может быть интерпретирован следующим образом: в этот момент происходит проверка «стандартных» вариантов решения, и так как они не помогают решению задачи, то вследствие этого может быть более высокий эмоциональный фон, возможно с преобладанием негативных эмоций. Также возможно усиление осознанного контроля для поиска ошибок в решении, что может повысить уровень общего возбуждения.

Анализируя данные фотоплетизмограммы можно сделать вывод, что наиболее отличными от всего решения этапами являются момент тупика в решении и последующая инкубация (третий и четвертый этапы). Сопоставляя с выбором фотографий испытуемых (второе предъявление), мы можем увидеть, что решатели испытывали чаще всего эмоцию страха. Так как это

эмоция негативная, то можно сделать вывод, что наша первая гипотеза подтвердилась – действительно, в момент тупика в решении инсайтных задач есть состояние фрустрации. Решатель имеет потребность решить задачу, однако в этот момент решения у него нет возможности найти функциональное решение. Состояние фрустрации может таким образом помогать осознать неверность предыдущих попыток решения. Дальнейшая интерпретация идет в двух направлениях: на основе 1) исследований Т. В. Дембо [9]; 2) исследований И. А. Васильева, В. Л. Поплужного и О. К. Тихомирова [15]. Если обратиться к работам Т. В. Дембо, то в ситуации фрустрации происходит конфликт внутренних барьеров (сложность задачи и умения испытуемого) и внешние (социальные отношения испытуемого и экспериментатора, которые складываются в ходе эксперимента; невозможность сразу же отказаться от задачи (экспериментатор просил сначала хотя бы попытаться решить)). Взаимодействие этих двух барьеров могло привести к тому, что старая схема попытки решения забывалась и открывался простор для поиска нового решения, возможен «выход за рамки» в решении инсайтной задачи. Если сослаться на И. А. Васильева и коллег, то состояние фрустрации в качестве эмоции неуспеха может выполнять регулирующую функцию в решении задач. В начале решения инсайтной задачи испытуемый пытается, как правило, действовать по какому-либо шаблону, и для этого ему необходимо постоянно осознано контролировать и отслеживать свои действия. Как только наступает состояние тупика, решатель испытывает состояние фрустрации, которое может указывать, что он решает неверным способом. Решатель уже не может осознано полностью отслеживать ход решения, как это возможно, например, в алгоритмизированных задачах, поскольку он испытывает сильные негативные эмоции. С этого момента, возможно, главенствующую роль в последующем решении задачи играет уже эмоциональный контроль, т. е. контроль, опирающийся на те эмоции, которые испытывает испытуемый при дальнейшем генерировании попыток в решении задачи. Эмоциональный контроль в таком случае направлен на то, чтобы решатель нашел верное направление в решении задачи, и уже на «интуитивном уровне» смог «не пройти мимо» верного функционального решения задачи.

Что же касается нашей второй гипотезы, то если проанализировать данные ФПГ и КГР на этапах тупика и инсайта (3 и 5-й этапы), то можно заключить, что здесь между этими этапами решения нет значимых различий, что говорит об опровержении гипотезы, то есть между состоянием фрустрации и ощущением инсайта нет взаимосвязи. Такие данные могут быть интерпретированы следующим образом: возможно, после нахождения функционального решения задача решается уже как неинсайтная, т. е. поэтапно.

Выводы

Исходя из экспериментальных данных можно сделать вывод, что негативные эмоции, соответствующие эмоциональному фону состояния фрустрации, присутствуют в решении инсайтных задач. Сила выраженности негативных эмоций в момент тупика и в момент инсайта не взаимосвязаны.

Ссылки

1. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
2. Knoblich G., Ohlsson S., Raney G. E. An eye movement study of insight problem solving // *Memory & Cognition*. 2001. Vol. 29, No 7. P. 1000–1009.
3. Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 305 с.
4. Меткалф Ж., Вибе Д. Предсказуем ли инсайт // Психология мышления» / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 400–405.
5. Коровкин С. Ю., Никифорова О. С. Когнитивные и аффективные механизмы юмористической фасилитации решения творческих задач // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 7. С. 37–51.
6. Коровкин С. Ю., Владимиров И. Ю., Савинова А. Д. Динамика загрузки рабочей памяти при решении инсайтных задач // Российский журнал когнитивной науки. 2014. Т. 1(4). С. 64–81.
7. Isen A. M., Daubman K. A., Nowicki G. P. Positive affect facilitates creative problem solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 52. P. 1122–1131.
8. Kaufmann G., Vosburg S. K. “Paradoxical” mood effects on creative problem-solving // *Cognition and Emotion*. 1997. Vol. 11. P. 151–170.
9. Нюттен Ж. Препятствие и фрустрация // *Общая психология: Тексты: в 3 т. М.: МГУ, 2004. Т. 2: Субъект деятельности. Кн. 1. С. 561–564.*
10. Аллахвердов В. М., Воскресенская Е. Ю., Науменко О. В. Сознание и когнитивное бессознательное // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2008. № 2. С. 10–19.
11. Валуева Е. А., Ушаков Д. В. Сигнальная модель инсайта: от исторических предпосылок к эмпирическим предсказаниям // *Современные исследования интеллекта и творчества / под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 15–47.*
12. Люсин Д. В., Синкевич А. Г. Структура самоописания эмоциональных состояний на русском языке // «Зона ближайшего развития» в теоретической и практической психологии: материалы XI Международных чтений памяти Л. С. Выготского, Москва, 15–18 ноября 2010 г. М.: РГГУ, 2010. С. 318–319.
13. Емельянова С. С., Коровкин С. Ю. Роль фрустрации в инсайтном решении // Седьмая международная конференция по когнитивной науке, 20–24 июня 2016 г. / отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: ИП РАН, 2016. С. 264–265.
14. Lundqvist D., Flykt A., Öhman A. The Karolinska Directed Emotional Faces – KDEF, CD ROM from Department of Clinical Neuroscience, Psychology section, Karolinska Institutet, 1998.
15. Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М.: МГУ, 1980. 192 с.

УДК 316.64

Цель данной статьи осветить дискуссию специфического и неспецифического подходов относительно уникальности такого феномена, как инсайт. В качестве экспериментального материала разработан особый класс визуальных задач на симметрию, позволяющий индуцировать инсайтное и неинсайтное решение. Таким образом, на едином гомогенном стимульном материале можно экспериментально исследовать различные мыслительные процессы: инсайтное неалгоритмизированное и алгоритмизированное последовательное решение задачи. В качестве фиксируемых показателей выступали «ага-реакции» при решении, субъективные оценки инсайтности процесса решения, а также количество глазодвигательных пребываний (Dwells) в различных областях задачи. Кроме того, фиксировался профиль латерализации ведущего глаза и руки. Установлены различные стратегии работы с полем задачи в зависимости от условий конгруэнтности – неконгруэнтности (совпадения (не совпадения) профиля латерализации ведущего глаза и руки и области расположения ответа задачи). В целом показана специфика протекания инсайтного решения задач относительно неинсайтного, алгоритмизированного. В качестве механизма специфического инсайтного решения рассматривается изменение репрезентации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : инсайт; реструктурирование; репрезентация; теория переработки информации; ай-трекинг; пребывания (dwells).

The purpose of this article is to contribute to the discussion on specific and non-specific approaches regarding the uniqueness of such a phenomenon as “insight”. A new class of visual symmetry problems was developed as an experimental material. It allows to induce both insight and non-insight problem solving processes. Thus, various thinking processes: insight and algorithmic problem solving can be experimentally explored with the help of a single homogenous stimulus material. The numbers of «aha-reaction» in the problem solving, subjective assessment insightfulness of problem solving, as well as the numbers of oculomotor moves (Dwells) in various areas of the problem were recorded as experimental indicators. Besides, the eyes and hands lead lateralization profile was marked. Various strategies dealing with the problem field are found, depending on the congruence – incongruence conditions (i. e. coincidence (not matching) eyes and hands lead lateralization profile and the area of problem response location). Overall, the insight problem solving specificity is proved. Representation changing is considered as a specific mechanism for insight problem solving.

K e y w o r d s : insight; restructuring; representation; information – processing theory; eye-tracking; dwells.

А. В. Чистопольская

E-mail: chistosasha@mail.ru

И. Ю. Владимиров

E-mail: Kein17@mail.ru

Ю. Г. Секурцева

E-mail: sekurceva.yuliya@mail.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Изменение репрезентации в процессе решения визуальных инсайтных задач*

Научная статья

A. A. V. Chistopolskaya

I. Yu. Vladimirov

J. G. Securtseva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Change of Representation in the Process of Visual Insight Problem-Solving

Scientific article

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00441а.

© Чистопольская А. В., 2017

© Владимиров И. Ю., 2017

© Секурцева Ю. Г., 2017

Постановка проблемы

В не утихающих до сих пор дискуссиях относительно специфики инсайтного решения центральным выступает вопрос относительно механизмов этой специфики. Сторонники неспецифического подхода полагают отсутствие таковых специфических механизмов, лежащих в основе уникального явления инсайт, да и само рассмотрение уникальности этого явления вызывает сомнения и отрицание [1, 2, 3]. Наиболее известной теорией, разработанной в данном направлении, выступает теория переработки информации (*information – processing theory*), предложенная Г. Саймоном и А. Ньюэллом [4]. Контекст описания процесса решения задач задается следующими тремя компонентами: система переработки информации (*information-processing system*), среда задачи (*task environment*) и задачное пространство (*problem space*). Система переработки информации относительно инвариативна и включает работу различных когнитивных процессов, преимущественно – память. Среда задачи определяется требованиями и характеристиками задачи и обуславливает построение задачного пространства. Задачное пространство определяет возможные стратегии, которые могут быть использованы человеком для решения задачи, поскольку оно: а) задает допустимые ходы; б) намечает цель и имплицитно закладывает траекторию движения «от» или «к» цели; и в) учитывает ограничения кратковременной памяти для выбора наиболее оптимального (короткого) хода.

Процесс решения задачи, согласно данной теории, представляет собой постепенное перемещение решателя по задачному пространству. Базовое задачное пространство представляет собой набор узлов, задаваемых всеми возможными перемещениями по этому пространству. Перемещение осуществляется от исходного состояния задачи, задаваемого условиями, к желаемому состоянию, т. е. искомой цели. Это постепенное перемещение возможно за счет применения операторов, т. е. таких когнитивных структур (знаний), которые связаны с определенными движениями. При этом в каждый момент времени существует несколько возможных операторов, однако только один из них может быть реализован [4, 5]. Таким образом, процесс решения задачи – это эвристический процесс принятия решения относительно того, какой оператор будет реализован в данный

конкретный момент. Центральным когнитивным процессом, лежащим в основе данного процесса принятия решения, как уже отмечалось выше, выступает память и процессы распространения активации различных структур знания (именно эти процессы распространения активации связывают различные узлы задачного пространства). Активация операторов может распространяться либо от наличной ситуации (исходить из условий задачи), либо от желаемой ситуации (исходить из цели задачи). Операторы, семантически не связанные с исходным или целевым состоянием, вероятнее всего не будут активированы и эксплицированы. Субъективная трудность задачи зависит от того, насколько полно решатель отразит ключевые свойства среды задачи в задачном пространстве [5].

Таким образом, теория обработки информации предлагает относительно универсальный способ описания процесса решения задач, который обеспечивается набором элементарных когнитивных процессов, организованных в стратегии и программы. Такой подход позволяет имитировать мыслительные процессы с помощью компьютерного моделирования [6, 7]. Центральным понятием данного языка описания выступает задачное пространство, что сопоставимо с понятием репрезентации у сторонников специфического подхода, постулирующих наличие уникальных процессов, лежащих в основе инсайтного решения. При этом в теории переработки информации понятие репрезентации хоть и встречается, однако ему не отводится значимой роли в механизмах решения задач.

Сторонники специфического подхода, начиная с работ К. Дункера, рассматривают инсайтное решение как неординарное относительно алгоритмических вычислительных процессов и предлагают в качестве механизма инсайтного решения переструктурирование задачи [8]. Однако если пионеры исследования инсайта в рамках гештальт – направления рассматривали его как внезапное усмотрение, целостное постижение проблемной ситуации, то более поздние исследователи несколько пересмотрели сущность данного феномена. В частности, С. Ольссон в статье 1992 г. «Объяснения феномена инсайта и связанных с ним феноменов с точки зрения теории переработки информации» пересматривает понятие инсайта. Так, он убедительно показы-

вает, что казавшиеся ранее существенными такие признаки инсайта, как внезапность, целостность и последующее нахождение верного решения задачи, не являются необходимыми и достаточными [9]. Автор предлагает пересмотреть (реконцептуализировать) понятие инсайта, определив его преимущественно как преодоление тупика (the breaking of the impasse). Согласно модели «последовательность: тупик – инсайт» (im-passe-insight sequence) С. Ольссона, инсайт происходит после того, как решатель сталкивается с тупиком, т. е. таким умственным состоянием, в котором процесс решения задачи «запнулся», решатель не видит каких-либо новых способов решения, а все прежние способы исчерпаны. Инсайт рассматривается как выход из такого тупика. Но возникает вопрос: почему же вообще данный тупик возникает? Ведь, как правило, все знания, необходимые для решения задачи у человека имеются, в противном случае говорить о процессе решения задачи не приходится. С. Ольссон дает ответ на этот вопрос, исходя из своей модели, в которой центральным понятием выступает понятие репрезентации. Согласно этой модели процесс восприятия есть процесс интерпретации, при этом большинство объектов имеют несколько интерпретаций. Определенная интерпретация создает определенную репрезентацию. Репрезентация же обуславливает распределение активации в памяти на соответствующие операторы (в терминах теории переработки информации). Если репрезентация неправильная, то активация может не дойти до тех операторов, которые являются ключевыми для решения задачи, вследствие чего решатель зайдет в тупик. Таким образом, инсайтные задачи – это такие задачи, в которых первичная репрезентация обуславливает низкую вероятность активации знаний, необходимых для решения этих задач. В качестве одного из примеров С. Ольссон приводит классическую инсайтную задачу Н. Майера с двумя веревками¹. Первичная репрезентация этой задачи направляет поиск решателя на решение

проблемы по преодолению расстояния между веревками (при этом активируется оператор удлинения веревки), поэтому распределение активации на такие операторы, как сделать маятник или раскачать веревку, очень маловероятно [9].

Помимо разрешения вопроса о возникновении тупика из-за активации нерелевантных решений оператора, модель С. Ольссона предлагает механизмы преодоления этого тупика. Для того чтобы преодолеть тупик, необходимо изменить паттерн распределения активации с нерелевантных операторов на операторы, релевантные решению. Изменить паттерн активации возможно, изменив источник данной активации, которым выступает репрезентация. Таким образом, изменение репрезентации или реструктурирование является центральным механизмом преодоления тупика, поскольку позволяет направить активацию на неактивные ранее, но необходимые для решения операторы. Предлагаются следующие механизмы реструктурирования: разработка (elaboration), перекодирование (re-encoding) и ослабление ограничений (constraint relaxation) [9]. Первый механизм – разработка – необходим, когда репрезентация неполна, т. е. в ней не представлены все ключевые свойства задачи. В таком случае дополнительная информация извлекается из долговременной памяти, а также с помощью более детального обследования проблемной ситуации и учета ранее неучтенных свойств задач. Механизм перекодирования необходим, когда первичная репрезентация ошибочна. В таких случаях решатель должен отказаться или отклонить некоторые компоненты текущей репрезентации. Последний механизм изменения репрезентации предполагает снятие имплицитных ограничений с целевого состояния решаемой задачи. Первые два механизма описывают изменение репрезентации самой проблемной ситуации (того, что дано), последний механизм описывает изменение репрезентации целевого состояния (того, что необходимо получить в итоге). В более поздних работах С. Ольссона был добавлен еще один механизм расщепления чанка (chunk decomposition), который содержательно может быть отнесен к механизму перекодирования [10, 11]. По всей видимости, вышеуказанные процессы происходят неосознанно и именно они отличают процесс решения инсайтных задач от неинсайтных и алгоритмизированных.

¹ Условие задачи следующее. Дана комната, в которой находятся следующие предметы: жердь, зажимы, плоскогубцы, шнуры, стол, стул. К потолку комнаты подвешены две веревки таким образом, что если взять в руки одну веревку, то достать другую будет невозможно. Нужно соединить вместе концы этих веревок, используя предметы, находящиеся в комнате.

Таким образом, модель С. Ольссона базируется на языке описания Саймона и Ньюэлла, однако предлагает механизмы специфичности инсайтного решения, основанные на изменении первичной репрезентации.

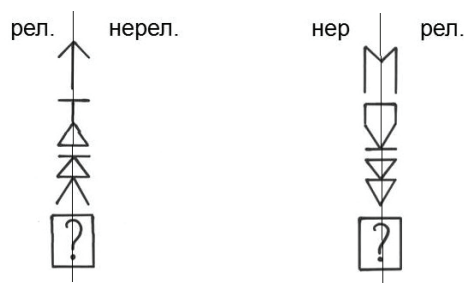
Однако, как можно было заметить, репрезентация задачи в данных моделях сводится к построению семантических сетей, узлами которых выступают операторы; при этом формат репрезентации не рассматривается. Ранее нами было показано, что при решении инсайтных задач преимущественно важным оказывается визуально-пространственный формат репрезентации, в то время как для решения алгоритмических, вычислительных задач необходимо участие модально-неспецифических процессов внимания и контроля [12, 13]. Исходя из этих данных, нам кажется необходимым исследование процессов инсайтного решения на материале именно визуальных задач, поскольку в сочетании с технологией регистрации движений глаз (айтрекинг) это позволит объективировать когнитивные процессы, лежащие в основе инсайтного решения. В качестве таких визуальных задач использовался класс задач на симметрию, основной принцип решения которых состоит в необходимости абстрагироваться от первично заданной репрезентации (в образном формате) и перейти к символьному формату оперирования элементами задачи, т. е. переструктурировать задачу. Ниже на рисунке представлен пример используемых в эксперименте задач. Область задачи, в которой располагается верно отраженная половина элемента, была названа релевантной областью; нерелевантной же называлась такая область задачи, в которой располагалась зеркально отраженная половина элемента. Кроме того, если релевантная область задачи располагалась слева, имела место левосторонняя симметрия, если же справа – правосторонняя.

Мы предполагали следующее:

1. Данный класс визуальных задач на симметрию индуцирует инсайтное и неинсайтное решение: впервые решаемая задача такого типа будет индуцировать инсайтное решение, последующие же – неинсайтное, алгоритмическое;

2. Процесс инсайтного решения задач на симметрию специфичен относительно неинсайтного процесса решения того же класса задач;

3. Существуют определенные стратегии работы с репрезентацией задачи при инсайтном решении.

Левосторонняя симметрия Правосторонняя симметрия

Рис. 1. Пример экспериментальных задач на симметрию

Для оценки инсайтности решения мы использовали пост-экспериментальный опросник Дж. Эллис [14], который позволяет оценить, насколько найдено решение было внезапным, спонтанным, неалгоритмизированным для решателя. Кроме того, фиксировалось количество вокализованных «ага-реакций» и общее время решения задач. Каждый испытуемый решал всего две задачи: на левостороннюю и правостороннюю симметрию.

Рассмотрим основные результаты.

Во-первых, задачи, которые предъявляли в эксперименте первыми, решались значительно дольше, нежели задачи, предъявляемые вторыми ($F=81,99$, $p<0,001$, $\eta^2=0,68$). Вероятно, это объясняется тем, что при решении первой задачи у решателя имеется неадекватная решению репрезентация задачи, внутри которой осуществляется ряд неудачных попыток решения. Для нахождения правильного решения испытуемому необходимо перейти на иной уровень оперирования элементами задачи. Это осуществляется путем переструктурирования поля задачи за счет смены формата репрезентации (переход из образного формата в символьный). При решении второй задачи испытуемый оперирует элементами задачи в одном формате репрезентации, адекватном решению, поскольку уже знаком с функциональным решением. Соответственно, попытки решить задачу в первично заданной неадекватной репрезентации, а также поиск репрезентации, адекватной решению, требует значительно большего временного ресурса при решении задачи на симметрию впервые.

Во-вторых, решение задач, которые предъявлялись первыми, оценивалось субъективно испытуемыми как более инсайтное ($F=128,66$, $p<0,001$, $\eta^2=0,77$), что согласуется с изложенными выше предположениями.

В-третьих, количество «ага-реакций» при решении задач на симметрию впервые также значимо больше ($\chi^2 = 22,56, p < 0,001$).

Таким образом, гипотеза 1 полностью подтвердилась. Действительно, впервые решаемая визуальная задача на симметрию решается инсайтно, последующие же неинсайтно.

Далее рассмотрим особенности инсайтного и неинсайтного решения задач.

Для анализа специфики инсайтного решения мы фиксировали показатели движения глаз с помощью методологии айтрекинга. В качестве основного показателя мы использовали количество пребываний (dwells) в релевантной и нерелевантной областях задачи. Пребывание определяется как две и более фиксации на одном объекте. В статье Х. Шеридана и Э. Рейнгольда об эффекте установки в шахматах пишется о том, что времени просмотра как единственного показателя для анализа недостаточно. Необходимо использовать анализ dwells. Анализ только лишь доли времени просмотра не может определить, были ли фиксации в целевой области из-за неспособности отвлечь внимание от установочного хода или из-за долгосрочной разработки стратегии относительно того, как оптимальный ход может повлиять на части целевой области [15].

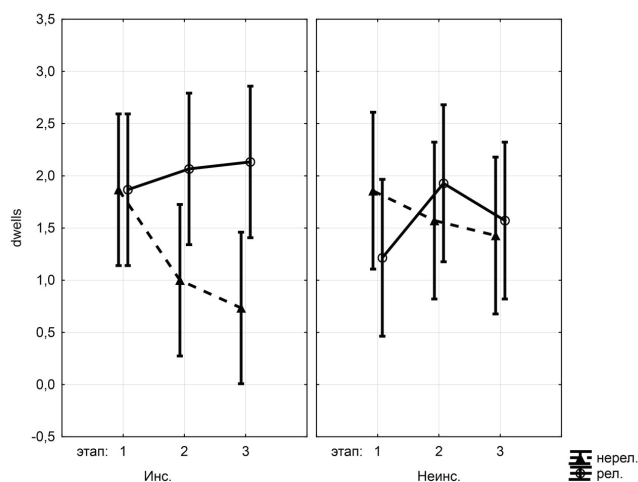

Рис. 2. Динамика количества пребываний (dwells) в релевантной и нерелевантной зонах интереса при инсайтном и неинсайтном решении

На рис. 2 показано, что при инсайтном решении наблюдается выраженная динамика смещения количества пребываний (dwells) в области задачи, релевантной нахождению решения

на третьем этапе решения. При решении второй – неинсайтной задачи такая динамика отсутствует на протяжении всего процесса решения. На первом этапе при инсайтном решении, так же как и при неинсайтном, отсутствуют значимые различия в количестве пребываний (dwells) по зонам интереса. Это вероятно объясняется тем, что на первом этапе решения происходит знакомство с условиями задачи, построение первичной репрезентации. На втором этапе при инсайтном решении намечается тенденция преобладания количества пребываний (dwells) в релевантной области решения. На третьем этапе наблюдаются значимые различия и преобладание количества пребываний (dwells) в релевантной области решения ($F=7,26, p=0,01, \eta^2=0,21$).

Эти результаты свидетельствуют, во-первых, о постепенном (кумулятивном) нахождении инсайтного решения и, во-вторых, об обнаружении инсайтного решения до его вербализации. В целом такая картина динамики движения глаз при инсайтном решении совпадает с результатами Дж. Эллис [14]. В его исследовании наблюдалось постепенное снижение времени просмотра дистракторной буквы при решении задач на составление анаграмм. Кроме того, в работе Г. Кноблиха и коллег [10] было показано возрастание доли времени просмотра элементов задачи, критичных для нахождения ответа при решении математических неравенств со спичками.

Таким образом, гипотеза 2 подтвердилась. Действительно, процесс инсайтного решения задач на симметрию протекает специфично относительно неинсайтного. Прежде всего эта специфика заключается в динамике глазодвигательных пребываний в соответствующих областях интереса задачи: в инсайтном типе задач наблюдается постепенное смещение пребываний из нерелевантной области задачи в релевантную. В неинсайтном типе задач динамика отсутствует вовсе.

И, наконец, рассмотрим стратегии работы с репрезентацией задачи при инсайтном решении. Поскольку динамика в неинсайтном решении, как было показано раньше, не наблюдается, дальнейшему анализу подверглись данные по инсайтному решению.

Для анализа стратегий работы с репрезентацией задачи мы фиксировали латерализацию

ведущего глаза и руки решателей (с помощью классических нейропсихологических проб), так как экспериментально провоцируется работа с визуально-пространственным типом информации. По результатам этих проб выборку составили 9 правшей и 6 левшей.

По результатам исследования не было установлено значимых различий в решении инсайтных задач в зависимости от латерализации ведущего глаза и руки. Однако наблюдаются различные стратегии при работе с репрезентацией задачи в зависимости от совпадения профиля латерализации ведущего глаза и руки и релевантной области задачи (область расположения правильно отраженных цифр). К примеру, для левши конгруэнтным условием будет расположение верно отраженных цифр в задаче слева, а неконгруэнтным условием – расположение верно отраженных цифр справа.

Ниже на графике представлена динамика пребывания в релевантной и нерелевантной зонах интереса в условиях конгруэнтности и неконгруэнтности при решении инсайтных задач.

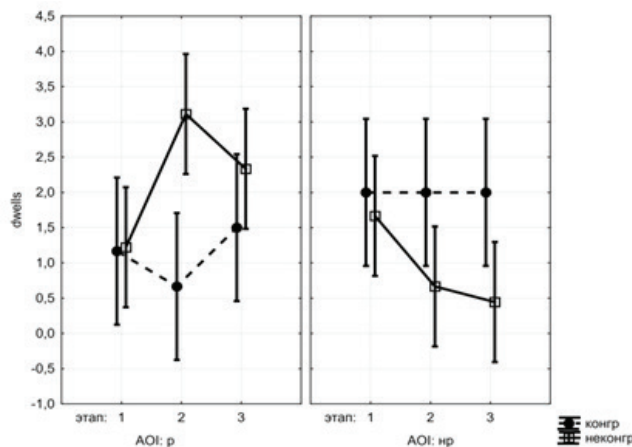

Рис. 3. Динамика распределения пребывания в релевантной и нерелевантной зонах интереса в условиях конгруэнтности и неконгруэнтности

Результаты, представленные на рис. 3, позволяют говорить о различных стратегиях работы с задачей в зависимости от расположения верно отраженных элементов задачи и профиля латерализации ведущего глаза и руки. В ситуации, когда релевантная область задачи конгруэнтна решателю (легкое условие), происходит снижение внимания к нерелевантной зоне; в ситуации, когда релевантная область задачи неконгруэнтна

решателю (трудное условие), происходит увеличение внимания к релевантной зоне. Для решения «трудной» задачи решателю необходимо ослабить фиксированность ведущего поля (уменьшить количество пребывания) и сконцентрироваться на релевантном решению зрительном полуполе, но не ведущем для испытуемого.

Наблюдается значимый совместный эффект ($F=3,18$, $p=0,05$, $\eta^2=0,08$). Динамика изменения количества пребывания в поле задачи наблюдается в основном при условии неконгруэнтности: для релевантной области задачи динамика возрастает. Это происходит в середине процесса решения задачи (до вербализации ответа). Для нерелевантной области задачи динамика пребывания постепенно снижается (что может свидетельствовать о постепенном освобождении от фиксированности на полуполе). Это также соотносимо с результатами экспериментов Дж. Эллис, в которых постепенно снижалась доля просмотра дистракторной буквы, нерелевантной решению, при составлении анаграмм [14]. Таким образом, наблюдается значимое опережение нахождения решения его экспликации (осознания и вербализации). В целом данные также согласуются с представлениями Я. А. Пономарева о двух механизмах творческого решения: интуитивном и логическом. Именно в полюсе интуиции, на этапах, существенно опережающих осознание ответа, происходят процессы, приводящие к творческому решению [16]. Вероятно, одним из этих процессов является переструктурирование репрезентации задачи, связанное с перераспределением внимания на элементах задачи.

Итак, резюмируя, отметим основные выводы:

1. Особенности процесса изменения формата репрезентации возможно исследовать с помощью визуального класса задач на симметрию;
2. Процесс инсайтного решения протекает специфично относительно не-инсайтного;
3. Основным механизмом инсайтного решения является переструктурирование задачи за счет изменения формата ее репрезентации;
4. Переструктурирование репрезентации, проявляющееся в изменении структуры гностических действий, существенно опережает осознание решения.

Ссылки

1. Greeno J. G. Hobbits and Orcs: Acquisition of a Sequential Concept // *Cognitive psychology*. 1974. Vol. 6. P. 270–292.
2. Weisberg R. W., Alba J. W. An examination of the alleged role of “fixation” in the solution of several “insight” problems // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1981. Vol. 110(2). P. 169–192.
3. Kaplan C., Simon H. In search of insight // *Cognitive psychology*. 1990. Vol. 22. P. 374–419.
4. Newell A., Simon H. A. Human problem solving. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1972. 920 p.
5. Simon H. A. Information – processing theory of human problem solving // *Handbook of learning and cognitive processes*. 1978. Vol. 5. P. 271–295.
6. Laird J. E., Newell A., Rosenbloom P. S. Soar: An architecture for general intelligence // *Artificial Intelligence*. 1987. Vol. 33. P.1–64.
7. Anderson J. R. The architecture of cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. 352 p.
8. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // *Психология мышления*. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
9. Ohlsson S. Information processing explanations of insight and related phenomena // *Psychology of thinking*. 1922. Vol.1. P. 1–44.
10. Knoblich G., Ohlsson S., Raney G. E. An eye movement study of insight problem solving // *Memory & Cognition*. 2001. Vol. 29 (7). P. 1000–1009.
11. Constraint relaxation and chunk decomposition in insight problem solving / G. Knoblich [et all] // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1999. Vol. 25(6) P. 1534–1555.
12. Управляющий контроль и интуиция на различных этапах творческого решения / И. Ю. Владимиров, С. Ю. Коровкин, А. А. Лебедь [и др.] // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37, № 1. С. 48–60.
13. Коровкин С. Ю., Савинова А. Д., Владимиров И. Ю. Мониторинг динамики загрузки рабочей памяти на этапе инкубации инсайтного решения // *Вопросы психологии*. 2016. № 2. С. 148–161.
14. Ellis J. J. Using Eye Movements to Investigate Insight Problem Solving. PhD thesis. Toronto: University of Toronto, 2012. 111 p.
15. Sheridan H., Reingold E. M. The Mechanisms and Boundary Conditions of the Einstellung Effect in Chess: Evidence from Eye Movements // *PLoS ONE*. 2013. № 10 (8). P. 1–8.
16. Пономарёв Я. А. Психология творения. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. 450 с. (Серия «Психология Отечества»).

УДК 316.64

В статье рассматривается проблема исследования детерминант восприятия этических дилемм консультантом и принятия решения в подобных ситуациях. Описаны преимущества исследования нравственной сферы личности качественными методами. Представлен анализ результатов фокус-группы, выявивший некоторые причины дефицитарности восприятия этической дилеммы.

Ключевые слова: психолог-консультант; этическая дилемма; нравственная регуляция поведения; качественные методы исследования.

The article poses the problem of researching determinants of ethical dilemmas perception by psychologist and his decision making in certain situations. The advantages of qualitative re-search methods for studies of personality's moral sphere are described. The authors expose the analysis of focus group results, which reveals reasons for deficiency of ethical dilemmas perception.

Key words: psychological counsellor, ethical dilemma, moral regulation of behavior, qualitative research methods.

Н. В. Ключева

E-mail: nadejda@uniyar.ac.ru

А. Б. Армашова

E-mail: a.armashova@gmail.com

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Исследование восприятия ситуации этической дилеммы психолога-консультанта методом фокус-группы

Научная статья

N. V. Klueva

A. B. Armashova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Focus Group Method Research on Perception of Ethical Dilemmas Experienced by Psychological Counsellor

Scientific article

Постановка проблемы

Востребованность этического образования психологов является предметом дискуссий на научных конгрессах и обсуждениях в профессиональных сообществах уже достаточно давно. Опросы специалистов указывают на отсутствие направленных на повышение осведомленности в вопросах этики учебных дисциплин в программах подготовки будущих психологов-консультантов [1–4].

Стоит серьезная задача выявления индивидуально-психологических характеристик психолога-консультанта, позволяющих ему обнаружить ситуации этического нарушения или этической дилеммы в профессиональной деятельности,

выбрать способ реагирования. Использование традиционных подходов к изучению нравственной сферы личности (тесты, направленные на выявление ценностно-смысловой сферы, методы опроса, интервью и др.) не позволяет в полной мере выявить реально действующие регуляторы поведения в этически сложных ситуациях.

Обозначим основные методологические и методические проблемы исследования индивидуального нравственного сознания, выделяемые различными авторами [5, 6]:

– невозможность утверждения в качестве основной какой-либо определенной этической концепции, что связано с полиментальностью общества;

– проблема нетождественности между декларируемыми моральными ценностями личности, выявляемыми посредством методик, и ценностями, регулирующими её поведение в реальных ситуациях. В методическом плане к этому эффекту добавляется проблема «социальной желательности» ответов респондента, проявляющаяся особенно сильно в контексте моральных проблем. Важно, что человек может совершенно искренне считать, что поведет себя в ситуации морального выбора в соответствии с декларируемыми им высшими моральными ценностями, но в реальности этого не происходит;

– дефицитарность традиционного методического аппарата. Большинство методик ограничено тем, что предлагают испытуемым проранжировать список ценностей, в результате получается довольно абстрактный «слепок» ценностей, неприменимый к интерпретации регуляции нравственного поведения, поскольку он не показывает, как эти ценности реализуются в ситуации выбора.

С нашей точки зрения, исследование нравственной сферы личности должно включать в себя качественные методы, целью которых является раскрытие субъективного смысла ситуации или события. Основные характеристики качественного исследования, определяющие взаимодействие исследователя и исследуемого, позволяют восполнить ограничения традиционных методов применительно к нравственной сфере личности. Они основаны на принципах открытости (отсутствие априорных представлений о предмете исследования), коммуникативности (понимание научного знания как результата коммуникации), процессуальности (понимание изменчивости предмета исследования) и тщательном анализе взаимодействия исследуемого и исследователя, рефлексивности (интерпретация знаний и значений с учетом контекста), эксплицированности (осмысление субъективного знания исследователя), гибкости, требующей использовать названные принципы, следуя специфике исследовательского предмета [7].

Не менее важным в выявлении детерминант нравственной регуляции поведения является правильный выбор объекта исследования.

Одной из возможностей совершенствования этического образования психологов и исследований этического поля профессиональной деятельности психолога являются анализ и обсуждение

случаев нарушения этики психологами и психотерапевтами. Проблема нарушений содержит в себе множество аспектов, которые касаются как стандартов взаимодействия психологов с клиентами, так и функционирования профессиональных сообществ (взаимодействие специалистов между собой).

В США и Западной Европе существуют сформированные государством механизмы, обеспечивающие соблюдение норм Этического кодекса, включающие в себя как этический аудит, так и регуляцию системы этико-правовых санкций за нарушение этических норм и правил. Достаточно много работ, посвященных анализу этических принципов психолога и разработке деонтологических моделей поведения специалистов в сложных этических ситуациях. Одни авторы требуют четкого следования принципам этического кодекса; другие – основываются на анализе конкретных случаев с опорой на интуицию, личную этическую систему и супервизию; третьи – обосновывают необходимость всестороннего анализа со стороны как профессиональной, так и гражданской ответственности специалиста [8–10].

В России исследований в сфере нарушения этики психологами-консультантами и психотерапевтами проведено крайне мало. Среди исследователей, которые занимаются данной проблематикой, можно назвать Е. Ю. Балашову, И. Е. Гарбер, А. В. Шаболтас, Н. С. Семенову, П. Д. Тищенко. Результаты опросов специалистов как в нашей стране, так и зарубежом говорят о том, что безусловно следовать правилам этики и деонтологическим моделям принятия решений для консультанта оказывается довольно трудно. Многие практикующие психологи с легкостью могут описать свою этическую ответственность и в то же время признать, что в некоторых ситуациях они готовы действовать иначе, чем предписывают стандарты.

Основными из объективных сложностей являются:

– трудность соблюдения установленных стандартов профессионального поведения, связанная с уникальностью каждого консультативного контакта и разнообразием ситуаций консультирования;

– возможное несоответствие ценностных ориентаций организаций, в которых практикуют консультанты (клиниках, центрах, школах, частных службах и пр.) с этическими требованиями

к деятельности психолога-консультанта, что может приводить к конфликту двойных ролей [11].

А. Tjeltveit и М. Gottlieb приводят целый спектр факторов, которые влияют на решения психолога в этически сложной ситуации: осознание присутствия этического фактора, социальное и культурное влияние, привычки, эмоции, интуиция, идентичность, нравственность и характер, полимотивированность или противоречия мотивов, предшествующие решения, управленческие и организационные навыки, необходимые для реализации решений [12].

В этически сложной ситуации, как правило, специалист рационально осознает верный с моральной точки зрения вариант решения, который не нанесет вреда психологическому благополучию клиента или других лиц. Однако в связи с обстоятельствами ситуации и/или системой личностных ценностей специалисту может быть трудно реализовать такое решение на практике.

Этическая дилемма представляет собой ситуацию выбора, выход из которой предполагает лишь два взаимоисключающих решения, причем оба эти решения не являются безупречными с моральной точки зрения [13].

Приведем пример этических дилемм в работе психолога-консультанта.

1. На консультацию обратился мужчина 38 лет. Первичный запрос – «долгострой в быту». В ходе консультации клиент упомянул, что после выходных ему сложно возвращаться на работу. Прямые вопросы консультанта о том, в чем эти сложности заключаются («Вам не нравятся условия работы, коллектив, что-то еще?», «Вы плохо себя чувствуете?», «У Вас после выходных похмелье?», «У Вас только алкогольная зависимость?», «Вы курите. Что именно Вы курите?», «Это конфиденциально. Если вы действительно хотите получить помощь, то мне важно знать, с чем именно мы работаем»), позволили начать обсуждать тему зависимости клиента (ЛСД, кокаин, алкогольная зависимость), также выяснилось, что на данный момент он является распространителем наркотиков.

2. Клиент мужчина 40 лет, руководитель крупной компании, обратился за психологической помощью, чтобы разобраться со своими чувствами и принять решение в ситуации выбора. По его словам, он «запутался» в отношениях с двумя женщинами: женой (женаты 15 лет, есть дочь) и молодой девушкой – его сотрудницей, с которой у него случился

роман во время одной из совместных командировок. Измену он скрывает. После очередной консультации вечером консультанту позвонила его знакомая, оказавшаяся женой клиента (она, по ее словам, случайно обнаружила визитку психолога со знакомой фамилией). Она очень просит дать ей информацию о причинах прихода мужа, особенно ее волнует проблема, по поводу которой он обратился. Ей необходимо знать правду, так она в последнее время переживает мучительное чувство одиночества, боли, начинает подозревать появление в жизни мужа другой женщины. Она надеется, что консультант поймет ее переживания и поможет ей избавиться от мучительной неопределенности [11].

Исследование мнений специалистов о возможном реагировании в рамках профессиональной деятельности психолога на данные ситуации позволит выйти на выявление определяющих механизмов нравственной регуляции, влияющих на способность профессионала к распознаванию этического поля ситуации и на его моральную надежность.

Таким образом, основной проблемой исследования этически сложных ситуаций для нас является определение факторов распознавания специалистом этической дилеммы, того, каким образом специалист осуществляет выбор, на что он опирается при принятии решения. Становится также очевидным, что такой выбор есть не что иное, как исследование ситуации личностного выбора психолога, при котором актуализируется его профессиональная и социальная ответственность, а возможное этическое нарушение не влечет за собой никаких правовых санкций.

Выборка

В исследовании приняла участие группа магистров 2-го курса направления подготовки «Психологическое консультирование» факультета психологии ЯрГУ им П. Г. Демидова (из них 3 мужчины, 6 женщин, возраст 23–40 лет).

Методы исследования

Исследование проводилось с помощью метода фокус-группы.

Описание ситуации: на консультацию к психологу пришла женщина (49 лет, незамужем), которая заявляет о своем неудовлетворительном эмоциональном состоянии (болезненных и острых реакциях на сложные ситуации на работе, усталость, эмоциональную исто-

ценность). Три месяца назад она начала работать руководителем крупного Центра. Ее непосредственным руководителем является мужчина, со стороны которого, со слов клиентки, поступают предложения о сексуальных отношениях. Клиентка показала переписку и фотографии из сотового телефона, которые однозначно свидетельствуют о сексуальном преследовании. После того, как клиентка в достаточно категоричной форме попыталась пресечь попытки руководителя сблизиться с ней, у нее появились серьезные проблемы, связанные с управлением и организацией работы руководимого ею Центра. При этом чем большее сопротивление оказывает женщина, тем более настойчиво действует мужчина, усиливая, в том числе, организационное давление.

Участникам в ходе обсуждения предлагалось ответить на следующие вопросы: «Является ли данная ситуация этической дилеммой для консультанта? Какие мысли могут быть у консультанта по поводу своей позиции в этой ситуации? Какие чувства может переживать консультант? Следствием чего могут быть эти чувства? Возможные действия консультанта в данной ситуации».

Уточняя детали ситуации у психолога-консультанта и обсуждая их в группе, участники погружались в контекст практической ситуации. Обстановка группового обсуждения позволила им более откровенно отвечать на вопросы, т. к. центром внимания являлось само обсуждение, нежели их личность, что позволило минимизировать проблему социальной желательности ответов. Возможность ведущего прояснять ответы участников позволила глубоко понять особенности восприятия ситуации участниками как дилеммы; степень погруженности их в ситуацию, в суть консультативного контакта; степень идентификации специалиста как лица, ответственного перед клиентом, профессиональным сообществом и гражданским обществом.

Анализ и интерпретация результатов

Анализ результатов фокус-группы показал сложность определения глубинного этического ядра ситуации. Об этом прежде всего свидетельствует процесс группового обсуждения. Так как этическую дилемму рассказывал непосредственно столкнувшийся с ней психолог-консультант, участникам была предоставлена возможность

задавать вопросы на уточнение ситуации. Их было достаточно много, они продолжались практически в течение всего обсуждения. Тематику вопросов можно категоризовать следующим образом:

1) вопросы на прояснение запроса клиентки («Как все-таки звучит запрос от клиентки?», «Эта должность желанна для клиентки?», «Видит ли клиентка в себе ресурс действовать?», «Что для клиентки важнее – сохранить себя, своё ядро или профессиональные интересы?», «Когда клиентка пришла и попросила о конфиденциальности, огласки чего она боялась?», «Как клиентка среагировала, услышав о ваших возможностях влияния на данную ситуацию через правоохранительную систему или вышестоящее руководство?»);

2) вопросы на прояснение достоверности излагаемой клиентом картины ситуации («Есть ли у Вас чувство доверия к клиентке? Так ли она излагает ситуацию как на самом деле?», «Возможно ли, что клиентка сама дала ситуации зайти слишком далеко?», «Известно ли что-то об истории отношений клиентки и преследователя?» «Что хочет преследователь? Мы не знаем на самом деле, что там внутри»);

3) вопросы на прояснение объективных обстоятельств ситуации в контексте исследования угроз для клиентки («Каким образом клиентка зависит от этого мужчины?», «На каком уровне происходит преследование – только по телефону или в реальной жизни тоже?», «Клиентка пробовала в открытую обозначить клиенту ситуацию?», «Обращалась ли уже клиентка к кому-то за помощью?», «Как у нас устроен административный кодекс в плане защиты от сексуальных преследований?»).

Несмотря на то что в процессе уточнения ситуации психолог озвучивал своё видение ситуации и сомнение в том, что любой вариант его действий не является удовлетворительным и не приведет к существенному улучшению состояния клиентки, вопросов на прояснение позиции консультанта от участников не прозвучало. Обсуждение ответа на пункт: «Является ли данная ситуация этической дилеммой для консультанта?» – также перешло в вопросы на уточнение обстоятельств ситуации.

Ответ на пункт: «Какие мысли могут быть у консультанта по поводу своей позиции в этой ситуации?» – занял основное время группового

обсуждения и вылился в дискуссию по поводу выработки и верификации алгоритма действий в данной ситуации. Неоднократно участниками в ходе дискуссии озвучивалась цель «спасти клиента». Анализируя результаты данного обсуждения, мы пришли к выводу о глубокой погруженности в данную ситуацию большинства участников и значимости ценностных основ консультативного контакта, связанных с заботой о благополучии клиента, укреплении его жизнестойкости («Если психолог займет активную позицию в этой ситуации, кто в других подобных ситуациях её защитит? Мне кажется, здесь все-таки главное работать на повышение жизнестойкости», «Я считаю, здесь главное – помочь клиентке найти ресурс для решения такой ситуации»).

Несмотря на активное обсуждение действий в данной ситуации, участники так и не определили конкретные варианты решений. Вместе с тем очень хорошо были исследованы факторы риска в каждом случае, что, собственно, и являлось главным препятствием определения конкретных алгоритмов («Никто не захочет скандала и публичности», «У нас нет гарантии, что вышестоящее руководство этого мужчины не встанет на сторону преследователя», «Предугадать реакцию преследователя на его увольнение невозможно, вдруг он причинит вред клиентке», «Не получится в правовом поле доказать сексуальное преследование, недостаточно доказательств» и др.).

Сам консультант несколько раз обозначал свое видение двух вариантов развития событий, рассматривая их не как взаимоисключающие, а как дополняющие друг друга: 1) усиление ресурсов клиентки для защиты от сексуального преследования и 2) «вывод» ситуации в организационно-правовую плоскость, так как поведение преследователя в том числе может быть рассмотрено в соответствии с уголовным законодательством.

Ответ на вопросы: «Какие чувства может переживать консультант? Следствием чего могут быть эти чувства?» – позволил участникам немного погрузиться в ценностное поле ситуации. Участниками были названы следующие чувства: растерянность, злость, возмущение, бешенство. В попытке проинтерпретировать данные реакции группа пришла к выводу,

что девушки более эмоционально и негативно реагируют на ситуацию, чем молодые люди. Девушки озвучили такие ценности, как: «я как женщина», «желание справедливости по отношению к клиентке как к женщине», «желание наказать обидчика», «возмущение собственным бездействием» («Женщина без прав. Не может противостоять сексуальному домогательству», «Еще я думаю, может у меня злость на себя, что я бездействую?», «У меня сейчас такое ощущение, что, выбирая вариант взращивания ресурсов, мужчины пытаются научить женщин смиряться, терпеть»). Молодые люди больше говорили о сочувствии («Жаль, что клиентка сама добилась должности и сейчас вынуждена что-то терять, хочется позаботиться о ней, помочь ей самой справиться с ситуацией»). Таким образом, можно предположить, что для участниц острая тематика ситуации послужила фасилитатором чувства идентичности с клиенткой и контрпереносных реакций. Молодые же люди были менее эмоционально вовлечены и рассуждали с позиции психолога, ориентированного на развитие ресурсов клиента.

Дефицитарность восприятия этической дилеммы психолога-консультанта участниками фокус-группы можно проинтерпретировать большим стрессовым воздействием основных характеристик данной ситуации. Во-первых, это её уникальность для участников, еще не имеющих опыта консультирования, и острота тематики, вызвавшая большой эмоциональный отклик. Во-вторых, это априорная невозможность найти рационально верное решение, обеспечивающее полную безопасность клиента, без рисков и потерь каких-либо его ресурсов.

Погружение в ценностно-смысловой пласт ситуации для психолога-консультанта помогло бы участникам нивелировать стрессовое влияние этих характеристик, углубило бы их восприятие ситуации, переведя его на качественно другой уровень. На этапе профессиональной подготовки необходимо уделить особое внимание ценностному самоопределению будущего психолога-консультанта (осознанию, какие ценностные приоритеты лежат в основе реакции на сложную этическую ситуацию); увеличению нравственной зоркости (способности обнаружить многослойность, неоднозначность и противоречивость в своих мыслях, чувствах

и вариантах реагирования на ситуацию); определению позиции, на которую опирается психолог в принятии решения. Для этого может использоваться метод «case study» и фокус-группа, имеющая развивающий потенциал для ее участников.

Ссылки

1. Гарбер И. Е. Этика психотерапии и психологического консультирования в России: постановка проблемы // Теория и практика психотерапии. 2014. № 1(1). С. 96–100.
2. Форман Н., Роулз Р. Этические проблемы в психологии: британский опыт // Психология. 2004. № 1. С.110–123.
3. Akfert K. Ethical Dilemmas Experienced by Psychological Counsellors Working at Different Institutions and their Attitudes and Behaviours as a Response to These Dilemmas // Educational Sciences: Theory and Practice. 2012. Vol. 12, № 3. P. 1806–1812.
4. National study of the ethical dilemmas encountered by APA members. URL: <http://www.kspope.com.ethics.ethics2>
5. Анцыферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 3. С. 5–17.
6. Веселова Е. К. Методологические и методические проблемы эмпирического исследования нравственной сферы личности // Научное мнение. 2013. № 6. С. 168–173.
7. Ключева Н. В. Качественные методы исследования: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 26 с.
8. Глэддинг С. Психологическое консультирование. СПб.: Питер, 2002. С. 103–126.
9. Douglas S. Clinical Dilemmas in Psychotherapy: A Transtheoretical Approach to Psychotherapy Integration. N.Y.: Hardcover, 2005. 255 p.
10. Smith D. 10 ways practitioners can avoid frequent ethical pitfalls // Monitor on Psychology. 2003. Vol. 34, № 1. P. 50–53.
11. Ключева Н. В., Головчанова Н. С. Этика и профессиональное общение психолога-консультанта: методические указания. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 60 с.
12. Tjeltveit A. Avoiding ethical missteps // Monitor on Psychology. 2012. Vol. 43, № 4. P. 68–74.
13. McConnell T. Moral dilemmas // Stanford Encyclopedia of Philosophy URL: <http://plato.stanford.edu/entries/moral-dilemmas>.

УДК 316.64

В этой статье описывается исследование когнитивных особенностей учеников физико-математических классов и студентов физического факультета. Установлены следующие особенности когнитивных стилей и стилей кодирования информации школьников: полнезависимость, самоуправляемость, регидность. Показано взаимодействие определенных когнитивных стилей и способностей к изучению физики.

Ключевые слова: когнитивный стиль; стили кодирования информации; математические способности.

The article describes a study of cognitive characteristics of high school students of physical and mathematical classes and higher school students (Department of Physics). The following features of cognitive styles and information coding styles were found individuals are prone to make quick mental decisions, independence in behavior; self-control, regidness. The authors display interaction of certain cognitive styles as well as abilities to study physics.

Keywords: cognitive style; information coding styles; mathematical abilities.

М. Г. Волкова

E-mail: marinavlk@mail.ru

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны

Е. В. Рыбникова

E-mail: rbnikova@uniyar.ac.ru

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

О способностях и познавательных стилях студентов и школьников, обучающихся физике

Научная статья

M. G. Volkova

Yaroslavl Higher Military School of Air Defence

E. V. Rybnikova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Personal Abilities and Cognitive Styles of Students of Physics

Scientific article

Актуальным для современной теории и практики обучения является изучение индивидуальных особенностей личности. Знания о когнитивной деятельности обучающегося помогут учителю в доступном виде представлять трудные вопросы теории и практики, развивать способности и склонности ученика.

Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении, восприятия, анализа, структурирования, категоризации, оценивания происходящего [1]. Именно их изучение даст возможность описать познавательную сферу школьников и студентов, обучающихся физике.

Проводилось исследование следующих когнитивных стилей: полнезависимость/полнезависимость (ПЗ/ПНЗ) (методика «Включенные фигуры»), импульсивность/управляемость (психодиагностическая методика опросного типа для изучения импульсивности В. Н. Азарова), гибкость/ригидность познавательного контроля (ФЛЕК/РИГ) (опросник Р. Нигневицкого, Калифорнийский опросник); рефлексивность/импульсивность (РЕФ/ИМП); узкий/широкий диапазон эквивалентности (АНАЛИТ/СИН), сенсорный/интуитивный (СЕНС/ИНТ) и вербальный/визуальный стилей (ВЕР/ВИЗ) (методика «Стилевые параметры обучения») [2, 3].

© Волкова М. Г., 2017

© Рыбникова Е. В., 2017

Коэффициент корреляции r и корреляционные отношения η_1 и η_2

	<i>ПЗ/ПНЗ</i>	<i>РЕФ/ИМП</i>	<i>УПР/ИМП</i>	<i>ИНТ/СЕНС</i>	<i>ВЕР/ВИЗ</i>	<i>СИН/АНАЛИТ</i>	<i>ГИБ/ФЛЕК</i>
Школьники физико-математического класса							
r	0,502*	-0,0810	-0,1542	0,0906	-0,0240	-0,1872	-0,1165
η_1	0,645*	0,671*	0,468*	0,243	0,100	0,268	0,241
η_2	0,079	0,460*	0,745*	0,397	0,208	0,309	0,265
Школьники гуманитарных классов							
r	0,341	-0,108	0,047	-0,130	0,063	0,002	-0,158
η_1	0,508*	0,318	0,325	0,308	0,415*	0,344	0,317
η_2	0,591*	0,259	0,663*	0,169	0,156	0,216	0,660*
Студенты физического факультета							
r	0,370	-0,255	-0,111	-0,138	0,011	0,089	0,097
η_1	0,519*	0,545*	0,338	0,289	0,403*	0,342	0,431*
η_2	0,821	0,493*	0,759*	0,149	0,093	0,137	0,546*

Примечание: r – коэффициент корреляции,

η_1 – корреляционное отношение стиля по способностям,

η_2 – корреляционное отношение способностей по стилю,

* – значимо при $p < 0,01$.

В исследовании принимали участие ученики физико-математических и гуманитарных классов школ г. Ярославля, студенты физического и исторического факультетов Ярославского госуниверситета. Участниками исследования были школьники десятых классов и студенты второго курса. Студентов физического факультета было 58 человек, студентов исторического факультета – 54, школьников физико-математических классов – 65, школьников из гуманитарных классов – 72 человека.

Диагностика показала, что для школьников физико-математических классов характерна следующая специфика когнитивных стилей: полюс полнезависимости; полюс импульсивности; успешность использования всех способов кодирования информации; полюс ригидного познавательного контроля.

Различия между когнитивностилевой спецификой школьников и студентов не выявлены. Данные обрабатывались с использованием программы «Статистика-5», где применялся непараметрический U критерий Манна-Уитни достоверности различий.

Результаты расчетов приведены в таблице.

При проведении диагностики было предложено школьным учителям физики, работающим

в физико-математических и гуманитарных классах, а также преподавателям, обучающих студентов физического факультета, оценить по десятибалльной шкале способности к физике своих учеников. Предварительно с каждым учителем и преподавателем проводилась беседа о способностях к физике.

Прежде чем говорить о полученных результатах, надо сказать о соотношениях стилей и способностей. Психологические категории «когнитивные стили» и «способности» не связаны между собой, иначе говоря, «когнитивные стили» не связаны с продуктивностью интеллектуальной деятельности. М. А. Холодная подчеркивает, что на теоретическом уровне в научной литературе указывается на принципиальные различия между когнитивными стилями и способностями, тогда как на практике показатели когнитивных стилей и способностей всегда постоянно взаимно пересекаются [4]. В связи с этим будем исходить из следующих представлений. Когнитивные стили и стили кодирования информации – это инструмент, который предпочитает индивид при познании окружающего мира. Их можно рассматривать как предпосылки успешности интеллектуальной деятельности. Поэтому нельзя говорить так: если личность склонна к определенному

полюсу когнитивного стиля и имеет высокое значение показателя способностей к физике, то она способна заниматься таким родом деятельности. Надо сказать иначе: личность может иметь успех в данном роде интеллектуальной деятельности. Таким образом, говоря о взаимосвязи когнитивных стилей, стилей кодирования информации со способностями будем понимать как предположение к успешности при обучении физике.

В таблице 1 приведены результаты вычисления коэффициента корреляции r для указанных групп. Из нее видно, что значимых значений коэффициента корреляции r , которые указывали бы на линейную связь между стилями и способностями к физике, нет. По полученным результатам коэффициента корреляции r можно сказать, что между значениями способностей к физике и стилем ПЗ/ПНЗ существует слабая значимая зависимость. Наибольшее значение коэффициента корреляции – у школьников физико-математического класса, то есть для данной группы устанавливается некое влияние стиля на успешность занятием физикой. У школьников гуманитариев также наблюдается слабая значимость показателей по тесту «Включенные фигуры» со способностями к физике. У студентов физического факультета она становится менее значимой. Можно предположить, что стиль полнезависимости можно действительно обозначить как предположение к успешности обучения предмету физики.

Рассмотрим полученные результаты корреляционных отношений η_1 и η_2 . Значимые значения корреляционных отношений при установлении взаимовлияния их на способности обучающихся физике получились в стилях полнезависимость/ полнезависимость, рефлексивность/импульсивность, управляемость/импульсивность, ригидность/ флексибельность познавательного контроля. Значение корреляционных отношений получились незначимыми в следующих стилях кодирования информации: сенсорный/ интуитивный, визуальный/вербальный и узкий/ широкий диапазон эквивалентности (см. табл.).

Выявлено взаимовлияние когнитивного стиля ПНЗ и способностей к изучению физики во всех приведенных группах. Это говорит только о том, что полнезависимые личности могут добиться большего успеха при изучении физики, чем их полнезависимые сверстники. Влияние данного стиля на способности у школьников физико-мате-

матического класса выше, чем у студентов физического факультета, а сами способности к физике никак не влияют на стили. Можно сделать предположение, что происходит стихийное формирование стиля полнезависимости у студентов при обучении в университете на естественно-научной специальности. Таким образом, получается, что если индивид относится к полюсу полнезависимости, то он может иметь успех при изучении физики, или в целом естественно-научных дисциплин. Важность полюса полнезависимости подтверждают также показатели корреляционных отношений, полученных в группе школьников-гуманитариев, хотя в данных классах школьники не проявляют интереса к предмету физика; они склонны к изучению русского языка, литературы, истории.

По полученным результатам наблюдается взаимовлияние когнитивного стиля рефлексивности/ импульсивности и способностей к физике. Коэффициенты корреляционных отношений η_1 и η_2 являются значимыми в группе школьников физико-математических классов.

У школьников гуманитарных классов полученные корреляционные отношения не являются значимыми (см. табл. 1).

Диагностика показала, что обе группы: и школьники и студенты – относятся к полюсу саморегулирования собственного поведения. Численное значение корреляционных отношений η_1 и η_2 при исследовании взаимовлияния стиля управляемость/импульсивность и способностей к физике в группе школьников физико-математических классов показывает, что наблюдается большее влияние способности к физике на данный стиль, чем обратное, то есть способности к физике заставляют личность регулировать собственное поведение. Аналогичная ситуация наблюдается и в группах студентов физического факультета и школьников гуманитариев (см. табл. 1).

Можно сказать, что каждый школьник или студент, обучаясь в физико-математическом классе или на физическом факультете, проявляет интерес, любознательность к физике как науке. Интерес может проявляться во время изучения физики как предмета – понять и объяснить суть физического явления, решить задачу или ответить на поставленный вопрос или разобраться в такой задаче, ответ на который может дать только физика, то есть личностный интерес,

любопытность здесь может выступать как мотив к изучению, желанию понять и осмыслить. Таким образом, воля будет выступать как организованная совокупность желаний, выражающихся в поведении, регуляции действий.

С другой стороны, высокая саморегуляция школьников и студентов естественно-научной специальности объясняется поставленными целями и задачами при обучении данному предмету. Школьники осознают, что добиться желаемой цели можно, только изучая физику как предмет, без знаний которого не добиться поступления на выбранную специальность.

Студенты физического факультета также показали высокую саморегуляцию. Получить как можно больше знаний по выбранной специальности, разобраться в тонкостях науки, стать высококвалифицированным специалистом – именно этими желаниями и усидчивостью можно объяснить полученный результат.

По итогам исследований в группах школьников физико-математических и гуманитарных классов взаимовлияния стилей кодирования информации сенсорный/интуитивный и визуальный/вербальный, узкий/широкий диапазон эквивалентности полученные численные значения на способности к физике не имеют значимости. Таким образом, можно сделать вывод, что исследуемые стили у школьников и студентов на способности к физике не оказывают влияния и, наоборот, способности не оказывают влияния на стили. Полученный результат можно объяснить тем, что при исследовании данных стилей у школьников физико-математического класса и студентов физического факультета обнаружено, что при обучении они используют и синтетические и аналитические приемы, одинаково хорошо воспринимают информацию на слух и зрительно.

Единственным значимым значением является корреляционное отношение, найденное в группе студентов физического факультета, при исследовании взаимовлияния визуального стиля кодирования информации на способности к физике. Зрительное восприятие окружающего, изучаемого материала у студентов физического факультета влияет на способности к физике. Это можно объяснить так, что физика, являясь наукой экспериментальной, большое значение отводит процессу наблюдения, то есть зрительному восприятию материала. На практических, лабораторных

занятиях студенты проверяют физические законы, устанавливают взаимосвязь между величинами, проводят эксперименты, наиболее приближенные к тем, которые можно наблюдать в природе; при этом, изменяя начальные условия, они могут делать предположения о возможных протеканиях физического опыта. Многие физические явления, которые невозможно наблюдать непосредственно в условиях лаборатории, можно наблюдать при использовании моделирующих программ ЭВМ. Кроме того, надо заметить, что у студентов-физиков данный стиль усилился по сравнению со школьниками физико-математических классов. Студенты физической специальности, становясь старшекурсниками выполняют курсовые работы, в которых проводят уже свое пусть небольшое, но научное экспериментальное исследование. Студент уже сделал свой выбор специальности, и для него важно увидеть все детали и нюансы проводимого им наблюдения. Школьник же наблюдает демонстрации или проводит их самостоятельно только на уроке, в ограниченное время, и цель таких фронтальных наблюдений состоит в том, чтобы наиболее ярко и интересно показать физический опыт.

По результатам исследований в группах школьников, обучающихся в физико-математических классах, взаимовлияние когнитивного стиля ригидность/флексibilität познавательного контроля и способностей к физике показывает, что полученные численные значения не имеют значимости. Таким образом, можно сделать вывод, что исследуемый когнитивный стиль у школьников-физиков на способности к физике не оказывает влияния и, наоборот, способности не оказывают влияния на стиль (см. табл.). Единственным и значимым является корреляционное отношение, определяющее взаимовлияние способностей к физике на когнитивный стиль ригидный/флексibilität познавательный контроль, полученный при исследовании группы студентов физического факультета. Численные значения, приведенные в таблице, близки друг к другу. Таким образом, получается, что если личность способна заниматься физикой, то она должна относиться к личностям с ригидным познавательным контролем и, наоборот, ригидная личность может успешно заниматься физикой. При выявлении взаимовлияния способностей на данный стиль и, наоборот, у школьников гуманитарных классов

обнаруживается, что личность, способная заниматься изучением гуманитарных наук, характеризуется как личность с гибким познавательным контролем. Школьники физико-математического класса и студенты физического факультета относятся к полюсу ригидного когнитивного контроля. Индивиды, относящиеся к данному полюсу, проявляют устойчивое отношение к полученным знаниям.

Ригидность как свойство личности школьников физико-математического класса и студентов физического факультета можно объяснить еще и спецификой изучаемой науки. Физика – наука о природе и явлениях природы. Одним из фундаментальных понятий физики является закон, указывающий на определенную физическую закономерность. Любой физический закон имеет свои границы применения, область действия. Например, гравитационное взаимодействие описывается законом всемирного тяготения, который был открыт Исааком Ньютоном еще в 1687 году. Гравитационные силы действуют между любыми телами, в том числе и между элементарными частицами. Однако в физике элементарных частиц, массы которых ничтожно малы, гравитационные силы никакой роли не играют. Лишь у космических объектов (планеты, звезды и т. п.) с их колоссальными массами гравитационные поля оказываются достаточно сильными, так что в небесной механике и астрофизике гравитационные силы играют решающую роль. Выходя за рамки границ, физический закон перестает действовать, его описательная способность исчезает. В этом заключается и его непостоянство. Но в своих рамках, граничных условиях он работает – и тогда его считают фундаментальным. Получается следующее: с одной стороны, физический закон имеет примерное значение, что заставляет ученых-физиков работать над ним и устанавливать все новые и новые закономер-

ности природы, а с другой стороны, при определенных граничных условиях закон четко, верно описывает окружающий мир. На основе полученных, уже установленных законов люди запускают в космос спутники, создают компьютеры и передают сигналы на расстояния, а это значит, что все известные физические законы работают верно. И поэтому, с одной стороны, физик знает о примерном значении законов, но, с другой – уверен в их фундаментальности. Уверенность в своих знаниях о природе, ее закономерностях, границах применимости и дает возможность физикам быть точным, четким, умеренным, консервативным, то есть ригидным.

В рамках данного исследования продемонстрирована когнитивно-стилевая специфика обучающихся физике, сделана попытка проследить взаимовлияние определенных стилей и способностей к физике. Создание методических рекомендаций с учетом особенностей познавательной деятельности школьников и студентов и применение их в учебном процессе позволит повысить его эффективность.

Ссылки

1. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учебное пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002. 304 с.
2. Азаров В. Н. Структура импульсивного и рефлексивно-волевого стилей действия // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 132–137.
3. Методика «Включенные фигуры»: экспресс вариант (EFE-E). Ярославль: УИН МЮ РФ по Ярославской области, 2002. 12 с.
4. Холодная М. А. Когнитивные стили: парадигма «других» интеллектуальных способностей // Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998.

УДК 316.64

В статье представлено исследование социальной изолированности как социально-психологической детерминанты внушаемости в большой группе. В первой части статьи описаны результаты теоретического анализа литературы по указанной теме. Во второй части приводятся результаты эмпирического исследования социальной изолированности в пределах крупной социальной общности. Особенностями данной работы является изучение указанного феномена именно в рамках большой группы.

Ключевые слова: внушаемость; социальная изолированность; маргинальность; социально-психологическая детерминанта; большая группа.

The article presents a study of social isolation as a socio-psychological determinant of suggestibility in a large group. In the first part of the article the authors describe the results of theoretical analysis of literature on this topic. The second part presents the results of empirical studies of social isolation within a larger social community. The significance of the given work is the study of this phenomenon in the framework of a large group.

Keywords: suggestibility, social isolation, marginality, social-psychological determinant, large group.

Н. А. Власов

E-mail: kaiser85@yandex.ru

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова

**Социальная изолированность
как социально-психологическая детерминанта внушаемости
в большой группе**

Научная статья

N. A. Vlasov

Pirogov Russian National Research Medical University

**Social Exclusion as a Socio-Psychological Determinant
of Suggestability in a Large Group**

Scientific article

Внушаемость является одной из важнейших характеристик личности человека, так как именно она определяет то, насколько он подвержен влиянию извне. За более чем сто лет изучения данного феномена было проведено большое количество исследований, в том числе и в рамках социальной психологии. Были открыты основные детерминанты внушаемости – конформизм, эмпатия, ролевое взаимодействие, психическое заражение, делегирование ответственности. Вместе с тем практически весь материал, используемый социальной психологией, был получен в результате исследований, где в качестве испытуемых выступал либо один человек (например, эксперимент подчинения авторитету С. Милгрэма), либо малая группа

(например, Стэнфордский тюремный эксперимент Ф. Зимбардо); эти данные затем были распространены и на большие группы.

Такое положение дел не может считаться удовлетворительным, так как малая группа и индивид отличаются от большой группы. Из этого следует, что результаты изучения социально-психологических детерминант внушаемости вне большой группы не могут быть использованы в психологии крупных человеческих общностей. Именно слабая изученность большой группы вообще и явления социальной изолированности как социально-психологической детерминанты внушаемости в ее рамках в частности диктует актуальность данного исследования.

© Власов Н. А., 2017

Научная новизна исследования определяется тем, что социальная изолированность впервые изучается нами в рамках большой группы.

Определение

В социальной психологии принято выделять социальную включенность как степень интегрированности личности в группу [1, с. 103]. Данный феномен имеет ряд характеристик: собственно активность человека в рамках группы как таковой; отношение к активности других ее членов; знание и предвидение их активности. Ряд исследователей рассматривают данное явление как обеспечивающее связь личности и коллектива. Также необходимо отметить не только оценки и ожидания человека в отношении группы, но и группы в отношении человека, что обеспечивается за счет детерминанты социальной включенности. Антонимом социальной включенности является социальная исключенность [2, с. 69] или изолированность.

Социальная включенность может быть двух видов:

1. Адекватная – это вид социальной включенности, при которой индивид осознанно и целенаправленно действует в группе, его ценности и интересы соответствуют ей. Такой человек инициативен, активен, продуктивен и эффективен, он чувствует себя частью единого социального целого. Он регулярно получает социальную стимуляцию, ощущает защищенность в рамках данной группы и видит свое будущее во взаимодействии с ней;

2. Неадекватная – это вид социальной включенности, при которой индивид неосознанно действует в группе, его ценности и интересы отличаются от нее. Такой человек безынициативен, пассивен, непродуктивен и неэффективен, он чувствует себя «придатком» группы, находясь в ее рядах по инерции. Он не получает или нерегулярно получает социальную стимуляцию, ощущает незащищенность в рамках данной группы и не видит свое будущее, во всяком случае желаемое, во взаимодействии с ней.

Личность формируется в рамках какой-либо социальной группы. Объяснение того, зачем индивиду встраиваться в такую систему, предложил Э. Берн в рамках концепции психологических «голодов». Он предположил, что ребенку жизненно необходимы тактильные прикосновения,

«поглаживания» [3, с. 82], которые со временем становятся символическими. Эти прикосновения, удовлетворяя экзистенциальные потребности человека, необходимы ребенку как факт признания бытия его в этом мире, факт признания того, что он является живым существом. Поглаживание, тактильное или символическое, является самой простой и вместе с тем самой необходимой единицей признания. Получение «поглаживаний» является одной из причин социального взаимодействия и объясняет такой феномен, как включенность.

Этапы развития личности в группе. Учитывая тот факт, что личность является социальной по своей природе, т. е. формируется в рамках социума и под его воздействием, необходимо рассмотреть этапы ее вхождения в социум и дальнейшей интеграции. Всего выделяют три таких этапа [4, с. 49]:

1. Адаптация – это этап вхождения в группу, изучения действующих в ней норм и правил, овладения основными способами коммуникации и видами деятельности. На этом этапе индивид «подстраивается» под данную социальную общность;

2. Индивидуализация – это этап, на котором происходит поиск средств для проявления своей индивидуальности в рамках группы. На этом этапе индивид уже в некоторой степени вошел в данную социальную общность и пытается как-то проявить себя, найти свое особенное место;

3. Интеграция – это этап, на котором происходит синхронизация индивида и группы, «врастание» его в коллективную деятельность. На этом этапе индивид, найдя свою нишу в данной социальной общности, стремится к конструктивному взаимодействию с остальными ее членами.

Главным фактором, лежащим в основе социальной включенности, является совместимость – способность членов группы синхронизировать свои действия и создать эффективные взаимоотношения в рамках общей деятельности.

Выделяют четыре основных уровня совместимости [5, с. 9]:

1. Психофизиологический – совместимость на уровне физиологических основ высшей нервной деятельности. Здесь в первую очередь речь идет о темпераменте как о динамической характеристике нервной системы;

2. Психологический – совместимость на уровне психологических особенностей. Этот уровень отличается крайне широким диапазоном

различных характеристик. Во-первых, это совместимость характеров как адаптационных структур личности; во-вторых, совместимость ценностей как стержневых основ личности; в-третьих, совместимость жизненных сценариев и иных экзистенциальных элементов; в-четвертых, совместимость поведенческих моделей;

3. Социально-психологический – совместимость на уровне социально-ролевых ожиданий и моделей. На этом уровне происходит определение того, насколько совпадают взгляды индивида и членов группы на то, какое место должен занимать субъект в группе и какой деятельностью заниматься;

4. Социологический – совместимость на уровне социальных групп в целом. Здесь речь идет о том, насколько индивид может встроиться в социальную общность и насколько группа может его принять.

Социальная включенность и внушаемость

На данный момент социально-психологические аспекты социальной включенности изучены недостаточно, а та информация, которая имеется, носит неоднозначный характер. С одной стороны, предполагается, что лица, более интегрированные в социум, являются более внушаемыми, так как подчиняются требованиям большинства и за счет этого обеспечивают себе место в обществе.

С другой стороны, отечественные исследования, проведенные на выборке пенсионеров, показывают их высокую социальную изолированность [6, с. 6] и внушаемость [7, с. 282]. Можно предположить, что их высокая внушаемость является следствием базовой потребности в принятии, желании быть интегрированными в общество.

Цель нашего исследования – определить, является ли социальная включенность/изолированность социально-психологической детерминантой внушаемости в большой группе.

Всего в исследовании приняло участие 153 человека, из них 91 женщина и 62 мужчины. Средний возраст выборки – 26,4 года.

По роду деятельности выборка получилась довольно разнообразной, что является следствием использования возможностей сети Интернет, позволяющих охватить самые широкие слои населения. Всего в ней можно выделить 14 основных профессиональных направлений (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение испытуемых по роду деятельности

<i>Род деятельности</i>	<i>Количество испытуемых</i>	<i>% испытуемых</i>
Студенты-медики	25	16,33
Студенты-психологи	18	11,76
Студенты-биологи	9	5,88
Врачи	11	7,18
Психологи	16	10,45
Педагоги	12	7,84
Экономисты	20	13,07
Менеджеры	12	7,84
Военные	1	0,65
Бизнесмены	3	1,96
Водители	1	0,65
Юристы	18	11,76
Специалисты в области общественных наук (социологи, культурологи и политологи)	4	2,61
Журналисты	3	1,96

Исследование проводилось тремя блоками:

Испытуемые для первого блока (48 человек) были набраны среди студентов ГБОУ ВПО РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава, в котором преподает автор; для второго (52 человека) – через широкую сеть знакомств автора при помощи социальных сетей («ВКонтакте», «Фейсбук»), в которых делалась индивидуальная рассылка; для третьего (53 человека) – через различные форумы в Интернете, где были размещены соответствующие объявления.

Нам удалось изучить именно большую группу: ее размер должен превышать 30 человек и между ее членами должно отсутствовать непосредственное взаимодействие. В исследовании были использованы методики «Экспресс-диагностика уровня социальной изолированности личности» и «Шкала внушаемости Барбера»; в качестве метода статистической обработки использовался корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

По результатам исследования было выявлено, что существует прямая корреляция между показателями социальной изолированности и внушаемости ($r_s = 0,31199$, при $p < 0,05000$).

Математическая обработка дала результаты, приведенные ниже (см. табл. 2).

Таблица 2

**Результаты корреляционного анализа
(коэффициент ранговой корреляции Спирмена)**

	<i>Возраст</i>	<i>Социальная изолированность</i>	<i>Внушаемость</i>
<i>Возраст</i>	1,00000		
<i>Социальная изолированность</i>	0,11978	1,00000	
<i>Внушаемость</i>	0,03705	0,31199	1,00000

Уровень внушаемости имеет прямую связь с уровнем социальной изолированности; следовательно, социальная изолированность, а не включенность является социально-психологической детерминантой внушаемости в большой группе. Наши данные согласуются с результатами исследований, проведенных А. Е. Дергаевой, О. В. Красновой и А. Г. Лидерс, а также с данными, полученными при изучении механизмов влияния социальной рекламы на пожилых людей [8].

Выводы

Прямая корреляция между изучаемыми феноменами в рамках большой группы позволяет сделать вывод о том, что социальная изолированность детерминирует внушаемость вне зависимости от размера социальной общности.

Полученные результаты подтверждают точку зрения, обосновывающую высокую внушаемость лиц, обладающих слабой социальной включенностью и имеющих неудовлетворенную потребность в принятии. Как указывалось выше, к ним

можно отнести в том числе пенсионеров. Из этого следует, что социальная изолированность детерминирует внушаемость человека как в большой группе, так и вне ее.

Ссылки

1. Дмитриева А. В. Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. 2012. № 2 (83). С. 98–114.
2. Винден В. Конец социальной исключенности? Политика в сфере информационных технологий как ключ к социальной включенности в крупных европейских городах // Spago. 2012. № 17. С. 69–84.
3. Штайнер К. Обратная сторона власти. Прощание с Карнеги, или Революционное руководство для марионетки. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 255 с.
4. Шевандрин Н. И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Владос, 2001. 512 с.
5. Платонов К. К. Коллектив и личность. М.: Наука, 1975. 264 с.
6. Дергаева А. Е. Профилактика социального исключения пожилых людей в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2013. 34 с.
7. Краснова О. В., Лидерс А. Г. Психология старости и старения: хрестоматия: учебное пособие для студентов психологических факультетов высших учебных заведений. М.: Акамедия, 2003. 416 с.
8. Кольшклина Т. Б., Маркова Е. В. Психологические механизмы эффективности социальной рекламы // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 52–56.

УДК 159.9.01

В статье проводится теоретический анализ религиозности как личностного качества. Опираясь на точки зрения различных авторов, как светских, так и религиозных, осуществляется попытка построения модели психологического содержания религии. Предлагаются к обсуждению такие компоненты, как когнитивный, трансцендентный и коммуникативный. В статье также представлены обоснования в пользу именно такого понимания модели психологического содержания религии.

Ключевые слова: психология религии; религиозность; психологическое содержание религии.

The article presents a theoretical analysis of the concept of religion and religiosity as a personal quality. Based on the perspective of different authors, both secular and religious, the author attempts to build a model of the psychological content of religion. Cognitive, transcendent and communicative components are also discussed. The article presents the rationale to prove this very model of the psychological content of religion.

Key words: psychology of religion; religiosity; psychological content of religion.

А. В. Донцов

Сибирский государственный университет путей сообщения

E-mail: a.v.dontsov@yandex.ru

Психологические исследования теорий религиозности как качества личности

Научная статья

A. V. Dontsov

Siberian Transport University

Psychological Researches of Theories of Religiosity as a Personal Quality

Scientific article

Для современных наук о человеке и обществе, таких как психология, социология, культурология и др., характерно повышение интереса к сфере религии. С одной стороны, это связано с нарастанием противоречий в общественной морали (а религия с давних пор воспринимается именно как источник моральных оснований и нравственности), с другой – этот интерес вызван пробуждением своеобразного духовного «голода» у людей как в России, так и за её пределами, что выражается в многочисленных обращениях и к традиционным религиям, и к вновь образованным культурам и сектам. В то же время в науке наблюдается смешение таких понятий, как вера, религиозность, духовность и т. п. Они могут трактоваться как синонимичные, независимые или в некоторой степени антагонистичные.

На наш взгляд, отсутствие ясности в понимании данных категорий обусловлено во многом тем, что по-разному определяются сами корневые понятия. В частности, в разных словарно-энциклопедических и методических источниках религия понимается и как «специфическая форма мировоззрения, образованная как результат насильственного вытеснения бессознательных влечений и действия комплекса Эдипа» [1], и как «одна из форм отражения действительности на основе веры в реальность сверхъестественного» [2], и как «институционализируемая система поклонения человека» [3, с.17]. Существуют и другие определения данного феномена. Анализ различных подходов (психологических, культурологических, религиоведческих, словарных) позволил нам сформулировать определение, позволяющее

© Донцов А. В., 2017

объединить ключевые моменты ряда существующих дефиниций и указать наиболее важные черты феномена религии. Мы считаем, что религию можно определить как особую, институционализированную форму мировосприятия, общественного сознания, опирающуюся на веру в высшие, сверхъестественные, сверхчеловеческие силы.

Данное определение, в свою очередь, опирается на три основных компонента, составляющих, по нашему мнению, психологическое содержание религии, и раскрывается в них. Они не являются обособленными, а, сочетаясь и оказывая взаимное влияние, создают уникальный и сложный феномен, что обеспечивает его своеобразие.

Итак, о каких компонентах идёт речь? Во-первых, это когнитивный компонент. Он, по нашему мнению, включает в себя все особые представления, установки, символы, составляющие религиозное мировоззрение, картину мира. Многие исследователи указывают, что одна из важнейших функций, выполняемых религией, заключается в создании чёткого, согласованного образа окружающего мира, а также места человека в нём. Эта функция имела гораздо большее значение на начальных этапах развития человеческого общества, в условиях отсутствия объемлющей системы эмпирических знаний. В настоящее же время при развитой системе научных знаний и методологии религиозное миропонимание являет собой вид альтернативного знания.

В то время как некоторые исследователи обращают внимание на сам факт создания такой картины мира, ряд авторов придают первоочередное значение особенностям содержания (Г. М. Андреева, Э. Фромм). Э. Фромм пишет: «...Релятивистская точка зрения, что само по себе ценно иметь какой-то идеал или какое-то религиозное чувство, – опасна и ошибочна [...], всякие идеалы [...] служат выражениями одной и той же человеческой потребности, и мы должны оценивать их по их отношению к истине, по степени их способствования раскрытию человеческих сил и по уровню реальности их ответов на потребность человека в равновесии и гармонии с миром» [4, с. 35]. Отвержение морального релятивизма в отношении к человеку – это один из главных моментов и в отечественной духовно ориентированной психологии. По мнению Т. А. Флоренской, именно в религии человек обретает, познаёт свой вектор духовного развития [5].

Из таких особенностей религиозных представлений, как символизм, метафоричность, и их тесной связи с эмоциональной и волевой сферами вытекает и другая важная особенность когнитивной компоненты. Поскольку в религиозную картину мира включено описание не только окружающей действительности, но и места человека в ней, а также моральные и ценностные установки, то она может выступать основой смыслообразования. На эту роль религиозных символов указывали К. Г. Юнг, Г. М. Андреева, В. Франкл и пр. [6, 7]. Вполне естественно, что данная особенность может удовлетворять важнейшую потребность человека в осмысленности жизни.

Ещё одной важной особенностью образа мира, предлагаемого религией, является то, что он основан преимущественно не на результатах познания, а на вере. По выражению Г. М. Андреевой, это «особое состояние уверенности в достижении цели, в наступлении какого-либо события, в истинности некоторой идеи» [8, с. 253].

Второй компонент – коммуникативный – тесно связан с понятием религиозных институтов, посредством которых существуют основные объединения верующих [8]. Принадлежность человека к тому или иному религиозному культу, конфессии обозначается и закрепляется, как правило, исполнением соответствующих обрядов, что позволяет верующим устанавливать связи и взаимоотношения между собой и с представителями других исповеданий и мировоззрений.

Коммуникации прихожанина включают в себя взаимодействие с другими такими же прихожанами; со священнослужителями разных рангов и в разных ситуациях; наиболее уникальным является переживание общения с Высшей Силой – Богом либо духами, божествами. Именно описания этого рода переживаний наиболее противоречивы, поскольку зависят во многом от особенностей мировоззрения отдельных авторов, их отношения к религиозным феноменам.

По мнению некоторых богословов, такова изначальная природа отношения человека и Бога: «...[Бог] с неизреченною любовью предстоит нам, всегда желательно готовый с часу на час и с минуты на минуту подать всякую помощь, [...] как только притечем в объятия Его с твердым упованием» [9, с.130]. По их мне-

нию, именно Божественная благодать делает возможным спасение души, а вся христианская религия служит подтверждением этому, поскольку «[Бог] прежде разными образами почтил тебя и явил к тебе любовь Свою: создал тебя из ничего по образу и подобию Своему и все другие твари сотворил на служение тебе; избавил тебя от рабства диавола, послав не Ангела какого, но Сына Своего Единородного...» [9, с.132]. Как видим, святоотеческие писания предполагают внутренне вовлечённую позицию, содержат эмоциональные описания как самого общения с Богом, так и путей его интенсификации, причин и закономерностей.

Психологические исследования также указывают на данный аспект религиозных верований. У. Джеймс, один из пионеров в области психологии религии, фактически определяет его как основополагающий: «Каждое религиозное явление ... всегда и на всех своих ступенях состоит из сознания своей живой связи с высшими силами...» [10, с. 34]. Анализ его дальнейших рассуждений позволяет увидеть, что особенную значимость приобретает собственная уверенность человека в существовании некой связи его с Богом. Она выражается во многом благодаря молитве как возможности такого общения, придающего позиции человека большую степень активности, наделяющего субъекта более деятельной ролью.

Что касается коммуникаций в религии в области «человек-человек», то они неотъемлемы от неё, хотя и могут варьироваться в разных деноминациях. Например, некоторые религии представляют собой чётко структурированную иерархизированную общность, в то время как в других священство или духовенство как класс отсутствует, верующие же считаются равными друг другу. Могут варьироваться и функции и обязанности священнослужителей.

Эмпирические исследования показывают некоторую двойственность коммуникаций, связанных с религиозностью. В классической работе Г. У. Оллпорт, исследуя корреляции между особенностями религиозности и наличием предрассудков, пришёл к выводу, что люди с внешним типом религиозности более склонны к формированию негативного отношения по отношению к представителям других групп, а также к проявлениям нетерпимости. Это

подтверждается и в других исследованиях. В частности, в проведённом нами исследовании, охватившем 200 человек, было установлено что внутренняя религиозность отрицательно коррелирует с эгоистической мотивацией; в исследовании Д. М. Чумаковой была выявлена большая рефлексивность, общительность, отзывчивость религиозных испытуемых [11].

Сторонники религиозных взглядов, представители тех или иных религий также придают большое значение данному фактору. Например, с точки зрения христианских апологетов, «становление и развитие личности человека происходит ... в отказе обладать природой для себя: личность существует всегда в направлении к другому, к своему ближнему – к тому, кто в тебе нуждается» [12, с. 86]. Более того, Т. А. Флоренская отмечает, что «Церковь является школой духовного становления: таинства Церкви реально приобщают человека к Богу и выявляют в нем образ Божий» [5, с. 41]. Если люди приближаются к Богу, то и общение меж ними облегчается, исчезают препятствия.

Следующей особенностью, присущей религии, является трансцендентность как возможность и процесс получения опыта, выходящего за рамки непосредственного восприятия.

Данный компонент также тесно связан с уже рассмотренными двумя. Вера, являющаяся основанием для построения религиозной картины мира, представляет собой пример внерационального знания, несводимого к эмпирическому, сенсорному. А. ван Каам понимает веру как качество личности, способствующее интеграции профанного и сакрального миров человека [13]. Она сопутствует вхождению в мир смыслов, основанный на трансценденции, постижении тайны, выходящий за границы природы.

Относительно специфики когнитивных механизмов веры также существует несколько точек зрения. А. Двойнин, отграничивая её от знания, указывает, что «психологической продукцией веры выступает не представленность образа будущего в сознании, а переживание будущего в настоящем» [14, с. 101]. Другими словами, происходит некая интеграция человека в значимое для него грядущее, причём интеграция скорее на эмоциональном уровне, чем на интеллектуально-образном, – такая, словно это грядущее обрело реальность уже в данный момент.

К. Товбин описывает сходные аспекты переживания постигаемого явления: «... человек в вере прикасается и приплавляется к объекту веры, в то время как наука всегда за всем наблюдает со стороны» [15, с. 20].

В святоотеческих трудах вера упоминается как один из ключевых элементов Богопознания, то есть такого познания, которое осуществляется по совершенно иным принципам, нежели обыденное, чувственное, и направлено на качественно иную реальность. Так, преп. Исаак Сирийский считал, что «для духовных тайн, которые выше ведения и которых не ощущают ни телесные чувства, ни разум, Бог дал нам веру» [16]; о том же писал и св. Иоанн Златоуст: «Как глаза не видят ничего умственного, так очи веры не видят ничего чувственного...» [17, с. 221].

Как видим, разные авторы одной из неотъемлемых сторон веры называют связь с вневещественной реальностью, превосходящей обыденное человеческое существование и природное окружение.

К этому компоненту относится упомянутое выше переживание взаимосвязи с высшими, сверхчеловеческими силами (духами, богами и т. д.). В некоторых преимущественно ориенталистских верованиях (буддизм, джайнизм и др.) это состояние может заменяться ощущением просветления, трансценденции привычного образа мышления, постижения Истины. Переживание контакта с некой сущностью, обладающей знаниями и возможностями, значительно превосходящими человеческие, вызывает особые эмоциональные состояния. Они могут быть более или менее сильными, начиная от простого ощущения сопричастности к высшему замыслу и заканчивая божественными откровениями и чувством полного единения с Богом.

При изучении личности существует множество подходов к объяснению механизмов такого контакта, рассматривающих данный феномен как с негативным, так и с позитивным к нему отношением. К. Г. Юнг объясняет возможность существования такого рода опыта обращением к находящимся в области коллективного бессознательного архетипам – «наиболее древним и наиболее всеобщим представлениям человечества» [18, с. 12]. В. Франкл объясняет большую часть разговоров с Богом как обращение к собственной персонифицированной

совести, признавая, однако, возможность действительного существования сверхмира, высших сил, понять которые человек не в состоянии. Существует также психиатрический вариант трактовки божественных откровений как форм психических отклонений или заболеваний. Свою точку зрения по этому поводу имеют и те учёные, целью которых является синтез психологической науки с религией.

Например, М. Миронова утверждает, что вообще при самом построении периодизации развития, учитывающей христианские представления о человеке, «речь может идти о топологии жизненного пути человека, на котором постепенно восстанавливается утраченная событийная общность Личности и Бога» [19, с. 30]. В этом плане её точка зрения совпадает со святоотеческой позицией, согласно которой общение человека с Богом изначально возможно (но не гарантировано) благодаря особому свойству первого. Эту же позицию можно встретить и в постулатах нравственной психологии А. Гармаева: «...Человек предает себя по велению Совести в волю Бога, верою обращается к Нему, ищет Его содействия...» [20, с. 148].

Несмотря на то что в разных религиях практики приобщения человека к миру существенно отличаются, в каждой из них переживанию трансцендентного опыта уделяется большое значение. Так, для достижения этого чувства в разных традициях используются особые физические практики (йога, пост, аскеза), словесные (молитвы, песнопения, мантры) и созерцательные (янтры, созерцание природы) техники. Кроме того, используются различные способы изменения сознания.

В психологической науке существует множество исследований, посвящённых феномену самотрансценденции, описывающих его как уникальное явление, связанное со стремлением человека выйти за границы самого себя, стремлением к чему-то, лежащему вовне его и не принадлежащему ему. В то время как А. Маслоу полагал наивысшим человеческим мотивом самоактуализацию как наиболее полное раскрытие *собственных* качеств, *собственных* способностей, В. Франкл считал, что «в действительности человеком движет не наслаждение и счастье как таковые, а скорее то, что порождает их, будь то осуществление личного смысла или обще-

ние с другим человеком. Это относится также и к общению с богом» [7, с. 38–39]. И хотя А. Маслоу писал о пиковых переживаниях как тесно связанных с понятием самореализующейся личности, которые он сравнивал с посещением «личного Рая, из которого индивид потом возвращается на землю» [21, с.139], это по-прежнему *личный Рай*.

Точка зрения В. Франкла созвучна религиозной позиции касательно цели личностного развития. Практически в любой религиозной традиции эта цель становится чем-то большим, чем человек является изначально, облекаясь в идею духовного совершенствования. В буддизме, например, это достижение состояния Будды – особого состояния ума, освобождение от отрицательных эмоций и страданий и достижение нирваны («Пусть я постигну всю вселенную и существ... и пусть я обрету Опыт переживания чистой земли Акаништхи... И пусть я буду освобожден в Теле Юного Сосуда» [22]); в христианстве – постижение Христа и уподобление своей жизни Его, предание своей жизни Божьей воле («...цель христианства – достичь блаженного состояния обожения. Обожение и подобие Божие отождествляются между собою» [23, с. 25]); в исламе большое значение придаётся растворению личности, личной воли в воле Аллаха («Полное подчинение человека Одному лишь Создателю ... [которое] возвышает его, поскольку благодаря Ему он освобождается от подчинения и служения всему, что менее значимо, чем Бог» [24]).

Итак, в психологическом содержании религии наиболее важными нам представляются три компонента: когнитивный, коммуникативный и трансцендентный. Именно их сочетание позволяет в первую очередь отличить религию от рядоположенных явлений, формируя её своеобразие и придавая уникальные особенности. Также эти компоненты соответствуют тому факту, что обращение к религии позволяет удовлетворить не только непосредственно религиозные потребности, но и ряд других – потребность в общении, принадлежности, упорядочивании представлений о действительности, в смыслообразовании и осмыслении собственной жизни. Эти мотивы также могут со временем ослабевать или усиливаться, дополнять или заменять друг друга.

Стоит отметить также, что приведённая выше схема, как и любая другая, условна. Она служит для упрощения организации представлений об особенностях существующих религий и религиозного опыта. Таким образом, допускается возможность выделения и других компонентов, равно как и составление качественно иной схемы в случае расхождения парадигмальных установок, методологических предпочтений.

Ссылки

1. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. Изд. 2-е, перераб., доп. М: АСТ ; Мн: Харвест, 1998. 976 с.
2. Новейший психологический словарь / под ред. В. Б. Шапаря. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 808 с.
3. Miesse C. A. Religiosity and spirituality in African American children. Denton.: University of North Texas, 2005. 77 p.
4. Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. и послесл. Л. А. Чернышевой. Мн.: Коллегиум, 1992. 253 с.
5. Флоренская Т. А. Диалоги о воспитании и здоровье: Духовно ориентированная психотерапия // Духовно-нравственное воспитание. Школьная пресса. 2001. № 3. 96 стр.
6. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2002. 296с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
8. Андреева Г. М. Психология социального познания. Изд. второе, перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
9. Преподобный Никодим Святогорец. Невидимая брань. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. 236 с.
10. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта: пер. с англ. М.: Наука, 1993. 432 с.
11. Чумакова Д. М. Эмпирическое исследование религиозности в структуре личностных качеств // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 132–135.
12. Буфеев С. О православном понимании личности (продолжение) // Развитие личности. 2004. № 3. С. 83–97.
13. Психология потери веры: URL: <http://superidea.ru/intel/psy/vera.htm>

14. Двойнин А. Психологическое исследование феномена веры // Развитие личности. 2005. № 2. С. 96–111.
15. Товбин К. М. Трансформация концепции «Москва – Третий Рим» в русском православном старообрядчестве: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006. 26 с.
16. Сирин И. Слова подвижнические. М.: Правило Веры, 2009. 708 с.
17. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. М.: Приход храма Святого Духа сошествия, 2005. Т. 4, кн. 1: Творения. 544 с.
18. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
19. Миронова М., Мелехова М. Построение лестницы развития/регрессии в христиански-ориентированной терапии // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 3. С. 26–73.
20. Гармаев А. Обрести себя. 2-е изд., доп. Волгоград: Изд-во Макариев-Решемской обители, 1995. 300 с.
21. Маслоу А. Психология бытия: пер. с англ. М.: Рефлбук; К.: Ваклер 1997. 304 с.
22. Вхождение в город всеведения / сост. Ригдзин Джигме Лингпа. URL : <http://www.dharmawiki.ru/index.php>
23. Вламос И. Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. 368 с.
24. Ханиф С. Что должен знать каждый об Исламе и мусульманах / пер. с англ. Д. Б. Пальца. Киев: Ансар Фаундейшн, 2003. 208 с.

УДК 37.013.77

Представлены результаты обследования особенностей стилей делового общения (СДО) менеджеров двух российских компаний: «Максвелл» и «Ротер-Хаус» – и одной зарубежной компании «Кока-Кола». Показано, что СДО менеджеров коммерческих компаний характеризуется высокой выраженностью отдельных компонентов. При этом показатели представителей двух отечественных разно-профильных компаний различаются в меньшей мере, чем аналогичные в одно-профильных компаниях – отечественной и зарубежной. Условия социальной микро- и мезосреды можно считать важными факторами формирования и закрепления СДО менеджеров.

Ключевые слова: стили; деловое общение; менеджеры; коммерческие компании.

The authors present the survey on business communication styles (SBC) features of managers of two Russian companies: «Maxwell»-51 persons and «Rotor House»-28 pers. and a foreign company («Coca Cola»-62). The findings display that SBC managers of commercial companies are characterized by a high degree of individual components of the style. Two representatives of domestic enterprises with different profile differ less than companies of the same profile, but domestic vs foreign. Social conditions of micro-and mezzo-environments can be considered as important factors in the developments and formation of SBC managers.

Keywords: styles; business communication; management; commercial company.

С. В. Шпитонков

E-mail: shpitionkov@mail.ru

Е. А. Палт

E-mail: katerinapalt@gmail.com

Научно-исследовательский институт технической эстетики

Условия среды коммерческой компании в детерминации стилей делового общения менеджеров

Научная статья

S. V. Shpitionkov

E. A. Palt

Scientific Research Institute of technical aesthetics

Conditions Wednesday commercial company business communication styles determination managers

Scientific article

Введение

Стили как психологическое явление стали изучать в первой половине XX ст. В исследованиях стилей (руководства, деятельности, делового общения и др.) до настоящего времени наименее изученными остаются вопросы их детерминации со стороны условий социальной среды (макро-, мезо-, микросреды) [1–4]. Другой актуальный и малоизученный вопрос – детерминация стилей субъектов со стороны возраста, социального

опыта (стажа работы и др.), гендера, в широком смысле – вопрос профессиональной эволюции субъекта [2–6].

Цель, предмет и методы исследования

Цель исследования: изучение детерминации стилей делового общения условиями социальной среды. *Предмет* – стили делового общения менеджеров современных коммерческих организаций. *Гипотеза:* стили делового общения

© Шпитонков С. В., 2017

© Палт Е. А., 2017

субъектов обнаруживают большее или меньшее сходство в зависимости от особенностей корпоративной культуры организаций.

База исследований

Обследовались три выборки менеджеров и линейных руководителей подразделений трех крупных коммерческих компаний («Максвелл» – 51 чел.; «Ротер-Хаус» – 28 чел.; «Кока-Кола» – 62 чел.). Отечественная компания «Максвелл» успешно работала в страховом бизнесе, отечественная компания «Ротер-Хаус» – в сфере продажи напитков, как и американская «Кока-Кола».

Методы исследования: опрос экспертов, методика изучения корпоративной культуры (Д. Денисона), психодиагностика (тест-опросники 16 Р. Б. Кеттелла, УСК), исследовательская методика «Стили делового общения» (СДО). Согласно концепции стилей деятельности В. А. Толочка [4], в них выделяются три иерархических уровня, различающихся по генезису структур, природе образующих компонентов. В структурно-функциональной организации стилей первым иерархическим уровнем являются «субъективно-удобные условия деятельности» (СУУД), определяющие выбор субъектом комфортных для него условий среды, режимов деятельности и т. п. Вторым, средним, блоком стиля выступают «операциональные системы» (ОС) – психологические системы, реализующие практические компоненты деятельности, конкретные когнитивные и предметные действия, опосредующие взаимодействия субъекта с объектом (например, действия и приемы профессиональной деятельности) и субъектами.

Третий уровень стиля – «Идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ИР/ТОД) – рассматривается как высший уровень адаптации субъекта к среде. Концептуальная схема структурно-функциональной организации стилей реализована в анкете «Стили делового общения» (СДО). Методика включает 33 пункта, ориентированных на выявление доминирующих функций в общении субъекта, стратегий поведения, репертуара средств общения и субъективно удобных для него условий общения. Респонденту предлагалось в 10-балльной шкале (от 0 до 9 баллов) оценить меру предпочтения, удобства и частоты использования представленных в анкете компонентов стилей. Для уточнения роли социально-демографических факторов использовались данные «шапки» анкеты СДО.

Для анализа применялись описательные статистики и t-сравнение.

Результаты исследования

Выборки были сопоставимы по числу респондентов, а также по их социально-демографическим характеристикам (табл. 1). На 1-м этапе изучался состав СДО – мера выраженности компонентов стилей. Очевидно, что менеджеров, представителей социномической профессии, можно а-приори считать профессиональными коммуникаторами; профессионалами, успешность деятельности которых напрямую связана именно с успешностью их активных коммуникаций. Ожидалось, что параметры стилей по всем изучаемым компонентам СДО будут выше среднего, что и подтвердилось (табл. 2.). Для большей части переменных

Таблица 1

Социально-демографические особенности менеджеров трех коммерческих компаний («Максвелл», «Ротер-Хаус», «Кока-Кола»)

Социально-демографические особенности	«Максвелл»				«Ротер-Хаус»				«Кока-Кола»			
	Min	Max	M	SD	Min	Max	M	SD	Min	Max	M	SD
Возраст	22	46	28,31	5,11	23	49	28,12	5,17	21	47	29,47	5,29
Состояние в браке	0	1	0,63	0,44	0	1	0,64	0,38	0	1	0,61	0,49
Семейный стаж	0	22	5,35	6,07	0	24	5,66	6,12	0	25	5,70	6,21
Дети	0	3	0,83	0,77	0	3	0,86	0,81	0	3	0,86	,89
Стаж работы	1	28	9,98	5,69	1	29	10,13	5,87	1	29	10,01	5,81
Стаж на руководящей должности	0	10	0,78	1,91	0	19	0,79	1,74	0	12	0,81	1,96
Должность	3	5	3,22	0,89	3	6	3,41	0,95	3	6	3,47	0,95

Примечание: Min – минимальные значения, Max – максимальные значения, M – средние, SD – стандартные отклонения.

**Статистики стилей делового общения выборок менеджеров
трех коммерческих компаний («Максвелл», «Ротер-Хаус», «Кока-Кола»)**

Компоненты стиля	Средние			Коммерческие компании					
	M1	M2	M3	«Максвелл»/ «Ро-тер-Хаус»	«Ротер-Хаус»/ «Ко-ка-Кола»	«Максвелл»/ «Кока-Кола»	«Максвелл»/ «Кока-Кола»	«Максвелл»/ «Кока-Кола»	«Максвелл»/ «Кока-Кола»
Функции общения									
Информация	7,10	6,57	7,16	,144	,100	,074	,044	,837	,839
Эмоция	6,33	6,46	7,37	,774	,724	,005	,001	,005	,007
Управление	6,51	6,36	6,48	,668	,629	,721	,674	,936	,936
Развитие	6,84	6,57	6,44	,471	,384	,716	,641	,252	,252
Стратегии поведения									
Соперничество	4,31	6,21	5,27	,000	,000	,050	,020	,046	,045
Уход	3,33	4,29	3,71	,079	,059	,331	,261	,457	,451
Уступка	5,14	5,75	5,47	,180	,143	,522	,473	,405	,406
Компромисс	7,00	6,43	7,16	,083	,043	,016	,004	,576	,579
Сотрудничество	7,65	7,39	7,94	,426	,348	,030	,014	,264	,278
Действия общения									
Сила	4,16	6,25	5,66	,000	,000	,156	,058	,000	,000
Аргументация	7,24	7,21	7,55	,948	,939	,216	,147	,251	,260
Использование невербальных средств	6,29	6,07	6,26	,642	,614	,630	,626	,922	,924
Привлечение	4,90	5,96	5,71	,022	,010	,536	,485	,040	,042
Организация времени	5,90	6,36	6,82	,218	,176	,163	,129	,003	,004
Предоставление времени партнеру	5,73	6,11	6,23	,313	,272	,692	,690	,086	,095
Фиксация времени переговоров	4,69	6,11	5,71	,003	,001	,356	,285	,013	,013
Фиксация времени решения задачи	5,37	6,00	6,19	,152	,120	,614	,592	,022	,024
Использование параметров решения задачи	6,41	6,57	7,23	,712	,664	,027	,020	,014	,020
Обозначение проблемы	5,82	6,25	6,10	,312	,285	,703	,685	,440	,442
Организация пространства общения	6,22	5,71	5,40	,248	,244	,519	,483	,041	,037
Использование документов	7,24	6,64	6,79	,071	,069	,696	,665	,148	,139
Использование писем	6,22	6,57	5,56	,426	,370	,027	,010	,113	,112
Содействие	7,47	6,71	7,03	,014	,014	,409	,341	,156	,143
Просьба	6,92	6,75	7,13	,620	,557	,171	,115	,467	,478
Поощрение	6,24	6,29	6,90	,904	,890	,137	,076	,082	,082
Угрозы	2,67	5,00	4,47	,000	,000	,331	,248	,000	,000
Субъективно удобные условия									
Экстремальность	5,02	4,82	6,02	,683	,638	,005	,002	,015	,017
Активность	5,73	6,29	7,21	,215	,135	,001	,001	,000	,000
Темп	5,33	6,25	6,40	,011	,003	,610	,556	,000	,001
Время	5,65	5,39	6,00	,498	,461	,112	,073	,294	,292
Динамика	6,04	5,57	6,34	,183	,156	,026	,016	,319	,319
Дистанция	5,72	5,36	6,21	,392	,347	,047	,024	,202	,200

Примечания: M1 – средневыборочные данные менеджеров компании «Максвелл»; M2 – «Ротер-Хаус»; M3 – «Кока-Кола».

средние были выше 5,00 баллов (при 0 – минимальном значении и 9 – максимальном), т. е. выше более 67 % диапазона шкалы для 82–94 % анализируемых компонентов [7; 8]. Сравнительно низкие оценки по отдельным шкалам отражали не функциональные ограничения стилей обследуемых менеджеров, а относились к социально- и профессионально-этическим ограничениям (к которым условно можно относить акцентированное использование менеджерами стратегий соперничества и избегания, демонстрацию силы и угрозы). Из 33 анализируемых компонентов стилей в выборке менеджеров «Максвелл» таких невыраженных компонентов было шесть (или 18 % от общего числа анализируемых компонентов), у менеджеров «Ротер-Хаус» и «Кока-Колы» лишь по два (или 6 %).

Если сравнительно высокие значения выраженности компонентов СДО профессиональных коммуникаторов были ожидаемыми результатами НИР, то различия, нередко достигающие уровня статистической значимости, у успешных менеджеров, работающих в разных компаниях, оказались яркими и важными научными фактами (табл. 2). Так, при сопоставлении выраженности компонентов СДО у менеджеров двух российских компаний («Максвелл» и «Ротер-Хаус») значимые различия имели место в отношении 7 компонентов (или 21 %) (табл. 2). У менеджеров двух отечественных разнопрофильных компаний различия были менее выражены, чем у менеджеров отечественной компании и зарубежной, сходных по ведению бизнеса, но «имеющих разные порты приписки» – российский и американский.

Обсуждение результатов исследования

Выявленные результаты, а именно: 1) большее сходство выраженности компонентов СДО у менеджеров двух российских разнопрофильных компаний («Максвелл» и «Ротер-Хаус») и, напротив, выраженное различие компонентов СДО у менеджеров двух однопрофильных компаний (российской и зарубежной); 2) выраженность различий разных компонентов СДО у менеджеров трех коммерческих компаний – можно считать убедительным свидетельством в пользу гипотезы детерминированности стилей (в данном случае СДО) условиями социальной среды (в данном случае социальной микросреды рабочих групп и субкультуры организации) [7; 8].

Сходство представителей трех выборок по основным социально-демографическим характеристикам снимает альтернативные гипотезы о влиянии гендерных и возрастных характеристик, семейной среды и т. п. на СДО. Высокая текучесть персонала в трех изучаемых компаниях косвенно отражает, с одной стороны, факты требований большего соответствия кандидатов на работу корпоративной культуре компании, с другой – закрепление в них и успешную карьеру именно тех лиц, которые соответствуют по своему стилю требованиям деятельности и корпоративной культуры организации. Выраженное внутригрупповое сходство (стандартные отклонения по всем компонентам невелики), с одной стороны, статистически значимые различия между представителями трех выборок – с другой, можно считать достаточными для отклонения альтернативных гипотез. Результаты представленного исследования убедительно свидетельствуют в пользу гипотезы о важной роли корпоративной культуры организаций в формировании стилей делового общения сотрудников.

Выводы:

1. Стили делового общения профессиональных коммуникаторов – менеджеров коммерческих компаний – характеризуются сравнительно высокой выраженностью отдельных компонентов стиля;

2. По выраженности отдельных компонентов стилей делового общения представители двух отечественных разнопрофильных компаний различаются в меньшей мере (статистически значимо в отношении 21 % компонентов), чем менеджеры однопрофильных компаний – отечественной и зарубежной (статистически значимо в отношении 33 и 42 % компонентов);

3. Условия социальной микро- и мезосреды можно считать важными факторами формирования и закрепления стиля делового общения менеджеров.

Ссылки

1. Карпов А. В., Маркова Е. В. Стилевые особенности процесса принятия управленческих решений // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 80–86.

2. Маркова Е. В. Динамика стилевых особенностей управленческой деятельности в карьере руководителя // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 4 (38). С. 112–114.
3. Толочек В. А. Профессиональная успешность субъекта: психологические и социальные контексты // Методы исследования психологических структур и их динамики / отв. ред.: Т. Н. Савченко, Г. М. Головина. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 69–81.
4. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Институт психологии РАН, 2015. 366 с.
5. Кашапов М. М. Стадии творческого мышления профессионала: монография. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2006. 380 с.
6. Толочек В. А. Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 2 (40). С. 155–161.
7. Толочек В. А., Палт Е. А., Шпитонков С. В. Сопряженная профессиональная карьера субъекта как феномен и как научная проблема: микро-, мезо- и микроциклы карьеры // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 123–129.
8. Шпитонков С. В. Управление профессиональной карьерой менеджера: практические и теоретические аспекты // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (29). С. 94–97.

Дополнительные сведения об авторах

- Марасанова Виктория Михайловна* — доктор исторических наук, профессор
Мойсинович Анна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент
Лебедев Антон Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент
Гавристова Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, профессор
Спиридонова Елена Владиславовна — кандидат исторических наук, доцент
Пушкарева Екатерина Сергеевна — магистрант
Захарова Наталия Андреевна — аспирант
Следников Алексей Георгиевич — аспирант
Иванчин Артем Владимирович — доктор юридических наук, профессор
Павлова Людмила Олеговна — магистрант
Тарусина Надежда Николаевна — кандидат юридических наук, профессор
Миролюбова Ольга Германовна — кандидат юридических наук, доцент
Исаева Елена Александровна — кандидат юридических наук, доцент
Соколов Александр Владимирович — кандидат политических наук, доцент
Симонова Снежана Владимировна — аспирант
Климова Анна Сергеевна — аспирант
Кукушкина Марина Вячеславовна — аспирант
Карпов Анатолий Викторович — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор
Карпов Александр Анатольевич — кандидат психологических наук, доцент
Маркова Елена Владимировна — кандидат психологических наук, доцент
Коровкин Сергей Юрьевич — кандидат психологических наук, доцент
Емельянова Светлана Сергеевна — магистрант
Чистопольская Александра Валерьевна — ассистент
Владимиров Илья Юрьевич — кандидат психологических наук, доцент
Секурцева Юлия Геннадьевна — магистрант
Ключева Надежда Владимировна — доктор психологических наук, профессор
Армашова Анастасия Борисовна — аспирант
Волкова Марина Геннадьевна — кандидат психологических наук, доцент
Рыбникова Елена Владимировна — кандидат психологических наук, доцент
Власов Никита Анатольевич — ассистент
Донцов Андрей Владиславович — старший преподаватель
Шпитонков Сергей Викторович — аспирант
Палт Екатерина Александровна — аспирант
-

Contributors

- Marasanova Victoria Mikhailovna* — Doctor of Historical Sciences, Professor
- Moysinovich Anna Mikhailovna* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
- Lebedev Anton Vyacheslavovich* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
- Gavristova Tatiana Mikhailovna* — Doctor of Historical Sciences, Professor
- Spiridonova Elena Vladislavovna* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
- Pushkareva Ekaterina Sergeevna* — Master's student
- Zakharova Natalia Andreevna* — Postgraduate student
- Slednikov Alexey Georgievich* — Postgraduate student
- Ivanchin Artem Vladimirovich* — Doctor of Juridical Sciences, Professor
- Pavlova Lyudmila Olegovna* — Master's student
- Tarusina Nadezhda Nikolaevna* — Candidate of Juridical Sciences, Professor
- Miroljubova Olga Guermanovna* — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
- Isaeva Elena Alexandrovna* — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
- Sokolov Alexander Vladimirovich* — Candidate of Political Sciences, Associate Professor
- Simonova Snezhana Vladimirovna* — Postgraduate student
- Klimova Anna Sergeevna* — Postgraduate student
- Kukushkina Marina Vyacheslavovna* — Postgraduate student
- Karpov Anatoliy Viktorovich* — Correspondent member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor
- Karpov Aleksandr Anatolyevich* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Markova Elena Vladimirovna* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Korovkin, Sergei Yurevich* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Emelyanova Svetlana Sergeevna* — Master's student
- Chistopolskaya Alexandra Valeryevna* — Teaching Assistant
- Vladimirov Ilya Yuryevich* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Securtseva Julia Gennadyevna* — Master's student
- Klueva Nadezhda Vladimirovna* — Doctor of Psychological Sciences, Professor
- Armashova Anastasia Borisovna* — Postgraduate student
- Volkova Marina Gennadievna* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Rybnikova Elena Vladimirovna* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Vlasov Nikita Anatolievich* — Teaching Assistant
- Dontsov Andrey Vladislavovich* — Senior Lecturer
- Shpitionkov Sergey Viktorovich* — Postgraduate student
- Palt Ekaterina Aleksandrovna* — Postgraduate student

